

С. КНЯЗЬКОВЪ.

КАКЪ СЛОЖИЛОСЬ И КАКЪ ПАЛО
КРѢПОСТНОЕ ПРАВО
ВЪ РОССІИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. КИЗЕВЕТТЕРА.

ИЗДАНИЕ 4-е,

исправленное и дополненное.

МОСКВА.

Издание I. Кнебель.

1911.

К-216/79

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku

FUW0264988

Посвящается седьмой Московской вос-
кресной женской школѣ.

(1893—1900 гг.)

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А.А.ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., сов. д.

1911.

Императоръ Александръ II Царь-Освободитель.

Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи.

Полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи прекратилось господство крѣпостного права. То было время, когда помѣщики владѣли крестьянами, какъ всякой другой вещью въ своемъ хозяйскомъ обиходѣ. Крестьянъ покупали и продавали, мѣнялись ими, переселяли ихъ изъ одной мѣстности въ другую. Помѣщикъ могъ наказывать своихъ крестьянъ за проступки; крестьяне ничего не смѣли дѣлать безъ позволенія своего господина. Помѣщичьи крестьяне находились, словомъ, въ полной зависимости отъ своихъ господъ. Крѣпостныхъ ко дню отмѣны крѣпостного права—19-го февраля 1861 г.—считалось болѣе 25 милліоновъ душъ обою пола.

Не сразу выросла, конечно, такая полная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Какъ и все въ человѣческой жизни, крѣпостное право выросло понемногу, постепенно, и въ своемъ развитіи пережило не одну ступень.

Чтобы понять, какъ оно сложилось, надобно взглянуть далеко въ глубь прошлаго, лѣтъ за пять сотъ, или за шесть сотъ до нашего времени. Тогда еще только собиралась около Москвы Русская земля, раздробленная на удѣлы, раздавленная татарскимъ владычествомъ.

Московскіе князья счастливо заняли мѣстность по теченію рѣки Москвы, одинаково удаленную отъ всѣхъ враговъ тогдашней Руси—и отъ татаръ, и отъ Литвы; къ тому же, они умѣли удачно отдѣлываться отъ этихъ разорителей Русской земли. Жизнь въ Московскомъ княжествѣ устранивалась поэтому относительно спокойнѣе, нежели въ другихъ. Немудрено, что народъ, усталый и измученный постояннымъ кровопролитіемъ, стремился селиться во владѣніяхъ московскаго князя. Населеніе московскаго княжества поэтому постоянно возрастало; московская земля обрабатывалась больше и лучше, слѣдовательно, давала и больше дохода. Московскій князь сталъ не только сильнѣе, но и богаче другихъ князей—тверскихъ, рязанскихъ, ярославскихъ, нижегородскихъ и пр. Понемногу московскіе князья стянули всѣ эти княжества подъ свою руку: какія скупили, какія просто забрали, и сдѣлались, такимъ образомъ, государями, хозяевами и владѣтелями надъ всею великорусскою землею.

Послѣ того, какъ подъ руководствомъ московскаго князя собралась въ одно государство вся Русская земля, стали считать, что вся земля въ государствѣ принадлежитъ только государю, подданные же могутъ только пользоваться ею, а не *владѣть*. За пользованіе государевой землею народъ долженъ былъ платить ему дань, подать. Народъ въ то время такъ и говорилъ, что «земля—великаго государя да Божья, а роспаша и ржи—наши».

Итакъ, въ Московскомъ государствѣ вся земля считалась царевой. Эту землю царь раздавалъ дворянамъ «для службы». Это значитъ, что получившіе землю отъ Великаго Государя должны были, кормясь отъ обработки этой земли, быть готовы на государеву службу. Розданныя служилымъ людямъ *помѣстья* государь всегда могъ отобрать у нихъ, заставить ихъ перемѣнить одно помѣстье на

другое, лучшее на худшее, дальнее отъ Москвы на близкое къ ней и наоборотъ.

У многихъ служилыхъ людей, особенно у знатныхъ и родовитыхъ, потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ, находились еще во владѣніи земли, перешедшія къ нимъ отъ предковъ. Такія земли назывались *вотчинами*. Вотчинами владѣльцы могли распоряжаться, какъ своимъ имуществомъ: могли продавать, мѣнять, завѣщать ихъ, отдавать въ приданое. *Помѣстьемъ* же служилый человекъ владѣлъ, пока лишь служилъ, когда же кончалъ службу, то и помѣстье у него отбиралось.

Но такъ какъ всѣ люди московскаго государства были подданными Великаго Государя, его слугами, то и ихъ имущество, какъ и они сами, были въ полномъ распоряженіи Великаго Государя. Когда было нужно, то по царскому приказу у вотчинниковъ отбирались ихъ родовыя вотчины и давались имъ другія. Когда раздавались для службы помѣстья, то вотчинникамъ, обладавшимъ достаточнымъ для службы количествомъ земли въ ихъ вотчинахъ, помѣстья давались меньшихъ размѣровъ, нежели служилымъ людямъ, не владѣвшимъ вотчинами.

И Великій Государь и вотчинники раздавали много земли монастырямъ, какъ вклады за моленія объ упокоеніи душъ своихъ и своихъ предковъ. Изъ такихъ пожертвованій создавались у монастырей большія земельныя имущества, своего рода монастырскія вотчины.

Слѣдовательно, вся земля въ Московскомъ государствѣ считалась принадлежащей Великому Государю, и какъ бы отъ него ее имѣли, въ качествѣ помѣстій или вотчинъ, служилые люди и монастыри.

На сѣверѣ Россіи, въ бывшихъ владѣніяхъ Новгорода Великаго, нынѣшнихъ Архангельской,

Вологодской, Вятской и части Пермской губерній жили крестьяне-своеземцы; это были потомки новгородских переселенцевъ, которые въ стародавнія времена занимали на свой страхъ и рискъ дикую пустыню и обрабатывали ее. Со временъ Ивана III, когда Новгородскія владѣнія были присоединены къ Московскому государству, земли крестьянъ-своеземцевъ тоже стали считать государственными. Это значило, что государь всегда могъ раздать эти земли «въ службу» служилымъ людямъ. Но на дальнемъ сѣверѣ не надо было селить служилыхъ людей; эти края были такъ далеки отъ чужихъ границъ, что держать тамъ военную силу не представлялось нужнымъ, и крестьяне-своеземцы безпрепятственно сами владѣли занятыми ими участками. Они могли передавать свои земли по наслѣдству дѣтямъ и родственникамъ, вкладывать ихъ въ монастыри или въ церкви, закладывать, продавать, отдавать въ приданое дочерямъ.

Вмѣстѣ съ крестьянами средней и южной полосы государства, жившими на земляхъ, еще не разданныхъ «въ службу», крестьяне-своеземцы сѣвера именовались черносопными крестьянами, крестьянами, сидѣвшими на «черныхъ» земляхъ, т. е. казенныхъ, государственныхъ, не находившихся ни въ чьемъ частномъ пользованіи. Часть «черныхъ» земель была приписана ко дворцу, т. е. доходы съ нихъ шли на содержаніе царскаго двора. Эти земли назывались дворцовыми.

Обрабатывалась земля у помѣщиковъ, вотчинниковъ, у монастырей, въ селахъ самого Великаго Государя — крестьянами, которые снимали, арендовали, у всѣхъ этихъ землевладѣльцевъ отдѣльные участки земли.

Самое слово *крестьянинъ* однозначуще со словомъ *христіанинъ*. Называть земледѣльцевъ крестьянами стали приблизительно съ XIV-го вѣка,

быть-можетъ въ отличіе отъ язычниковъ, дикарей-звѣролововъ финновъ, въ странѣ которыхъ усиленно стало селиться съ XII-го вѣка русское христіанское населеніе, перебивавшееся сюда съ безпокойнаго кievскаго юга и начавшее здѣсь заниматься земледѣліемъ.

Въ южной Руси кievскихъ временъ земледѣльцевъ звали просто «люди» или «черные люди», «земляны».

Въ Московскомъ государствѣ крестьяниномъ называли челоуѣка только тогда, когда онъ занимался обработкой земли. Бросалъ челоуѣкъ тѣхъ временъ землю, — переставалъ и называться крестьяниномъ. Тогда онъ становился вольнымъ, гулящимъ челоуѣкомъ, какъ тогда называли людей, не пристроившихся ни къ какому опредѣленному дѣлу. Заарендовывалъ такой гулящій челоуѣкъ участокъ земли — это значило, что онъ «порядился во крестьяне», какъ тогда говорили.

По способамъ своей службы родинѣ, тогдашніе люди распались на два разряда — на «тяглыхъ» и «служилыхъ». Крестьяне и купцы, платившіе подати, «тянувшіе тягло», назывались тяглыми людьми. Всѣ тѣ, которые, вмѣсто денежныхъ повиностей, служили сами, главнымъ образомъ, въ войскѣ, назывались служилыми людьми.

Разница между тяглыми и служилыми состояла въ томъ, что тяглые несли государственныя повинности деньгами, а служилые — службой.

Какъ и въ наше время, крестьяне жили тогда въ деревняхъ. Вокругъ небольшой деревянной церкви-обыденки *) размѣщалось безпорядочно пять, шесть крестьянскихъ дворовъ, рѣдко больше. То было «сельцо». Церковь ставилась обыкновенно на пригоркѣ, съ котораго можно было увидѣть въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сельца — «де-

*) Т. е. построенной въ одинъ день.

ревни», мало похожая на то, что мы теперь называемъ этимъ именемъ. Тогда деревней называли два, три двора, а то и одинъ—починокъ, возникшіе среди лѣса—деревьевъ, отсюда и самое названіе—деревня.

Около каждаго двора разстилалось свое пахотное поле, всегда огороженное ради защиты посѣва отъ дикихъ звѣрей и отъ погравъ. Въ это огороженное пространство входила и луговая земля. За оградой тянулася лѣсъ, или шла нетронутая цѣлина. Часто около заселенаго починка можно было видѣть заброшенную пашню, подлѣ нея развалившуюся избушку, иногда не одну и не двѣ. Брошенные пашни и покинутыя избы, строившіяся, ксати сказать, очень легко, раскидывались иной разъ на довольно большое пространство. Зато путнику случалось вдругъ среди дремучаго лѣса набрести на расчищенные участки и проѣхать одну за другой нѣсколько деревень въ два, три двора, встрѣтить даже село.

Такой непривычный для глаза современнаго человека видъ тогдашней деревни зависѣлъ отъ того, что крестьянинъ того времени самъ землей владѣть не могъ, а только арендовалъ ее для обработки у Великаго Государя, у монастыря, у служилаго человека—вотчинника или помѣщика.

Свободный арендаторъ чужой земли, крестьянинъ былъ воленъ оставить ее и перейти въ другое мѣсто, къ другому землевладѣльцу, конечно, расчитавшись съ первымъ. Точно такъ же и землевладѣлецъ могъ согнать со своей земли крестьянина, покончивъ съ нимъ всѣ расчеты по арендѣ.

Въ поискахъ лучшей земли и болѣе легкой обработки крестьяне переходили отъ одного землевладѣльца къ другому. Поэтому и встрѣчались въ деревняхъ заколоченныя избы, заброшенныя поля—это были жилья тѣхъ, кто ушли и не были замѣнены «новоприходцами».

Каждый крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ особо и селился со всей своей семьей, съ дѣтьми, племянниками и братьями на томъ участкѣ земли, какой по уговору заарендовывалъ. Случалось, что и не родственники, сговорившись, снимали вмѣстѣ одинъ участокъ земли.

Деревня въ XVII в.

Крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ, какъ свободный, равноправный съ нимъ человекъ. Землевладѣлецъ, въ заботахъ о томъ, чтобы получить хорошаго работника, который не запуститъ бы землю и съ распаханной земли исправно платилъ всѣ сборы, принималъ далеко не всякаго, желавшаго порядиться во крестьяне. Новаго «приходца» долго и много опрашивали кто онъ, да откуда, да почему ушелъ съ прежней земли. Если отвѣты новоприходца казались неудовлетворительны, а отказать ему расчета не было, землевладѣлецъ требовалъ отъ поряжавшаго землю приходца, чтобы онъ представилъ по себѣ «послуховъ»—поручителей, которые «ручали» бы его въ томъ, что онъ будетъ за ихъ порукой жить въ такой-то де-

ревнѣ смирно и все исполнять, о чемъ уговорились, вѣрно.

Обыкновенно, крестьянинъ снималъ столько земли, сколько былъ въ силахъ обработать, занималъ земли «куда топорь, коса и соха ходили», т.-е. насколько силъ хватало, отчего и самое пользование землей долгое время называлось «посильемъ».

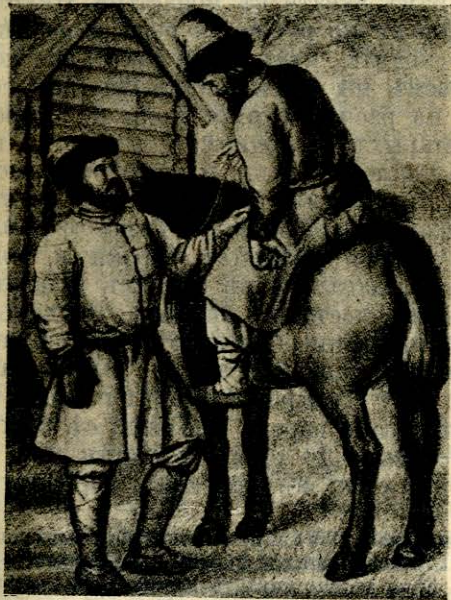
Земля измѣрялась въ то время сохами. Сохой тогда называли извѣстное пространство земли, съ котораго шло опредѣленное количество казенной подати. Различали новгородскую и московскую сохи. Соха новгородская заключала въ себѣ три обжи; обжей назывался участокъ земли, заключающій въ себѣ, смотря по качеству почвы, отъ 10 до 15 десятинъ въ трехъ поляхъ. Считали тогда землю, впрочемъ, больше на четверти, чѣмъ на десятины, и четверть равнялась 1½ десятинамъ въ трехъ поляхъ. Московская соха заключала въ себѣ разное количество земли, смотря по ея качеству. Такъ, соха доброй земли заключала въ себѣ 800 четвертей, средней 1000 четвертей, худой 1500 четвертей: 800 четвертей составятъ 1200 десятинъ въ трехъ поляхъ; 1000 четвертей—1500 десятинъ въ трехъ поляхъ; 1500 четвертей—1800 десятинъ въ трехъ поляхъ. Московская соха раздѣлялась на «выти»; выть была больше обжи и заключала въ себѣ отъ 18 до 24 десятинъ въ трехъ поляхъ, тоже смотря по качеству земли.

Снимая землю, нѣкоторые крестьяне брали цѣлую выть, другіе половину, треть, четверть, даже одну шестую и восьмую часть выти или обжи.

При сѣмкѣ посильной доли земли, крестьянинъ въ особомъ письменномъ условіи—«порядной грамотѣ», утверждавшейся начальствомъ—намѣстникомъ или воеводой,—уговаривался съ землевладѣльцемъ, сколько онъ ему долженъ платить за

пользование землей и какія работы обязывается отбывать въ пользу землевладѣльца.

Вотъ одна такая порядная грамота: «Се язъ Никифоръ да язъ Софонтей Васильевы дѣти, крестьяне Баслановы, изъ деревни Замошья,

Крестьяне въ Московское время.

дали есмя на себя запись въ томъ, что порядилися есмя за Николу Чудстворца въ Заверяжи (т.-е. за монастырь св. Николая), на деревню на Липовець, на штину (1/6 часть) обжи, а взяли

емя подмогъ два рубля *) да льготы на два года въ монастырь дани не давати и не ходити на дѣло. А живучи намъ на той деревнѣ, тягло государственное всякое тянути съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ; а за ту подмогу намъ и за льготу деревня распахати и поля огородити, и старыя хоромы починити, и новыя поставити; два хлѣва да мыльня **). И какъ пройдутъ тѣ льготныя два года, и намъ давати въ монастырь Николѣ Чудотворцу оброку по рублю на годъ и на дѣло монастырское ходити, какъ иные крестьяне ходятъ. А не отживемъ мы тѣхъ льготныхъ дву годовъ, и деревни не расчистивъ, и поле не огородивъ, и хоромъ старыхъ не починивъ, и новыхъ не поставивъ, да пойдемъ вонъ,—и намъ та подмога монастырская, два рубля, по сей записи, отдати слугѣ (монастырскому приказчику) Тимоѳею Павлову».

Въ крупныхъ имѣніяхъ оброки и повинности крестьянъ излагались въ особыхъ уставныхъ грамотахъ или волостныхъ книгахъ. Насколько сложны и многочисленны бывали эти повинности, можно видѣть изъ уставной грамоты Соловецкаго монастыря по селу Пузыреву въ 1561 г. Тамъ читаемъ:

«Имати у васъ оброкъ хлѣбный съ 33-хъ вытей, на годъ съ выти по четыре четверти ржи, да четыре четверти овса, въ новую въ городскую мѣру;

*) Рубль начала XVI в. равняется 94 р. нынѣшнимъ. Рубль конца XVI вѣка равнялся 24—25 нынѣшнимъ; рубль середины XVI вѣка можно считать равнымъ 75 нынѣшнимъ.

Различали тогда рубли московскій и новгородскій. Первый заключалъ въ себѣ 200 денегъ, каждая на половину меньшаго размѣра противъ денегъ новгородскаго рубля, которыхъ въ рублѣ считалось сто. Слѣдовательно, и московскій, и новгородскій рубли равнялись другъ другу по количеству серебра, но размѣнное ихъ значеніе было разное. Шесть денегъ составляли алтынъ по московскому счету рубля, три деньги — алтынъ по новгородскому счету. Съ половины XVI в. деньги стала называться копейкой отъ новаго штемпеля на ней, изображавшаго всадника съ копьемъ.

**.) Мыльня—баня.

да съ тѣхъ же вытей на годъ съ выти, на Господинъ день *) по сыру по сухому, а не любъ сырѣ, и за сырѣ двѣ деньги; да въ осень на Покровъ Св. Богородицы 50 яицъ, по хлѣбу, да по колачу. А пашню пахать на монастырь въ селѣ Никольскомъ, а сѣяти сѣмены монастырскими, съ выти по четверти ржи, да по двѣ четверти овса. А похощетъ приказчикъ сѣяти пшеницу или жито, или горохъ, или гречю, или ленъ,—и крестьянамъ, то пахати, на которыхъ десятинахъ приказчикъ излобитъ. Также волостью на приказчика, и на слугу, на доводчика крестьянамъ рожъ на хлѣбы и солодъ на квасъ молоти. Да съ тѣхъ же вытей съ выти привозити на монастырскій дворъ по два возы дровъ полѣнныхъ, да по третьему возу сосновыхъ дровъ на квасы, да по 10 полѣнъ лучины **). А повозъ ***) везти къ Вологдѣ съ выти по лошади, а на лошадь везти по четыре четверти ржи, а овса по 6 четвертей... а назадъ вести на тѣхъ же коняхъ на выть по полутретьядцати (т.-е. по 25) пудовъ соли... А не случится крестьяномъ, котораго году повозъ вести,—ино на нихъ взяти за подводу четыре гривны... А дворъ монастырскій и гумна крестьяномъ подѣловати, и которыя хоромины пристарѣють, и въ тѣхъ хоромъ мѣсто новыя хоромы ставити. И приказчика слушати во всемъ, и на монастырское дѣло ходити на солнечномъ входѣ, какъ десятской вѣсть подасть. А кто не придетъ, на томъ заповѣди (т.-е. штрафу) приказчику двѣ деньги. А коли приказчикъ позоветъ на монастырское дѣло крестьянъ въ честь, сверхъ урочнаго дѣла, и кто придетъ—и приказчику тѣхъ людей кормити монастырскимъ хлѣбомъ».

*) 15-е августа—Успеніе Пресв. Богородицы.

**.) Лучина шла на освѣщеніе.

***.) По указу обязательная доставка въ городъ на продажу монастырскихъ хлѣбовъ.

Обыкновенно за взятую въ аренду землю крестьянинъ долженъ былъ платить землевладѣльцу, сколько уговорились деньгами и хлѣбомъ, а вмѣсто уплаты процентовъ за взятую «подмогу» или подможныя деньги долженъ былъ работать на землевладѣльца, обрабатывать его землю. Эта работа называлась тогда «издѣльемъ» или «боярскимъ дѣломъ». Размѣры ея тоже, какъ видно изъ приведенной порядной, очень отчетливо оговаривались.

Земля въ то время, особенно въ нашемъ климатѣ, при тогдашнихъ очень грубыхъ и неумѣлыхъ способахъ обработки, доставляла много затрудненій земледѣльцу. На новяхъ дикую, поросшую вѣковымъ лѣсомъ, землю приходилось расчищать и воздѣлывать передъ тѣмъ, какъ засеять, съ большимъ трудомъ.

Крестьянину приходилось вырубать лѣсъ, ставивать бревна въ кучи, чтобы, просохнувши, они лучше горѣли, убирать съ подсѣки камни, затѣмъ вспахать три-четыре раза поле и пророборонить его. Сельско-хозяйственные орудія были самыя несложныя и грубыя—та же нескладная сохматушка, тогда часто еще сплошь деревянная и потому еле ковыряющая верхній слой почвы, да борона, сложенная изъ еловыхъ плахъ съ обрубленными сучьями вмѣсто зубьевъ.

Тѣ мѣста подсѣчнаго поля, гдѣ золы отъ сожженнаго лѣса было мало, приходилось удобрять. Послѣ трехъ, четырехъ посѣвовъ земля истощалась, и крестьянину приходилось начинать снова ту же работу въ другомъ мѣстѣ, а прежній участокъ запускался снова подъ лѣсъ. Обработывалась земля обыкновенно по трехпольной системѣ. Сѣяли тогда тѣ же сорта хлѣбовъ, что и теперь—рожь, овесъ, ячмень; пшеницы сѣяли очень мало. Что касается скотоводства, то, судя по значительному количеству сѣна, скашиваемаго каждымъ

дворомъ, и по обычаю платить дани и сборы не только хлѣбомъ, но и продуктами скотоводства и птицеводства—масломъ, сыромъ, овчинами, баранами, курами, яйцами,—можно думать, что каждое хозяйство имѣло коровъ, овецъ, лошадей. На сѣверѣ, въ Новгородской области, приходилось въ XVI в. по одной, по двѣ лошади на дворъ. Цѣна рабочей лошади была тогда довольно высока и превышала среднюю современную цѣну раза въ полтора.

Для обработки земледѣлецъ нуждался въ рабочемъ скотѣ и орудіяхъ; для засѣва нужны были сѣмена, да, сверхъ того, приходилось имѣть подъ рукой хлѣбъ для прокорма, пока земля не принесетъ свой плодъ. Кромѣ того, надо было заплатить подати.

На все это своихъ средствъ и взятыхъ при наймѣ земли у помѣщика «подможныхъ денегъ» часто не хватало. Тогда новосель-арендаторъ шелъ къ землевладѣльцу и просилъ у него займы денегъ на обзаведеніе. Землевладѣльцы охотно исполняли такія просьбы. Давали денегъ займы, уступали въ пользованіе крестьянину корову, лошадь, давали сѣмянъ, самую соху и борону, но брали съ крестьянина особую записку, въ родѣ векселя, или, по-тогдашнему, «кабалу». Въ кабальной записи прописывалось: сколько взялъ крестьянинъ займы, устанавливался срокъ и условія уплаты, проценты.

Вотъ одна такая кабала:

«Се язъ Федоръ, да язъ Олешко, да язъ Иванко Омельяновы, дѣти Мироѣдовы, заняли есмя у Елпацкаго казначея, у старца Корнилія, полтину денегъ монастырскаго серебра отъ Юрьева дня осеняго до Юрьева дня на годъ. А на то намъ серебро давати ростъ на пять шестой (т.е. 20%), а по сроцѣ по тому же—на пять шестой. А въ серебрѣ есмя и въ росту всѣ насъ—единъ человекъ; ко-

торый изъ насъ въ лицѣ, на томъ деньги и ростъ на любомъ. А на то послухи: Колышко, Дементьевъ сынъ, да Федоръ Рѣпа, Семеновъ сынъ. А кабалу писалъ Лучка, Федоровъ сынъ. Лѣта 7032 (т.-е. 1534 г.).

Такая кабала тяжело ложилась на человѣка, давшего ее: по тогдашнему закону неисправный плательщикъ становится холопомъ, рабомъ, того у кого взялъ подъ кабалу деньги.

Уйти отъ хозяина крестьянинъ могъ только разсчитавшись съ нимъ, т.-е. выплативъ арену, уплативъ ссуду—«боярское серебро», да еще внесе, такъ-называемое, «пожилое»,—сборъ, взимавшійся съ крестьянъ какъ бы за пользованіе хозяйскимъ дворомъ и избой. Размѣры этого «пожилого» разчитывались по количеству лѣтъ, прожитыхъ уходившимъ на арендованномъ имъ участкѣ; если представить себѣ такой случай, вполне возможный, когда отецъ и сынъ прожили за однимъ землевладѣльцемъ два или три десятка лѣтъ, то расчесть пожилое становится прямо невозможнымъ: получалась сумма, которую осилить было не подъ стать и сравнительно зажиточному человѣку.

Обыкновенно переходы крестьянъ совершались по окончаніи сельскихъ работъ или передъ началомъ. Чаще по окончаніи, а именно около Юрьева дня осенняго (26-е ноября).

Этотъ срокъ установился самъ собой, вытекалъ изъ самаго свойства земледѣльческаго труда: землевладѣльцу было невыгодно согнать крестьянина съ земли передъ жатвой и до окончанія молотбы, крестьянину точно такъ же не представлялось никакихъ выгодъ бросать свой участокъ, не сжавъ посѣяннаго хлѣба.

Благодаря такой необходимости и установился обычай отходить крестьянамъ осенью, по окончаніи сельскихъ работъ.

Но установленный обычаемъ срокъ не былъ достаточно твердъ. Несмотря на обычай, недовольный всегда могъ разсчитаться съ хозяиномъ среди лѣта и уйти. Отъ такихъ случаевъ терпѣлъ убытки хозяинъ, терпѣлъ и крестьянинъ. Тогда по закону (по Судебнику Ивана III) былъ установленъ одинъ срокъ для перехода крестьянъ, именно: обычный Юрьевъ день. «А крестьянамъ отказываться,—гласилъ законъ,—изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева для осенняго и недѣля послѣ Юрьева дни осенняго».

Юрьевъ день. Съ картины С. В. Иванова.

Какъ только наступало 26-ое ноября—Юрьевъ день, все крестьянство Московскаго государства XVI вѣка приходило въ движеніе. Кто могъ и хотѣлъ, тотъ разсчитывался со своимъ хозяиномъ, собиралъ свой скарбъ, какой былъ, привязывалъ

къ возу за рога корову, коли она имѣлась, и со всей семьей отправлялся на новыя мѣста, къ новому землевладѣльцу, о которомъ приходилось слышать хорошіе отзывы.

Хозяева обыкновенно очень неохотно отпускали со своей земли желавшаго уйти крестьянина и, рассчитываясь съ нимъ, старались насчитывать на него какъ можно больше; уходившіе же крестьяне всячески стремились показать, что ихъ долгъ гораздо меньше, нежели говорить хозяинъ.

Отсюда возникали споры и ссоры, доходившіе до драки, а затѣмъ и до суда.

Чѣмъ дольше заживался крестьянинъ на землѣ какого-либо одного помѣщика, тѣмъ тяжелѣе становилось ему расчитаться съ нимъ, слѣдовательно, и уйти. Долгъ все росъ и становился, наконецъ, неоплатнымъ. Къ концу XVI вѣка громадное большинство русскаго крестьянства потеряло влѣдствіе задолженности возможность переходить отъ одного землевладѣльца къ другому и крѣпко осѣло на тѣхъ земляхъ, къ которымъ привязывалъ его долгъ.

Имѣя право уйти отъ хозяина, когда хочетъ, крестьянинъ тѣхъ временъ часто не можетъ сдѣлать этого, потому что не въ состояніи расчитаться съ помѣщикомъ. При тогдашней общей бѣдности крестьянства такіе случаи бывали нерѣдки.

Бѣдность тогдашняго крестьянства неминуемо вырастала изъ тѣхъ условій, среди которыхъ приходилось въ то время жить крестьянамъ. Много заработать на снятой имъ землѣ тогдашній крестьянинъ, случайный гость этой земли, часто обрабатывавшій ее на занятія средства, взятыми на прокатъ орудіями, и не могъ. Прежде всего, — при данныхъ условіяхъ онъ не былъ въ состояніи осилить большую запашку, и обычные крестьянскіе участки тѣхъ временъ были очень невелики, рѣдко превышая 5—10 десятинъ на сѣверѣ и 3—5 деся-

тинъ на югѣ. Съ такого небольшого участка надо было выработать не только на расплату съ землевладѣльцемъ, но и на уплату казенныхъ платежей. А средніе размѣры платежей землевладѣльцу и казнѣ были довольно таки порядочны, доходя, по свидѣтельству современниковъ, до 22 рублей нашего счета на десятину. По поряднымъ видно, что крестьяне обязывались давать за землю, вмѣсто оброка, изъ урожая пятый, четвертый, даже третій снопъ, т. е. въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ пользу землевладѣльца отходила *треть* урожая! Изъ остатка нужно было выдѣлить сѣмена для посѣва, заплатить казенныя подати и кормить себя и семью.

Внѣшнія обстоятельства жизни тогдашняго крестьянства тоже мало способствовали укрѣпленію его благосостоянія. Постоянныя войны, которыя нужно было тогда вести Московскому государству, вызывали постоянныя требованія отъ крестьянъ людей и денегъ. Налоги особенно увеличились къ концу XVI вѣка. Ученый изслѣдователь состоянія сельскаго хозяйства Московской Руси въ XVI вѣкѣ считаетъ, что крестьянинъ въ 1513 г. платилъ на наши деньги 80 коп. съ каждой четверти пашни; въ 20-хъ и 40-хъ годахъ онъ платилъ уже по 90 коп.; въ 50-хъ — по 1 р. 30 коп. и въ концѣ XVI вѣка — 4 р. 70 коп.

Но съ этой тягостью тогдашнее крестьянство, можетъ-быть, и справилось бы, если бы не неустойчивыя условія его сельско-хозяйственной дѣятельности. Крестьянство тѣхъ временъ, можно сказать, работало исключительно изъ-за хлѣба насущнаго. Торговли тогда почти никакой не было. Хлѣба для крупнаго вывоза его, за границу, на примѣръ, совсѣмъ не вырабатывали. Крестьянинъ ѣлъ хлѣбъ, приготовленный трудами его самого и его семьи, одѣвался въ изготовленное дома платье и обувь, и на рынкѣ покупалъ мало. Не подъ силу крестья-

нину была и стоимость перевозки. На всѣхъ дорогахъ, мостахъ, городскихъ заставахъ, перевозахъ стояли казенные мытники и брали пошлину съ проѣзжающихъ только за проѣздъ. Высчитано, что бочка пшеницы въ тѣ времена при провозѣ изъ Москвы въ Архангельскъ повышалась въ стоимости на $\frac{3}{4}$ своей цѣны! Если тогда и торговали хлѣбомъ, то только скупщики: купцы, монастыри, большіе бояре. Они назначали цѣны на хлѣбъ, и крестьянамъ приходилось отдавать имъ плоды своего труда часто за безцѣнокъ. Надо помнить и то, что крестьянамъ XVI вѣка приходилось арендовать землю у помѣщиковъ, т.-е. у людей, которые сами-то владѣли этой землей нетвердо. Помѣщики получали землю за службу, какъ жалованье, отъ царя. Этимъ жалованьемъ помѣщики не имѣли права распоряжаться по своему желанію: они только пользовались имъ, пока служили. Правительство всегда могло уменьшить помѣстье, взять его у одного владѣльца и передать другому, оставить за собой.

Съ одной стороны, такая нетвердость помѣстья за владѣльцемъ и его потомствомъ приучала помѣщика къ мысли, что не стоитъ класть много труда въ обработку земли,—все равно плоды его трудовъ и забота достанутся другимъ, совершенно чуждымъ ему людямъ. Отсюда возникало у тогдашнихъ помѣщиковъ желаніе извлечь изъ помѣстья, пока оно еще въ его рукахъ, все, что можно. Это стремленіе прежде всего выражалось въ требованіяхъ съ крестьянъ большихъ оброковъ.

Съ другой стороны, и крестьяне помѣстій, чувствуя себя, такъ сказать, гостями гостей, заботились объ одномъ—прокормить себя, удовлетворить требованія помѣщика, отбыть казенные платежи. Работали они поэтому черезъ силу, плохо, земля истощалась, хлѣбъ родился плохой, были часты неурожаи, а за ними шли голодовки, въ конецъ разорявшія крестьянство.

Можно привести не одинъ примѣръ того, какъ разорительно отражались на крестьянствѣ стремленія помѣщиковъ тѣхъ временъ взять съ помѣстья скорѣе все, что только можно взять.

Въ самомъ концѣ XVI вѣка, въ селѣ Погорѣлицахъ, Владимирскаго уѣзда, жилъ «во крестьянехъ» нѣкто Иванъ Сакуровъ. Въ 1599 году Погорѣлицы были пожалованы въ помѣстье сыну боярскому Ѳедору Соболеву. Новый помѣщикъ, въ отсутствіе Сакурова, явился къ нему на дворъ и произвелъ тамъ полный разгромъ: забралъ себѣ троихъ «старинныхъ людей» хозяина, т.-е. его холоповъ-батраковъ, увелъ лошадь, корову, быка, четырехъ овецъ, взял у жены Сакурова деньгами 1 рубль 35 алтынъ, увезъ къ себѣ, сколько могъ, ржи, овса, ячменя, конопли и «трои пчель», т.-е. три колоды пчель. Мало того: когда Сакуровъ вернулся, помѣщикъ присвоилъ себѣ его дворъ. Понятно, что потерпѣвшему, по его словамъ, стало послѣ этого «прожити не мочно». Пока длился судъ да дѣло, да и послѣ того, какъ оно кончилось, такому обиженному судьбой приходилось снова создавать свое хозяйственное благополучіе и для начала или «поряжаться во крестьяне» за какого-либо иного помѣщика, забирая у него займы и безъ конца долгая, или бѣжать въ степь, за Оку, занимать тамъ землю подъ носомъ у татаръ, быть постоянно готовымъ къ смерти отъ татарской сабли, или къ плѣну, приводившему на турецкую «каторгу»—гребной корабль. А могло быть и нѣрѣдко бывало такъ, что займетъ крестьянинъ въ степи займку, начнетъ ее обрабатывать, и только подымается на ноги, какъ вдругъ приказъ изъ Москвы—дается вся земля въ той мѣстности, гдѣ этотъ крестьянинъ провелъ борозды, сыну боярскому такому-то «за его многія службы», и жди-гадай крестьянинъ, каковъ-то будетъ новый помѣщикъ, какъ можно будетъ ужиться съ нимъ.

Въ большинствѣ случаевъ, конечно, уживались, потому что помѣщику тоже было невыгодно терять крестьянина.

Но тяжела была эта неизвѣстность того, что будетъ, эта неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, необходимость думать о немъ постоянно.

Иностранцы, посѣщавшіе въ то время Россію, единогласно говорятъ, что крестьянамъ Московскаго государства жить трудно, такъ какъ ихъ имущество «не защищено отъ посягательствъ «сильныхъ», т. е. кредиторовъ-землевладѣльцевъ, и сборщиковъ казенныхъ платежей».

Помѣщики и ихъ приказчики, собирая съ крестьянъ повинности, дѣлали это съ большою суровостью: неисправныхъ плательщиковъ морили голодомъ и «нещадно» били, отбирали оброкъ скотъ, улья, хмель. Но случалось, что съ обѣднѣшаго крестьянина и взять было нечего — нѣтъ ни коровы, ни лошади, ни другой животины, а, вмѣсто хлѣба въ закромахъ, на дворѣ стоитъ возъ лебеды. «Мы на тѣхъ обѣдныхъ деньги правили, — писалъ одинъ тогдашній приказчикъ своему хозяину, — а они кричатъ: взять негдѣ». Приходилось давать отсрочки такимъ обѣднякамъ, давать имъ снова займы, а это еще больше привязывало ихъ къ мѣсту и лишало возможности уйти къ другому помѣщику. Преподобный Максимъ Грекъ въ одномъ изъ своихъ поученій такъ свидѣтельствуетъ о дурномъ обращеніи землевладѣльцевъ съ задолжавшими имъ крестьянами: «Аще кто за послѣднюю нищету не можетъ дати готовый ростъ за приидущій годъ, оле, безчеловѣчя! другій ростъ истязуемъ отъ него, и аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ... аще же кто отъ нихъ, изнемогъ тягостью налагаемыхъ имъ безпрестанне отъ насъ трудовъ и дѣланій, восхоцетъ индѣ нѣгдѣ переселитися, не отпускаемъ его, аще не положить установленный об-

рокъ, о немъ же толика лѣта жилъ есть въ нашемъ селѣ».

Задолжавшіе неоплатно помѣщикамъ крестьяне, не будучи въ состояніи рассчитаться и уйти отъ хозяевъ, начинаютъ бѣгать безъ расплаты.

Мы знаемъ, куда спасалось бѣгствомъ тогдашнее крестьянство. Московское государство сводило въ то время счеты съ давнишними притѣснителями Руси — татарами. Завоевало Казань и Астрахань и довольно удачно отбивалось отъ крымцевъ. Паденіе татарскихъ царствъ по Волгѣ и постройка цѣлой оборонительной линіи городковъ-крѣпостей по южной степной границѣ открыли и обезопасили для заселенія пустовавшія до того богатая земли заокскаго и нижеволжскаго черномозема. Крестьяне и бѣжали туда.

Эти побѣги и уходы крестьянъ во второй половинѣ XVI-го вѣка достигаютъ огромныхъ размѣровъ: пустѣютъ цѣлыя вотчины, попадаютъ такія, въ которыхъ изъ сотенъ населенія осталось всего нѣсколько бобылей — маломочныхъ крестьянъ; въ другихъ никого не осталось, а пашни поросли лѣсомъ. По разсказу одного англичанина, посѣтившаго въ то время Россію, по дорогѣ изъ Вологды въ Ярославль, на разстояніи 100 англійскихъ миль, стояло до 50 селеній, иногда очень большихъ, но совершенно оставленныхъ — стоятъ полуразвалившіяся избы и тянутся заброшенныя полосы, а дороги поросли такой травой, что сквозь нее трудно пробираться. Въ Муромѣ въ 1566 г. числилось 587 жилыхъ домовъ, а черезъ восемь лѣтъ, въ 1574 г., жилыхъ домовъ осталось всего 111; остальные же 476 опустѣли.

Рабочихъ рукъ становилось поэтому въ наиболѣе населенной, около-московской части государства все меньше; добывать рабочую силу землевладѣльцамъ дѣлалось все труднѣе, и это не потому только, что много крестьянъ разбѣжалось,

но вслѣдствіе того, что большинство тогдашняго крестьянства сидѣло крѣпко на мѣстѣ, привязанное задолженностью къ землевладѣльцамъ. При такихъ обстоятельствахъ случалось, что у одного хозяина скоплялось задолжавшихъ ему крестьянъ больше, чѣмъ для его хозяйства требовалось, другому же не хватало. Тогда, по нуждѣ, крестьянскій переходъ превратили въ обычай своза крестьянъ.

Обыкновенно владѣльцу, на землѣ котораго сидѣло много задолжавшихъ ему крестьянъ, другой хозяинъ, нуждавшійся въ рабочихъ, предлагалъ уступить ему часть за выплату ихъ долга. Случалось и такъ, что нуждавшіеся въ крестьянахъ хозяева и просто подговаривали задолжавшихъ другому владѣльцу крестьянъ бросить ихъ хозяина и перейти къ нимъ, при чемъ брались уплатить ихъ долгъ. Богатые землевладѣльцы держали даже особыхъ «отказчиковъ»—людей, которые только тѣмъ и занимались, что ѣздили изъ села въ село и подговаривали крестьянъ переходить на земли тѣхъ, кому отказчики служили. Если тотъ хозяинъ, у котораго «отказывали» такимъ путемъ крестьянъ, самъ нуждался въ рабочихъ, то дѣло доходило до драки и смертнаго убійства.

Какъ только приближался Юрьевъ день, и по селамъ, покажутся, бывало, отказчики, переодѣтые странниками, купцами, прасолами, такъ и начинались у помѣщиковъ усиленные заботы по охранѣ своихъ крестьянъ: какъ бы не сбѣгли. Помѣщикъ вооружалъ своихъ холопей, днемъ и ночью ходилъ дозоромъ, присматривался и прислушивался—не видать ли отказчика, не собирается ли кто изъ крестьянъ уйти.

Дорожить такъ крестьянами заставляло помѣщика то, что безъ нихъ его земля могла остаться безъ обработки, самъ онъ, слѣдовательно, безъ хлѣба и безъ средствъ нести государеву службу.

Особенно страдали отъ крестьянскихъ побѣговъ

и уходовъ мелкіе служилые люди, на земляхъ которыхъ крестьянамъ жилось тяжелѣе, потому что мелкій помѣщикъ ни помочь въ большихъ размѣрахъ крестьянину деньгами и хлѣбомъ, ни заступиться за него передъ судомъ или чиновниками не могъ такъ успѣшно, какъ какой-нибудь большой, родовитый бояринъ или богатый монастырь.

Мелкіе и средніе помѣщики поэтому давно стали осаждать правительство просьбами о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи крестьянскихъ переходовъ.

Правительство тѣмъ охотнѣе выслушивало эти жалобы, что отъ крестьянскихъ побѣговъ и переходовъ оно само терпѣло убытки.

Подати въ то время собирались съ обрабатываемой земли. Платить, значить, приходилось только тому крестьянину, который обрабатывалъ землю. Если случалось, что крестьянинъ снималъ землю, на которой было уже раньше засѣяно озимое, то онъ платилъ только съ ярового, засѣяннаго имъ самимъ.

Чтобы получать подати во-время и вѣрно, правительство собирало ихъ не съ cadaго крестьянина отдѣльно, а со всей деревни разомъ, сколько приходилось со всей распаханной земли. Крестьяне деревни сами ужъ должны были распределить между собой, кому изъ нихъ сколько слѣдуетъ внести, чтобы составила требуемая казною сумма. Для разверстки этой суммы крестьянамъ приходилось сходиться и сговариваться, а для завѣдыванія самымъ сборомъ выбирать особыхъ старостъ.

При такомъ способѣ сбора податей для крестьянъ было очень невыгодно, если кто-либо изъ ихъ однопоселенцевъ переходилъ къ другому землевладѣльцу, на другую деревню. Вѣдь тогда въ деревнѣ становилось однимъ плательщикомъ менѣе, долю подати, платившуюся ушедшимъ, приходилось раскладывать на оставшихся, потому что го-

зударству, казнѣ, не было дѣла до отдѣльныхъ уходовъ. Каждому изъ оставшихся въ деревнѣ становилось поэтому тяжелѣе.

Понятно, что крестьяне, долго засидѣвшіеся на одномъ мѣстѣ, «старожильцы», всячески старались удерживать односельчанъ, желавшихъ уйти. Коли не дѣйствовали уговоры, цуекали въ ходъ силу, требовали, чтобы уходившій, по крайней мѣрѣ, замѣстилъ себя другимъ крестьяниномъ.

Правительство, со своей стороны, охотно помогало крестьянамъ удерживать желавшихъ уходить. Для казны являлось очень неудобнымъ, что крестьяне не сидятъ крѣпко на разъ опредѣленныхъ мѣстахъ, такъ какъ влѣдствіе этого происходили большія затрудненія въ сборѣ податей. Поэтому-то, ради казенныхъ выгодъ, еще въ первой половинѣ XVI-го вѣка было запрещено крестьянамъ, жившимъ на «черныхъ», т.-е. на государевыхъ земляхъ, переходить на земли какихъ-либо другихъ владѣльцевъ.

Желая полегчить себѣ хоть тѣмъ, чтобы не платить казенныхъ податей, крестьяне стали продаваться въ холопство помѣщикамъ, т.-е. въ рабство. Холопы, рабы, считались собственностью своихъ господъ, ихъ вещь, и податей не платили.

Такъ какъ запись въ холопство отнимала у государства плательщиковъ, то правительство всячески старалось препятствовать продажѣ крестьянъ самихъ себя въ холопство. Побѣги, свозъ, уходы крестьянъ по расчету приводили въ концѣ-концовъ, къ тому, что заселялись пустовавшія до того окраины государства—«дикое поле», заокскія земли и повожье, но зато обезлюдѣвалъ центръ государства. Къ концу XVI в. оба эти послѣдствія опредѣлились настолько ясно, что правительству пришлось серьезно задуматься о выгодахъ и невыгодахъ для государства создававшегося положенія вещей.

Заселеніе степей крестьянами было выгодно правительству: обрабатывалась и укрѣплялась, благодаря этому, за Россіей огромная полоса земли. Но жалобы служилыхъ людей, лишавшихся рабочихъ рукъ, большія пространства заброшенныхъ пашень въ срединѣ государства, происходившія отсюда затрудненія въ сборѣ податей, обезлюдѣніе средины государства, «бои и грабежи», страшно усилившіеся при свозѣ крестьянъ, залежи въ судахъ дѣлъ объ этихъ бояхъ и грабежахъ, множество нерѣшенныхъ исковъ помѣщиковъ о возвращеніи имъ ихъ бѣглыхъ должниковъ-крестьянъ,—все это заставило правительство посмотреть на дѣло и съ другой стороны. И вотъ правительство царя Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова издаетъ рядъ указовъ, касающихся крестьянскихъ побѣговъ.

Первый такой указъ относится къ 1597 г. Въ немъ говорится, что «которые крестьяне изъ-за бояръ, изъ-за дворянъ, и изъ-за другихъ владѣльцевъ изъ помѣстій и вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 1597 г. за 5 лѣтъ, тѣ подлежатъ возвращенію на старья земли; тѣ же, которые бѣжали болѣе чѣмъ за 5 лѣтъ до указа, и землевладѣльцы не вчинили до 1-го сентября 1592 года о такихъ бѣглыхъ иска, возвращенію, не подлежатъ, и зависимость ихъ отъ прежнихъ владѣльцевъ уничтожается». Указъ этотъ говоритъ только о бѣглыхъ крестьянахъ, бѣжавшихъ за пять лѣтъ до 1597 г., и въ немъ только устанавливается срокъ для исковъ о возвратѣ этихъ бѣглыхъ, причемъ даже не ставится никакого постоянного срока на будущее время для сыска и возврата тѣхъ бѣглыхъ, которые убѣгутъ послѣ 1597 года. Поэтому совершенно напрасно считали прежде, что этимъ указомъ, или какимъ-либо другимъ, изданнымъ за пять лѣтъ до 1597 г., устанавливалось общее прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и произошла общая отмѣна Юрьева дня. Такого указа из-

дано не было; если бы онъ даже былъ затерянъ, то о немъ, какъ объ актѣ первостепенной важности, сохранились хотъ бы упоминанія въ другихъ документахъ того времени, но такихъ упоминаній тоже не встрѣчается, и потому говорить объ отмѣнѣ Юрьева дня въ 1592 или 1597 годахъ и считать Бориса Годунова, тогдашняго правителя русскимъ государствомъ, виновникомъ закрѣпощенія крестьянъ, не приходится. Указъ 1597 года имѣлъ въ виду только освобожденіе судебныхъ учреждений отъ громаднаго числа скопившихся тамъ исковъ землевладѣльцевъ о возвращеніи имъ ихъ бѣглыхъ должниковъ-крестьянъ.

Въ 1601 г. царь Борисъ издаетъ указъ, въ силу котораго свозить другъ у друга крестьянъ позволяется только мелкимъ землевладѣльцамъ и притомъ не болѣе двухъ за одинъ разъ, землевладѣльцы же крупныя совѣмъ лишаются права отказывать крестьянъ. Въ 1602 г. указъ этотъ былъ повторенъ, при чемъ отказывать крестьянъ позволялось только съ согласія самихъ отказываемыхъ. Изложенными указами царь Борисъ думалъ пресѣчь передвиженіе крестьянства на земли крупныхъ владѣльцевъ и задержать опустѣніе земель мелкихъ. Сдѣлать это являлось необходимымъ потому, что изъ мелкихъ землевладѣльцевъ слагалась чуть не вся военная сила государства. Исправными воинами эти мелкіе землевладѣльцы могли быть только тогда, когда были сыты, т.-е. когда получали достаточный доходъ со своихъ помѣстій, чего не могло быть при недостаткѣ въ ихъ помѣстьяхъ рабочихъ рукъ. Запрещая крупнымъ владѣльцамъ отказъ крестьянъ и сохраняя право его за мелкими, правительство стремилось обезпечить мелкимъ владѣльцамъ рабочую силу. Но ограничивая такимъ путемъ свозъ, указы еще болѣе стѣсняли свободу передвиженія крестьянъ: задолжавшему крестьянину теперь не остается никакого

выхода изъ его тяжелаго положенія, кромѣ бѣгства.

Насколько медленно и неравномѣрно происходитъ въ концѣ XVI-го вѣка передвиженіе крестьянства, можно судить по такому примѣру. Въ Тверской вотчинѣ князя Симеона Бекбулатовича, состоявшей изъ 20 сель и 473 деревень при 2217 крестьянахъ, въ 5 лѣтъ, съ 1575 г. по 1580-й, ушло всего 305 чел. При чемъ изъ этихъ 305 чел. только 53 смогли расчитаться съ хозяиномъ, 63 бѣжали безъ расчета и 188 были вывезены. На мѣсто ушедшихъ 305 чел. порядилось вновь всего 27 чел. Приведенныя цифры прежде всего показываютъ, что крестьяне въ этой богатой вотчинѣ сидятъ на мѣстѣ твердо, потому что или привыкли къ мѣсту, или задолжали до того, что не въ состояніи уйти. Что же представляетъ изъ себя крестьянинъ конца XVI-го вѣка?

По закону онъ все еще продолжаетъ считаться свободнымъ арендаторомъ чужой земли, но на дѣлѣ, задолжавъ неоплатно своему хозяину, онъ прикрѣпляется, по тогдашнему обычаю, къ своему кредитору, т.-е. становится въ положеніе холопа.

Государство, которому такой оборотъ дѣла грозитъ потерей большого количества плательщиковъ, стремится оградить крестьянъ отъ холопства. Но заботы о казенныхъ выгодахъ и о содержаніи военной силы заставляютъ правительство ограничить по закону право крестьянскаго перехода и почти уничтожить отказы. Тѣмъ самымъ крестьяне крѣпче привязываются къ мѣсту, гдѣ ихъ захватилъ долгъ, къ уплатѣ податей и къ содержанію служилыхъ людей.

Въ дѣйствительной жизни получалось, что стѣсненный по закону въ своемъ правѣ перехода крестьянинъ конца XVI-го вѣка, задолжавшій неоплатно помѣщику, землю у котораго онъ арендовалъ, стоитъ на холопьемъ положеніи: онъ слиши-

комъ ужъ зависить отъ помѣщика, чтобы тотъ не рѣшался злоупотреблять своею властью.

Въ концѣ-концовъ, крестьянинъ того времени на дѣлѣ — полу-холопъ, полу-свободный: законъ считаетъ его свободнымъ, а жизнь ставить его въ такое положеніе, что землевладѣлецъ можетъ обращаться съ нимъ, какъ съ рабомъ, съ холопомъ.

Расплатившись съ землевладѣльцемъ, крестьянинъ можетъ и теперь уйти отъ него, но этимъ правомъ въ данное время мало кто пользуется. Къ этому привели бѣдность, породившая неоплатный долгъ, и привычка къ мѣсту крестьянина, засидѣвшагося долго за однимъ помѣщикомъ.

Вотъ изъ этой неоплатной задолженности, привязывавшей огромную массу крестьянъ Московскаго государства къ землямъ, которыя они сами или ихъ отцы свободно заарендовали у землевладѣльцевъ, и выросла крѣпостная зависимость, т.-е. власть помѣщика неограниченно распоряжаться задолжавшимъ ему крестьяниномъ, безъисходно живущимъ на его землѣ.

II.

Начало XVII-го в., первая его 13 лѣтъ, ознаменовано въ нашей исторіи событіями, которыя мы привыкли называть «Смутнымъ временемъ», а тогдашніе русскіе люди называли «Великой разрухой Московскаго государства».

Суть этихъ событій состояла въ томъ, что со смертью царя Федора, сына Ивана Грознаго, прекратился родъ московскихъ царей, и русскіе люди, раздѣлившіеся тогда на особые разряды или «чины», соотвѣтствовавшіе нашимъ сословіямъ, «смутились».

До описываемаго времени всякій «чинъ» зналъ свое дѣло: служилъ или платилъ подать го-

сударю—хозяину всей земли. Бояринъ засѣдалъ въ Думѣ, служилъ воеводой, правилъ всякое «великое дѣло государево». Дворяне, служилые люди, справляли военную службу и за это получали жалованье землей—помѣстья. Крестьяне арендовали государеву или служилую землю, кормили тѣмъ самымъ служилыхъ людей и платили подати, а въ военное время выставляли «посоху», «даточныхъ людей».

Теперь государя не стало, наступило страшное время самозванщины, когда нельзя стало разобратъ—кто же править Русью. Тогда каждый изъ «чиновъ» Московскаго государства началъ служить тому изъ самозванцевъ, отъ котораго ожидалъ больше льготъ для себя. Это внутреннее замѣшательство усилили внѣшніе враги—поляки и шведы, напавшіе тогда на Русь. Для отпора имъ и для устраненія Смуты слѣдовало бы всѣмъ объединиться, но такое единеніе долго никакъ не могло наладиться, и тому было много причинъ.

Еще войны царя Ивана сильно разстроили государство требованіемъ усиленной службы отъ служилыхъ людей и усиленныхъ платежей съ тяглыхъ. Во время Смуты то и другое усилилось еще болѣе.

Побуждаемые необходимостью, служилые люди всячески старались закабалить крестьянство, подѣлать изъ вольныхъ арендаторовъ подневольныхъ слугъ. Въ порядныхъ грамотахъ и кабалахъ начинаютъ съ этого времени чаще встрѣчаться условія, на основаніи которыхъ крестьянинъ, забирая займы, у помѣщика, напередъ отказывался отъ права уплатить долгъ, т.-е. освободиться отъ обязательной подневольной работы на заимодавца.

Поступать такъ заставляла крестьянъ нужда, достигавшая, особенно во время часто свирѣпствовавшихъ тогда голодобоковъ, огромныхъ размѣровъ. Во время голода при царѣ Борисѣ народъ уми-

раль десятками тысячъ, трупы умершихъ валялись по улицамъ и дорогамъ, такъ какъ некому было хоронить мертвыхъ. Отъ голода ѣли человѣческое мясо. Желавшихъ продаться въ холопы, только бы попасть къ кому-нибудь на хлѣбъ, было столько, что для новыхъ холоповъ не находилось господъ. Многіе отпускали на волю и прежнихъ, только бы не кормить ихъ. Большія дороги сдѣлались непроходимыми отъ разбойниковъ, казацкія поселенія по Дону разрослись до большихъ размѣровъ, и все благодаря бѣглымъ крестьянамъ, искавшимъ столько же воли, сколько и хлѣба.

Когда началась Смута, бѣглецы вернулись казаками и въ отместку за все то, что заставило ихъ бѣжать съ родины, жестоко разоряли Русскую землю. Крестьянство, оставшееся дома, тоже воспользовалось Смутой, чтобы встать на тѣхъ, кого считало своими притѣснителями. Отсюда вытекала та необыкновенная жестокость, съ которой русскіе люди рѣзались во время Смуты другъ съ другомъ. Поляковъ, далеко не отличавшихся мягкосердечіемъ въ обращеніи съ плѣнными, бросало въ дрожь при видѣ тѣхъ мученій, которымъ русскіе люди подвергали своихъ же соотечественниковъ, если видѣли въ нихъ враговъ.

Когда Смута кончилась избраніемъ новаго, всѣмъ «чинамъ» угоднаго царя—Михаила Фёдоровича Романова, государство оказалось во всѣхъ отношеніяхъ разореннымъ. Не было ни порядка, ни устройства. Многіе города обезлюдѣли. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ то время въ Россію, рассказываютъ, какъ имъ на пути попадались цѣлыя деревни, избы которыхъ были наполнены неубранными трупами. Земля обезлюдѣла до того, что на помѣстьѣ въ 100 десятинъ приходилось, въ общемъ, не болѣе двухъ крестьянъ.

Такъ дѣло обстояло и въ далекихъ сѣверныхъ областяхъ, и въ южныхъ, гдѣ началась и губи-

тельнѣ всего свирѣпствовала неурядица, именуемая Смутнымъ временемъ. Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, на примѣръ, въ вотчинахъ Бѣлозерскаго монастыря до 1612—13 годовъ насчитывался 1231 крестьянскій дворъ, взрослыхъ мужчинъ въ этихъ дворахъ числилось 1450 чел.; пахали эти дворы 6083½ четвертей пашни и собирали 18765 копенъ сѣна. Въ 1617—18 годахъ въ тѣхъ же вотчинахъ считается всего только 145 дворовъ, въ нихъ 145 взрослыхъ мужчинъ, а пашутъ они всего 253⅙ четверти земли и собираютъ 8366 копенъ сѣна. Въ трехъ станахъ Орловскаго уѣзда въ 1597 году считалось 752 двора съ 816 взрослыхъ мужчинъ, а въ 1625 году числится уже только 51 дворъ и 76 взрослыхъ мужчинъ.

Опустѣлая земля упала въ цѣнѣ, а благодаря уменьшенію количества крестьянъ, поднялась цѣна на крестьянскій трудъ; обѣднѣніе же крестьянъ и помѣщиковъ привело къ тому, что крестьяне стали больше нуждаться въ ссудѣ отъ помѣщиковъ, а помѣщики стали эту ссуду дороже цѣнить. Поэтому крестьянинъ, забирая займы на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, становился въ большую зависимость отъ заимодавца-помѣщика, а помѣщикъ, дорожа крестьяниномъ, какъ работникомъ, котораго найти стало трудно, начинаетъ прилагать всѣ усилія, чтобы удержать навсегда за собой этого работника, разъ порядившагося за нимъ, «во крестьяне». Съ крестьянъ начинаютъ требовать обязательствъ не уходить отъ помѣщиковъ, «быть по сей записи и впредь за государемъ своимъ во крестьянехъ крѣпку», «жить гдѣ онъ, государь, укажетъ», и «съ того участка никуда не сойти», жить въ той деревнѣ «и впредь за кѣмъ та деревня будетъ» и за ссуду «жить въ крестьянствѣ вѣчно и никуда не сбѣжать», — вотъ какого рода обязательства пришлось брать на себя обнищавшему крестья-

нину первой половины XVII в. Изъ этихъ обязательствъ и стала выростать и складываться крестьянская крѣпость или «вѣчность крестьянская», какъ говорили въ XVII в. Такимъ образомъ въ житейской практикѣ постепенно создавалось прикрѣпленіе крестьянъ къ помѣщикамъ, вырабатывалась личная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ.

Отдѣльныя мѣры правительства создавали чрезвычайно благопріятныя обстоятельства для роста и усиленія этой зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ.

Отъ служилыхъ людей за все время Смуты и долго послѣ нея требовалась усиленная служба. Справлять службу сколько-нибудь порядочно представлялось возможнымъ лишь тогда, если за служилымъ человѣкомъ жило достаточно крестьянъ, иначе откуда же служилый человѣкъ, занятый всю жизнь на службѣ, могъ достать средства на вооруженіе и на прокормъ на время похода? Теперь эти средства приходилось выжимать съ обнищавшаго крестьянства, искавшаго въ бѣгствѣ спасенія отъ усилившейся тяготы.

Но искать бѣглыхъ дозволялось по закону всего 5 лѣтъ, — срокъ очень небольшой; поэтому служилые люди стали просить правительство объ отмѣнѣ сроковъ для сыска бѣглыхъ.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ желанія служилыхъ людей сходились съ выгодами правительства, то оно охотно шло навстрѣчу ихъ желаніямъ. Еще указомъ 1607 г., при царѣ Василии Шуйскомъ, велѣно было не только хватать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать ихъ прежнимъ хозяевамъ, но и взимать съ нихъ большой штрафъ за побѣгъ (около 100 р. на наши деньги) и пеню въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ хозяиномъ. Этотъ указъ имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшей судьбы владѣльческихъ крестьянъ. До изданія

его, бѣгство крестьянъ не считалось преступленіемъ: бѣглыхъ только хватали и возвращали къ прежнимъ хозяевамъ, теперь за бѣгство наказываютъ.

При царѣ Михаилѣ въ 1641 г. срокъ для сыска бѣглыхъ удвоили, назначили въ 10 лѣтъ. Но, по мнѣнію мелкихъ землевладѣльцевъ, и этого было слишкомъ мало. Ссылаясь на то, что крупному владѣтелю очень легко, сманивъ крестьянина у мелкаго служилаго человѣка, скрывать его въ своихъ дальнихъ вотчинахъ 10 лѣтъ, а потомъ владѣть имъ по закону, они продолжали усиленно ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ срока для сыска. Въ 1647 г., уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, правительство увеличиваетъ этотъ срокъ еще на 5 лѣтъ, а на будущее время для крестьянъ, которые побѣгутъ или будутъ вывезены послѣ 1647 г., когда была закончена податная перепись и составлены переписныя книги тяглого населенія государства, срокъ сыска отмѣнялся совсѣмъ: бѣглыхъ позволялось искать и требовать по суду назадъ всегда, безъ срока, «безъ урочныхъ лѣтъ».

Бѣглыхъ было такъ много, и ловля ихъ приносила такія выгоды, что на Руси тѣхъ временъ возникъ родъ вольнаго промысла по сыску бѣглыхъ. Сыщики жили въ пограничныхъ городахъ и зорко наблюдали за всѣми новоприходящими. Сыщики-начальники были во всѣхъ городахъ. Хозяинъ, у котораго бѣжалъ крестьянинъ, обращался къ такому начальному сыщнику, сообщалъ ему примѣты бѣжавшихъ; тотъ спѣшно слалъ свѣдѣнія своимъ подчиненнымъ на границу, и бѣглецу надо было имѣть много споровки, чтобы спастись отъ цѣпкихъ «крючковъ». За сыскъ надо было, конечно, заплатить, и хозяинъ охотно платилъ, отдавалъ сыщнику какую-нибудь «женку или дѣвку» изъ найденныхъ, да рубля два-три тогдашнихъ деньгами.

Но, признавая за владѣльцами крѣпость на крестьянъ, законъ XVII вѣка стремился и ограничить крѣпостную власть помѣщиковъ надъ крестьянами. Землевладѣлецъ, во-первыхъ, отвѣчалъ за податную исправность крѣпкихъ ему крестьянъ передъ казной: если они не могли внести казенные платежи, то казна взыскивала ихъ съ землевладѣльца; во-вторыхъ, законъ предоставлялъ землевладѣльцу крѣпостные права на дѣтей и младшую родню крѣпкаго ему крестьянина только тогда, когда онъ давалъ имъ земли и осуду на обзаведеніе. Эти и нѣкоторые другія ограниченія преслѣдовали одну цѣль: предупредить стремленіе землевладѣльцевъ превратить крѣпкихъ имъ крестьянъ, плательщиковъ казенныхъ налоговъ, въ своихъ холопей-рабовъ. Еще при первомъ самозванцѣ, въ 1606 г., былъ запрещенъ переходъ крестьянъ въ холопство. Холопъ—вещь, принадлежащая господину; крѣпостной крестьянинъ такой же подданный государства, какъ и землевладѣлецъ, которому онъ крѣпокъ. Охраняя крѣпостныхъ отъ рабства, законъ охранялъ интересы государства. Холопъ не можетъ платить податей, потому что онъ весь собственность господина; крѣпостной крестьянинъ потому и ограждался закономъ отъ холопства, что долженъ былъ платить казенныя подати и кормить военного слугу государства, землю котораго обрабатывалъ.

Въ 1649 г. при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Земскій Соборъ,—собраніе выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ государства,—утвердилъ общее собраніе законовъ «Уложеніе». Оно и дало крестьянству XVII вѣка окончательное устройство, прикрѣпивъ его безповоротно къ землѣ рѣшительнымъ запрещеніемъ переходовъ и сюза крестьянъ.

По Уложенію крестьяне прикрѣпляются къ тѣмъ участкамъ, на которыхъ они были записаны въ Пис-

цовыхъ книгахъ 1600-хъ годовъ, т.-е. въ поуѣздныхъ описяхъ земли и населенія, составленныхъ при царѣ Михаилѣ, и въ переписныхъ книгахъ 1646—47 гг. Прикрѣпленіе касалось не однихъ только домохозяевъ, но и распространялось на ихъ семейства, на живущихъ при отцѣ дѣтей, братьевъ и племянниковъ. Подтверждалось, что срока для сыска бѣглыхъ нѣтъ, сюзъ также отмѣнялся. Принявшій бѣглаго, или свезшій крестьянина у другого владѣльца, обязывался выдать его обратно и уплатить по 10 руб. тогдашнихъ, или около 100 р. по нашему счету, за каждый годъ незаконнаго владѣнія трудомъ бѣглаго крестьянина. Такое рѣшительное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, а тѣмъ самымъ и къ землевладѣльцамъ, отмѣчается въ Уложеніи, какъ новая, еще небывалая мѣра. «По нынѣшней государевъ указъ,—читаемъ въ 11-ой гл. Уложенія ст. 3,—государевой заповѣди не было, чтобы никому за себя крестьянъ не принимати, а указаны были крестьянамъ урочные годы».

Уже къ концу XVI вѣка Юрьевъ день лишился почти всякаго практическаго значенія въ жизни, но все же, при исключительныхъ обстоятельствахъ, крестьянинъ, имѣя право разсчитаться со своимъ хозяиномъ, могъ уйти отъ него.

Со дня изданія Уложенія крестьяне потеряли это право, и Юрьевъ день остался жить только въ памяти крестьянства, живо поддерживавшейся тѣми дѣдушками и бабушками, которые знали и помнили Юрьевъ день. Съ тѣхъ то поръ, въ отвѣтъ на эти воспоминанія, пошла жить и дожила до нашего времени поговорка: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!»

Итакъ, по Уложенію крестьяне обязывались наследственно и потомственно крѣпко сидѣть на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застали переписи 1625 и 1646—47 гг., но Уложеніе вовсе не хотѣло

сказать, что крестьяне становятся лично зависимыми от помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ обязуются сидѣть. Охраняя крестьянъ, какъ плательщиковъ податей, Уложение считаетъ ихъ свободными и строго запрещаетъ владѣльцу земли брать съ нихъ запись въ холопство, а крестьянамъ давать ее, грозя, въ противномъ случаѣ, наказаніемъ кнутомъ и ссылкой въ Сибирь. По Уложенію помѣщикъ не имѣлъ права оторвать свободнаго по закону крестьянина, обязаннаго жить на его землѣ, отъ земли, т. е. не могъ перевести его изъ одной деревни въ другую, взять для службы къ себѣ во дворъ и т. п. Выходитъ, такимъ образомъ, что Уложение, прикрѣпляя крестьянина къ землѣ, хочетъ только закрѣпить за землевладѣльцемъ рабочія руки и прикрѣпить къ опредѣленному мѣсту плательщика казенныхъ сборовъ, и вовсе не имѣетъ въ виду отдать крестьянина въ полное распоряженіе помѣщика. Законъ смотритъ на обѣ стороны, какъ на хозяина и работника, а не какъ на господина и раба.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Уложение дозволяло отрывать крестьянъ отъ земли и тѣмъ самымъ какъ бы отдавало ихъ и въ личную зависимость отъ помѣщиковъ. Такъ, напримѣръ, Уложение дозволяетъ свозъ крестьянъ съ одной земли на другую, когда у помѣщика отбиралась земля населенная и давалась пустопорожняя. Также, если какой-либо помѣщикъ убивалъ крестьянина у другого, то обязывался вознаградить потерпѣвшаго однимъ изъ крестьянъ со своей земли.

Главной причиной такихъ крупныхъ отступленій отъ основного смысла закона является то, что правительству необходимо было заботиться о военной силѣ государства—помѣщикахъ. Сыты, т. е. годны къ службѣ, они могли быть лишь тогда, когда владѣли достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, поэтому-то и приходилось беречь за ними

крестьянскую рабочую силу, дѣлая ради этого даже отступленія отъ основного смысла закона. Къ тому же, случаи отрыванія крестьянъ отъ земли ради выгодъ помѣщика не могли никого особенно удивлять, потому что казались вполне возможными, такъ какъ обычай считалъ задолжавшихъ крестьянъ холопами ихъ кредиторовъ. Отрывая крестьянъ отъ земли, съ ними только обращались, какъ съ холопами. Такъ должно было казаться дѣло съ обычной, житейской точки зрѣнія.

Но дѣло въ томъ, что разъ самъ законъ допускалъ случаи обращенія съ лично свободными крестьянами, какъ съ рабами, то жизнь могла стремиться къ тому же еще болѣе, и, дѣйствительно, въ тогдашнихъ повседневныхъ житейскихъ отношеніяхъ рѣзко сказывалась зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. При обязательности же для крестьянъ сидѣть на помѣщичьей землѣ, зависимость эта становилась особенно чувствительной. Къ тому же, Уложение, прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ, кромѣ желанія обезпечить обработку служилой земли, стремилось еще и установить болѣе порядка и удобства въ сборѣ податей.

Платежи крестьянъ, сидящихъ на помѣщичьей землѣ, стали брать не съ самихъ крестьянскихъ общинъ, какъ дѣлалось прежде, а съ владѣльцевъ земли, при чемъ недоборъ взыскивали съ помѣщика. Дѣлая землевладѣльца отвѣтственнымъ за сборъ крестьянскихъ податей, правительствомъ должно было дать ему и нѣкоторую судебнопольничью власть во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ важныхъ уголовныхъ преступленій: разбоя, грабежа, воюства съ поличнымъ. Это обстоятельство еще увеличивало зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Такъ что, въ концѣ-то концовъ, законъ XVII-го в. если и считалъ крестьянъ лично свободными и крѣпкими только землѣ, то на дѣлѣ провести этого не могъ, и при многочисленныхъ отступленіяхъ

самого закона отъ основнаго его смысла, въ практикѣ жизни складывалась полная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ.

Уже вскорѣ по изданіи Уложенія землевладѣльцы распоряжаются живущими на ихъ земляхъ крестьянами такъ, какъ-будто эти крестьяне и по закону ихъ полная собственность. Землевладѣльцы мѣняются ими, передаютъ въ приданое, по завѣщанію; начинается даже продажа крестьянъ, сначала прикрываемая кое-какими формальностями, а вскорѣ совершенно откровенная.

Въ Уложеніи нѣтъ опредѣленія правъ и обязанностей владѣльцевъ и крестьянъ. Видно только по житейскимъ отношеніямъ того времени одно: помѣщикъ имѣлъ власть надъ крестьяниномъ и власть обширную, но въ чемъ заключалась эта власть по закону, гдѣ начиналось и гдѣ оканчивалось это право помѣщика на личность крестьянина, того въ Уложеніи не видно. Надо думать, что все въ ихъ повседневныхъ взаимныхъ отношеніяхъ покоилось на обычаѣ. Не сдерживая и не направляя жизнь, законъ допускалъ тѣмъ самымъ въ практикѣ ея злоупотребленія, которыя, разъ сложившись, принимали значеніе обычая, и тогда съ ними трудно становилось бороться.

Можно отмѣтить цѣлый рядъ такихъ злоупотребленій, ставшихъ обычными. Такъ, нигдѣ въ Уложеніи не найдемъ статьи, которая бы говорила, что помѣщики могутъ подвергать крестьянъ тѣлеснымъ наказаніямъ, на дѣлѣ же кнутомъ и палкой ведется все тогдашнее хозяйство. По смыслу Уложенія, крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ. Это значитъ, его нельзя было оторвать отъ пашни, но въ силу неточности закона вошла въ обиходъ мысль, что это можно дѣлать.

Обычай, войдя накрѣпко въ сознаніе людей, заставилъ правительство даже вообще забыть о личной свободѣ крестьянъ, и въ указѣ 7-го апрѣля 1690 г.

читаемъ такое выраженіе: «Всякій помѣщикъ и вотчинникъ въ помѣстьяхъ своихъ и въ вотчинахъ во крестьянехъ поступаться и сдать, и промѣнять ихъ воленъ». А отъ уступки и мѣны одинъ шагъ до продажи. Еще въ 70-хъ годахъ XVIII-го вѣка встрѣчаемъ указанія на продажу крестьянъ, и это указаніе связано съ именемъ одного изъ передовыхъ людей своего времени, знаменитаго боярина Артамона Матвѣева. Оказывается, что въ 1676 году по указу царя Федора Алексѣевича «по челобитію Артамона Матвѣева по сдѣлочнымъ записямъ крестьяне за нимъ Артамономъ въ Помѣстномъ Приказѣ записаны и съ того числа за иными по сдѣлочнымъ записямъ и по купчимъ крестьяне записованы». Любопытно, что вскорѣ купчія на крестьянъ стали записывать не въ Помѣстномъ, а въ Холопьемъ Приказѣ! Законъ, слѣдовательно, явно приравнялъ свободныхъ лично крестьянъ, обязанныхъ только жить на помѣщичьей землѣ, къ холопамъ, т.-е. къ рабамъ.

Какъ съ своими рабами и распоряжается живущими на его землѣ крестьянами помѣщикъ XVII в. Помѣщичій приказчикъ сажаетъ крестьянъ въ тюрьму, въ колодку, въ желѣза, бьетъ батогами, кнутомъ, можетъ даже подвергать подсудимыхъ пыткамъ. Нѣкоторые большіе помѣщики составляли для своихъ приказчиковъ цѣлыя росписи, какъ они должны обращаться съ провинившимися крестьянами.

«Первая вина,—писалъ бояринъ Морозовъ своему приказчику,—спустить; смотря по тому, если небольшая вина, побранить словомъ и дать на поруки; а своруетъ въ другорядъ—и такихъ бить батоги; а своруетъ въ третіе—и такого бить кнутомъ». Въ обоихъ случаяхъ провинившагося отдавали на поруки кому-либо изъ благонадежныхъ крестьянъ, т.-е. отдавали, какъ бы въ рабы рабу. «По комъ порукъ не будетъ, а вѣдомо, что онъ

ворь, — пишеть далѣе бояринъ, — такихъ сажать въ тюрьму, покаместъ поруки крѣпкія будутъ и писать о томъ мнѣ въ Москву».

Если морозовскому крестьянину надо было поѣхать куда-нибудь, то онъ не смѣлъ отлучиться безъ боярскаго разрѣшенія. Крестьянинъ долженъ былъ писать на имя боярина челобитье о разрѣшеніи уѣхать, куда ему надо, и подать такое чело-

Крестьянки въ XVII в.

битье приказчику. Приказчикъ на оборотъ челобитья помѣчалъ такъ: «По указу боярина Бориса Ивановича Морозова приказный такой-то отпустилъ туда-то крестьянина такого-то до такого-то срока». Причемъ обозначалось также, для чего именно и съ чѣмъ, т.-е. съ товаромъ—продавать его, или покормиться ремесломъ отъѣзжаетъ крестьянинъ.

Если крестьянинъ ѣхалъ въ Москву, то ему вмѣнялось въ обязанность явиться съ этой отпуск-

ной на боярскій дворъ въ Москвѣ къ тамошнему приказчику. Къ отпуску прикладывалась печать приказчика.

Безъ отпускной грамоты морозовскіе крестьяне не смѣли выѣзжать изъ вотчины. По свидѣтельству самого Б. И. Морозова дѣлалось все это для «ихъ же береженья».

Крестьяне въ XVII в.

Приказчикъ могъ вмѣшиваться во всѣ мелочи домашняго обихода крестьянина. Бояринъ приказываетъ ему накрѣпко слѣдить, чтобы крестьяне «вина на продажу не курили и табаку не держали, и не курили, и не продавали, зернью и картами не играли, бабками не метали и на кабакахъ не пропивались».

Для домашняго употребленія крестьянамъ разрѣшалось «сидѣть» вино и варить пиво, но въ ограниченномъ количествѣ, сказавъ напередъ при-

казчику. Разрѣшеніе давалось только по случаю праздника, родинъ, крестинъ, свадьбы. Больше осьмины или четверти хлѣба употреблять на это не дозволялось.

«Буде у котораго крестьянина, — писалъ бояринъ, — Богъ хлѣба уродить, то они бѣ пиво варили не часто и больше четверти не варили. А вино сидѣтъ крестьянину или пиво варить часто, ино не прибыльно, убыточно».

Денежные оброки, всякій мелкій помѣщичій доходъ, всякое вотчинное издѣлье, крестьяне отбывали съ дворовъ или домовъ, по сколько на каждаый придется. Отбывали повинности и по вытн, т. - е. соотвѣтственно количеству вытей пахотной земли.

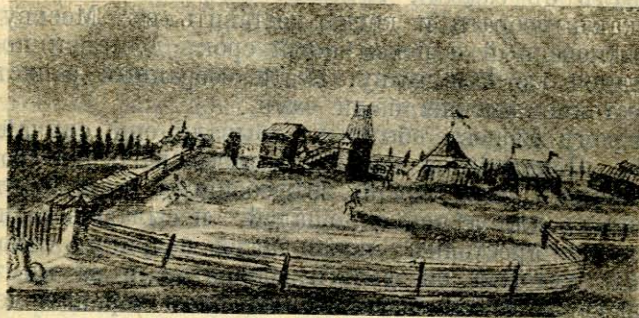
Кромѣ годового денежнаго оброка, крестьяне были обложены сборомъ, такъ-называемыхъ, «столовыхъ обиходовъ» или «столовыхъ запасовъ», которые собирались и съ выти, и особо съ каждаго дыму, и огуломъ со всей вотчины, — когда какъ казалось боярину удобнѣй. Въ нижегородскихъ морозовскихъ вотчинахъ шло съ выти въ 12—16 дворовъ: 15 рублей денегъ *), два пуда свиного сала, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста или, взамѣнъ холста, 10 фунтовъ шерсти на войлоки. Въ разныхъ вотчинахъ, даже въ разныхъ вытяхъ одной вотчины эти сборы бывали различны и качествомъ и количествомъ. Общее правило тутъ было одно: брать съ выти и вотчины то, чѣмъ она славится: гусями — такъ гусей, малиной — такъ малину, холстомъ — такъ холста, деревянной посудой — такъ ложки, плошки и чашки.

Въ неурожайные годы, при падежѣ скота, или по случаю какихъ-либо другихъ несчастій, размѣры этихъ сборовъ уменьшались. Обыкновенно,

*) Рубль второй половины XVII вѣка равняется 17 нынѣшнимъ.

въ такихъ случаяхъ бояринъ прощалъ крестьянамъ половину или третью долю оброка.

Въ 1651 году выгорѣла дотла одна изъ нижегородскихъ деревень Б. И. Морозова — Колязино. Крестьяне били челомъ боярину, что вотъ-де волею Божіею, а ихъ согрѣшеніемъ, погорѣли они до основанія: хлѣбъ, и платье, и сѣмена, и всякая посуда пригорѣли, и пить-ѣсть стало нечего, скитаются-де они всѣ теперь по міру, питаются Христовымъ именемъ, до основанія погибли, до конца разорены, почать-кончатъ стало нечѣмъ. «Умили-сердися, государь Борисъ Ивановичъ, — писали крестьяне, — пожалуй насъ сиротъ бѣдныхъ! Воззри на нашу бѣдность, вели надъ нами свою бояр-

Видъ боярской усадьбы въ XVII в.

(Со старинной гравюры).

скую милостивую пощаду учинить въ своемъ боярскомъ оброкѣ на 1652 годъ и въ старомъ своемъ оброкѣ, чтобъ намъ въ конецъ не погибнуть».

На это челобитье бояринъ положилъ такую погѣту: «Буде они со всеми животы погорѣли, и на нихъ на 1652 годъ половины оброку моего имать не велѣтъ».

Но крестьянамъ, должно-быть, было трудно уплатить и пониженный оброкъ, о чемъ приказчикъ и увѣдомил боярина. «Ты ко мнѣ писалъ,—отвѣтилъ на это приказчику бояринъ,—что крестьяне недоборныя съ прошлыхъ годовъ деньги не платятъ, и тебѣ бы однолично тѣ деньги со крестьянъ собирать всѣ сполна, безо всякаго перевода, а которые бѣдны и взять на нихъ нечего, и имъ велѣть работать у буднаго дѣла (на поташныхъ заводахъ) и зачитать въ оброкъ, или велѣть жечь золу и варить ее къ будному дѣлу и тоже зачитать въ оброкъ».

Для сбора всякихъ оброковъ и доходовъ всегда въ началѣ ноября бояринъ посылалъ къ главнымъ приказчикамъ особую грамоту, въ которой прописывалъ съ самыми точными подробностями, что и какъ собрать и когда доставить въ Москву. Обыкновенный и неизмѣнный срокъ доставки полагался къ Рождеству. Вести собранный запасъ крестьяне должны были сами.

Кромѣ сборовъ обычныхъ, бывали еще случайные. Понадобится боярину «дыгильнаго кореню» четверикъ, или «травы звѣробойной», или травъ разныхъ для лѣченья лошадей,—посылаютъ собирать съ крестьянъ; понадобится боярину скворецъ, который бы умѣлъ говорить,—и за нимъ шлютъ къ крестьянамъ. Понадобится хорошая деревянная посуда,—и ее собираютъ съ крестьянъ. Къ великому посту собирали соленые грузди и рыжики, на Пасху яйца и творогъ.

На крестьянахъ лежала, кромѣ того, обязанность пахать боярскую пашню. Бояринъ строго слѣдилъ, чтобы эта самая важная статья дохода вырабатывалась крестьянами тщательно. «Какъ станутъ пашню пахать,—наказываетъ бояринъ приказчику,—такъ тебѣ смотрѣть, чтобы пахали и выпахивали на-мягко, пахали бѣ въ пору, не опоздавъ, бороновали бѣ мягко жѣ. И буде крестьяне

станутъ пахать съ цѣлизнами и на-мягко не учнутъ выпаживать, и хлѣбъ на той пашнѣ будетъ недобрый, а у нихъ крестьянъ, на ихъ жеребьяхъ въ тѣхъ годахъ хлѣбъ родился добръ, и тотъ добрый хлѣбъ велѣтъ съ ихъ жеребьевъ имать на боярина, а имъ отдавать съ боярской пашни худой хлѣбъ... И сѣяли чтобъ хорошо, и высѣвали хлѣбъ весь, и хитрости бѣ надъ хлѣбомъ никакой не чинили. Какъ поспѣетъ, такъ хлѣбъ пожать и попрятать, не обронявъ, какъ бы было прибыльнѣе и спорѣе, и тому хлѣбу ужинныя и умолотныя книги (т.-е. запись всего сжатого и умолоченнаго хлѣба) прислать ко мнѣ въ Москву».

Такимъ образомъ, въ дѣйствительной жизни положеніе прикрѣпленнаго по закону къ землѣ, но свободнаго лично крестьянина, является полнымъ рѣшительныхъ противорѣчій. Крестьянинъ по закону свободенъ лично, т.-е. можетъ распоряжаться самимъ собой, какъ ему велитъ его собственный разумъ, но помѣщикъ можетъ продать его, не спрашивая, хочетъ крестьянинъ того или нѣтъ. Помѣщикъ—судья крестьянина, но крестьянинъ признается полноправнымъ и передъ обычнымъ судомъ. Имущество крестьянина, какъ неоплатнаго должника, принадлежало господину, но крестьянинъ могъ въ то же время покупать и продавать все, что хотѣлъ, кому угодно, не только казнѣ и другимъ лицамъ, но даже и своему помѣщику. Крестьянская община съ выборными старостами и раскладчиками податей продолжаетъ существовать, но рядомъ съ ней, порой подавляя ее, господствуетъ воля помѣщика и его приказчика.

Для государственной и общественной жизни такая двусмысленность въ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ представляла множество неудобствъ. Настоятельной необходимостью являлось избѣгнуть ея тѣмъ или инымъ способомъ, т. е. или совсѣмъ устранить зависимость крестья-

нина отъ владѣльца земли, или же провести ее еще дальше, опредѣлить вполне такъ, чтобы не оставалось уже никакихъ сомнѣній.

Крестьянство XVII вѣка пробовало сдѣлать первое, и притомъ двумя путями: крестьяне или бѣжали попрежнему отъ владѣльцевъ и съ земли, или бунтовали. Никогда въ Московскомъ государствѣ не бывало такого обилія бунтовъ и крупныхъ возмущеній, какъ именно въ XVII вѣкѣ. Бунтъ Стеньки Разина могъ вырасти до тѣхъ размѣровъ, до какихъ онъ выросъ, только лишь на почвѣ всеобщаго народнаго недовольства прикрѣпленіемъ къ землѣ и къ помѣщикамъ. Но всѣ обстоятельства тогдашней жизни складывались такъ, что полная закрѣпощенность крестьянства становилась неминуемой.

Въ общемъ же, положеніе крестьянъ въ XVII вѣкѣ—неопредѣленное. Такъ и застаегъ ихъ новый XVIII вѣкъ, принесшій съ собой полный расцвѣтъ крѣпостного права, т.-е. безусловное сліянiе поземельной крѣпости крестьянъ съ ихъ личной крѣпостью отъ землевладѣльцевъ.

III.

Итакъ, къ концу XVII-го в. большинство крестьянъ, попавъ въ неоплатную долговую зависимость отъ помѣщиковъ, часто по записи «работать на господина безысходно, вѣчно», явно становилось въ положеніе холоповъ.

Какъ и холопы, крестьяне этого времени должны безпрекословно исполнять волю господина, съ земли котораго законъ запрещаетъ имъ уходить. Кромѣ всего этого, въ руки помѣщика отданъ сборъ податей, и по многимъ дѣламъ онъ поставленъ судьей надъ живущими на его землѣ крестьянами. При такихъ обстоятельствахъ вся

разница между холопомъ и крестьяниномъ сводится лишь къ тому, что крестьянинъ платитъ подати, а холопъ нѣтъ. Постепенно исчезаетъ и это различіе.

Древне-русскіе землевладѣльцы, постоянно нуждавшіеся въ рабочей силѣ для обработки своихъ имѣній и обладавшіе сравнительно многочисленными холопами, издавна завели обычай сажать своихъ холоповъ за обработку земли. Такіе холопы-земледѣльцы пахали на господина, обрабатывали его дворовую землю и потому назывались «дворовыми», или «дѣловыми» людьми. Къ концу XVII-го в. пашенное холопство особенно разрослось. Войны времени царя Алексѣя Михайловича повели за собой страшное обѣднѣніе народа, еще не успѣвшего оправиться отъ тяжкихъ послѣдствій Смуты. Люди продавались въ неволю, только бы не умереть съ голоду.

Можно на примѣрѣ видѣть, насколько сильно разрослось пашенное холопство. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, населенномъ мелкими помѣщиками, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, «дѣловыхъ» людей на помѣщичьихъ дворахъ числилось всего 200 человекъ. Къ концу же XVII-го вѣка число ихъ увеличилось до 4.242 душъ при общемъ числѣ крестьянъ въ этомъ уѣздѣ 19.734 души. Это—значитъ—пятая часть всѣхъ земледѣльцевъ Бѣлевскаго уѣзда состояла изъ холоповъ!

Но замѣна крестьянскаго труда холопскимъ представляла много невыгодъ для государства, собирающаго подать съ земли, обрабатываемой свободными лично крестьянами.

Нуждаясь, благодаря постояннымъ войнамъ, въ деньгахъ, Московское правительство обратило вниманіе на новыхъ земледѣльцевъ и стало брать подать и съ земли, обрабатываемой холопами. Еще по переписи 1678—79 г. холоповъ занесли въ списки тяглыхъ людей на ряду съ крестьянами. Указомъ

царя Петра Алексѣевича въ 1695 г. съ холоповъ повелѣно было брать подати.

Возлагая на пашенныхъ холопей ту же тягость, какую несли крестьяне, правительству, можно сказать, приравняло однихъ къ другимъ. Если жизнь заставляла крѣпостныхъ крестьянъ становиться на холопье положеніе, то законъ поставилъ холоповъ въ положеніе крѣпостныхъ. Очевидно, къ данному времени положеніе холоповъ по закону оказывалось возможнымъ приравнять къ положенію крѣпостныхъ въ дѣйствительности и наоборотъ. Понятно, что помѣщики и безъ того путавшіе въ своемъ обращеніи крестьянъ съ холопами, начинаютъ теперь путать ихъ еще болѣе, еще больше привыкаютъ обращаться съ крестьянами, какъ съ холопами. Злоупотребленія помѣщичьей властью усиливаются все болѣе. Особенно возрастаетъ торговля людьми. Она принимаетъ такіе размѣры, что даже Петръ Великій чувствуетъ себя безсильнымъ искоренить куплю-продажу людей. Осуждая въ одномъ указѣ 1721 г. продажу крестьянъ, «кто похочетъ купить, какъ скотовъ», Петръ сомнѣвается въ возможности прекратить ее. Предписывая «оную продажу людямъ пресѣчь», онъ оговаривается, что «жели невозможно того вовсе пресѣчь, то хотя бы, по нуждѣ, продавали цѣлыми фамиліями, или семьями, а не врознь, чего во всемъ свѣтѣ не дѣлается».

Указомъ 1705 г. на холоповъ распространяется рекрутская повинность. Послѣ этого вся разница между ними и крестьянами свелась только къ тому, что существуютъ названія—«крестьянинъ» и «холопъ». На дѣлѣ же холопство до такой степени полно проникло въ крестьянство, и наоборотъ, крестьянство такъ сблизилось съ холопствомъ, что разграничить ихъ становилось чрезвычайно трудно. Дальнѣйшая жизнь быстро стерла и послѣднія различія, какія еще можно было улавливать въ

этихъ двухъ по существу столь различныхъ состояніяхъ.

При Петрѣ Великомъ, какъ извѣстно, въ Россіи окончательно была заведена постоянная армія. До него люди служилые отбывали службу только въ военное время, въ мирное же жили въ своихъ помѣстьяхъ—земляхъ, которыя давались имъ, какъ бы въ видѣ жалованья, за службу. Съ этихъ земель они и кормились. Когда же была заведена постоянная армія, пришлось подумать, какъ прокормить ее. Въ поискахъ за средствами едѣлали такой расчетъ: опредѣлили количество всего платившаго подати населенія Россіи, сообразили, по скольку душъ плательщиковъ придется на cadaго рядового, потомъ высчитали, сколько стоитъ среднимъ числомъ содержаніе солдата въ годъ. То, что получилось, разложили поровну на число душъ, пришедшихся на cadaго рядового. По первой ревизіи, т. е. переписи платившаго подати населенія Россіи (1718 г.), въ ревизскіе списки занесли только крестьянъ и пашенныхъ холоповъ. Въ 1720 г. приказано было записать плательщиками всѣхъ «подданныхъ» помѣщика, какого бы званія они ни были, даже церковныхъ причетниковъ, за исключеніемъ дьяконовъ и священниковъ.

Послѣ первой ревизіи крѣпостные крестьяне и холопы оказались смѣшанными въ одинъ разрядъ. Съ этихъ поръ исчезло на Руси холопство, осталось одно только крѣпостное крестьянство.

Вообще крестьяне съ этого времени стали раздѣляться на крестьянъ помѣщичьихъ, монастырскихъ и государственныхъ. Всѣ три разряда были записаны въ ревизскія сказки и обложены однимъ налогомъ. Помѣщичьи крестьяне платили въ казну около 5 руб., на наши деньги, государственнымъ же, не платившимъ оброка помѣщику и не отбывавшимъ барщины, платили сверхъ пяти рублей

еще добавочный сборъ, равнявшійся приблизительно 2 р. 50 к. Ревизія продолжалась пять лѣтъ и насчитала крестьянъ 5½ миллионъ душъ мужскаго пола.

Отмѣтимъ кстати, что со времени первой ревизіи, и самый сборъ подати былъ устроенъ иначе.

Въ XVII-мъ вѣкѣ и ранѣе подать взималась съ обрабатываемой земли. Чтобы платить меньше, крестьяне стремились уменьшить запашку. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, ради устраненія этого зла, подать переложили на дворъ. Тогда крестьяне стали селиться по возможности въ большемъ числѣ душъ на одномъ дворѣ. Дѣло доходило до того, что случалось, за однимъ хозяиномъ, за его хребтомъ, жила семья въ 40 и болѣе человекъ.

Если въ первомъ случаѣ государство терпѣло отъ того, что пахали меньше, то во второмъ оно несло убытки отъ убыли дворовъ.

Первая ревизія установила подушную подать, которая шла не съ земли и не со двора, а съ «души», т.-е. съ самаго работника. Для казны это было выгодно. Но правительство, облагая податью «душу» независимо отъ земли, какъ бы подтверждало возможность отдѣлять крестьянъ отъ земли. Съ нихъ стали брать подать, не смотря на то много или мало они пахутъ. А такъ какъ наблюденіе за ихъ платежной исправностью осталось попрежнему за владѣльцами земли, то помѣщичья власть надъ личною крестьянъ получила еще больше возможности усиливаться. Въ результатѣ, слившіеся съ холопами крестьяне являются въ началѣ XVIII-го вѣка полной собственностью господъ. Это новое состояніе сельскаго работника получаетъ съ этого времени названіе «крѣпостной» или «ревизской» души.

Помѣщичья власть начала XVIII-го вѣка начинаетъ отличаться своей полнотой и тягостью. Жившій въ то время крестьянинъ Иванъ Посошковъ

такъ описывалъ въ 1724 г. положеніе крѣпостныхъ. «Помѣщики на крестьянъ своихъ,—читаемъ въ его книгѣ,—налагаютъ бремена неудобноносимыя; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ одинаго дни, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у господъ. Или что положено на крестьянъ obroку, или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ. И который крестьянинъ станеть мало посытѣ быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ; и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу, догола; и тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ крестьянъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды крестьяне дома свои оставляютъ и бѣгутъ—иные въ Понизовыя мѣста, иные во Украинныя, а иные и въ зарубежныя. Тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ».

Отъ такихъ тягостей крестьяне искали заступничества у государя: «Просимъ, и молимъ, и умильно вопіемъ,—писали крестьяне одного помѣщика въ прошеніи къ царю Петру,—да ты на милость преклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гоморру отраднѣ было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановни твои бояре и князи тебѣ, великому государю, стануть возбранять, чтобы намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморрѣ, мучиться; яко львы челюстями своими пожираютъ насъ и яко змій ехидныя разсвириѣтся напрасно пошираютъ; яко же волци свирѣпши, бьютъ насъ, яко немилостивіи Пилаты... Государь, смилуйся, пожалуй». Но всѣ такія жалобы мало

влияли на улучшение положенія крестьянъ: обстоятельства тогдашней жизни были не за нихъ.

Дѣло въ томъ, что со временъ Петра Великаго дворянство приобрѣло первенствующее положеніе въ государствѣ. Изъ среды дворянъ выходятъ первые сановники, изъ дворянъ состоитъ гвардія, дворяне служатъ офицерами въ арміи, въ ихъ рукахъ находится судъ и всѣ другія отрасли управленія. Въ силу всего этого и можно наблюдать, какъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка, въ какия-нибудь 35 лѣтъ по смерти Петра Великаго, помѣщичьи крестьяне утрачиваютъ всякую тѣнь личныхъ правъ, превращаются въ крѣпостныхъ въ самомъ полномъ смыслѣ слова: Это видно и изъ отношенія къ нимъ правительства.

Ближайшими преемниками Петра Великаго издается рядъ указовъ, на основаніи которыхъ создается окончательная крѣпость крестьянъ. Въ 1730 году запрещается помѣщичьимъ крестьянамъ приобретать въ собственность недвижимое имущество. Въ 1741 году они устраниются отъ принесенія присяги на вѣрноподданство. Въ 1761 году имъ запрещается обязываться векселями и брать казенные подряды. Съ другой стороны все усиливается власть помѣщика. Въ 1747 году помѣщикамъ разрѣшается продавать крестьянъ, кому захотятъ, для отдачи въ рекруты; въ 1760 году помѣщикамъ дозволяется ссылатъ крѣпостныхъ въ Сибирь; еще въ 1746 году запретили владѣть крѣпостными всѣмъ недворянамъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II крѣпостное право достигаетъ высшей точки своего развитія и теряетъ даже тѣ основанія, которыми старались оправдать его существованіе.

До 1762 года, можно сказать, всѣ сословія русскаго государства находились въ крѣпостной зависимости отъ него. Дворяне были обязаны пожи-

зненно служить въ военной или гражданской службѣ, обязаны были учиться, какъ купцы,—торговать и платить налоги, а крестьяне кормить помѣщиковъ, платить подати и отправлять рекрутскую повинность.

Дворяне говорили, что свое право владѣть крѣпостными они приобрѣли черезъ свою обязательную службу государству. Въ 1762 году дворянство получило свободу отъ обязательной служебной повинности. Казалось бы, что освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы должно повлечь за собой освобожденіе отъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Но на дѣлѣ крѣпостное право длилось еще цѣлыя 100 лѣтъ. За это время крѣпостное право не переставало возрастать: постепенно все большее количество людей русскаго государства становилось крѣпостными, и въ то же время все усиливалась полнота власти господина надъ крестьянами.

Увеличивалось количество крѣпостныхъ во второй половинѣ XVIII вѣка, прежде всего, благодаря пожалованіямъ, т.-е. отдачамъ государственныхъ земель съ жившими на нихъ крестьянами въ частную собственность дворянамъ. Жаловали земли и крестьянъ тогда по всякому удобному къ тому поводу: за заслуги, вмѣсто денежнаго жалованья, въ дополненіе къ жалованью и т. д. Въ царствованіе Петра Великаго роздали такимъ путемъ 77.000 душъ. Одно вступленіе на престолъ императрицы Екатерины II сопровождалось раздачей 18.000 душъ, а за все свое царствованіе она раздавала до 400.000 ревизскихъ душъ, что составить около 1.000.000 душъ обоого пола. Императоръ Павелъ въ день своей коронаціи роздалъ 100 милліоновъ десятинъ земли и 100.000 душъ крестьянъ. Въ свое кратковременное царствованіе онъ раздавалъ души безъ оглядки, считая это выгоднымъ для государства, потому что въ лицѣ по-

мѣщиковъ приобрѣтались такимъ путемъ, по его выраженію, «даровые полицеймейстеры».

Кромѣ пожалованій, значительно способствовали приросту крѣпостного населенія ревизіи, совершавшіяся обыкновенно черезъ каждыя 20 лѣтъ. При ревизіяхъ записывали въ крѣпостные вѣхъ, кого въ древней Руси называли гулящими людьми, т.-е. тѣхъ, кто почему-либо оказывался непристроеннымъ ни къ какому сословію и ни къ какому дѣлу, напримѣръ, дѣтей заштатныхъ церковно-служителей, солдатскихъ дѣтей, нищихъ, незаконно рожденныхъ и т. п.

Пожалованія и приписки по ревизіямъ, увеличивая число крѣпостныхъ, косвенно усиливали гнетъ крѣпостного права: помѣщики, видя, что государство какъ бы покровительствуетъ крѣпостному владѣнію людьми расширеніемъ его количественно, привыкли думать, что правительство ничего не имѣетъ и противъ качественного его расширенія. Становится распространеннымъ типъ помѣщика, который, по мѣткому слову сатирическихъ журналовъ XVIII в., «болень мнѣніемъ, что крестьяне не суть чловѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ дворянинъ только потому, что они крѣпостные его рабы», «онъ не только не говоритъ съ ними ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію передъ нимъ по землѣ распростираются». Такой господинъ начинаетъ проповѣдывать, что «одна жестокость можетъ держать сихъ звѣрей (т.-е. его крѣпостныхъ) въ порядкѣ и послушаніи». «Мои люди», «мои крестьяне», «мои рабы», «холопы», «хамы», и т. п. выраженія становятся обычными въ тогдашнемъ помѣщичьемъ разговорномъ языкѣ и находятъ себѣ оправданіе въ языкѣ указовъ того времени, гдѣ встрѣчаемъ выраженія «крестьянамъ быть вѣчно за тѣмъ, за кѣмъ записаны», или «владѣльцамъ вла-

дѣть ими (т.-е. крестьянами) вѣчно», а владѣютъ, вѣдь, только вещью.

И крестьянинъ, дѣйствительно, становится теперь вещью, которой помѣщикъ распоряжается, какъ ему угодно. Становясь на точку зрѣнія своей выгоды, помѣщикъ вмѣшивается во всѣ личныя дѣла крестьянъ и по-своему устраиваетъ весь ихъ обиходъ. Такъ, если сынъ крестьянина достигалъ возраста, когда могъ исполнять крестьянскую работу, и не хотѣлъ жениться, то помѣщикъ, по установившемуся уже обычаю, понуждалъ его жениться силой. За обычаемъ было, что жениху невѣсту, а невѣстѣ жениха выбиралъ баринъ, не справляясь о желаніи ихъ вступить въ бракъ. Обыкновенно, осенью, по окончаніи работъ, или весной, на Красную Горку, игрались свадьбы всѣхъ назначенныхъ паръ сразу.

Такой грубый произволъ покоился на тонкомъ, по-своему, хозяйственномъ расчетѣ. «Землевладѣльцы въ Россіи,—говоритъ одинъ современникъ,—обыкновенно принуждаютъ къ браку молодыхъ людей и дѣлаютъ это для того, чтобы имѣть лишнюю пару, т.-е. новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброкъ». Какъ мало цѣнилось при этомъ чловѣческое достоинство крѣпостныхъ, можно видѣть хотя бы изъ письма одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и сравнительно очень добраго помѣщика, знаменитаго графа А. В. Суворова. Своему новгородскому управителю. Онъ пишетъ: «Не можно ль, государь мой, выбрать изъ моихъ крестьянскихъ дѣвокъ дворовымъ людямъ въ невѣсты дѣвочку-другую, только чтобы то мужичкамъ было безобидно. Сихъ дѣвицъ извольте отправлять на крестьянскихъ подводахъ безъ нарядовъ (безъ провожатыхъ), однѣхъ за другими, какъ возятъ куръ, не очень сохранно». А въ ученомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ одинъ господинъ разсуждалъ такъ: «Дѣвокъ 18-ти

лѣтъ въ супружество отдавать; добрые экононы отъ скотины и птицъ стараются племя разводить, а человѣкъ, просвѣщеніе разумѣющей, паче долженъ о размноженіи рода человеческого, при помощи Божьей, печность (попеченіе) приложить».

Помѣщикье обыкновеніе наказывать крестьянъ усиливается въ XVIII вѣкѣ до необычайныхъ размѣровъ. Помѣщикъ наказываетъ теперь крестьянина рѣшительно за все: за хозяйственную неисправность, за нерадѣніе къ церкви, за непочтительность и т. д. Сѣкли не только розгами, но и плетью. Разница была та, что одинъ ударъ плетью по силѣ и по слѣдствіямъ равнялся 170 ударамъ розгой, какъ высчиталъ одинъ помѣщикъ, хотя и большою душевно, но свободно распорядившись своими крестьянами. Этотъ великій знатокъ кнутобойнаго дѣла велъ цѣлый сложный учетъ плетямъ и розгамъ, на раздачу которыхъ не скупился. Своимъ крѣпостнымъ онъ сыпалъ плети сотнями, а розги тысячами за всякую провинность. Жестоко наказанному у него даже отлеживаться не давали: получившему 100 плетей позволялось лежать только недѣлю. Одинъ конюхъ пролежалъ двѣ, — за лишнюю недѣлю у него убавили на половину съѣстную дачу и взяли штрафъ. «Наказаніе рабовъ, — говоритъ одинъ французъ, долго жившій въ Россіи, — измѣняется сообразно съ расположеніемъ духа и характеромъ господина, или заступающаго его мѣсто. Оно гораздо чаще соразмѣряется со строгостью того, кто его предписываетъ, чѣмъ съ важностью проступка наказываемаго. Самыя обычныя исправительныя средства — палки, плети, розги. Наказанія производятся обыкновенно на конюшнѣ или въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ, чтобы крики истязуемаго не беспокоили господь. Я видѣлъ, что палками наказывали какъ за кражу, такъ и за опрокинутую солонку (послѣднее, по русской примѣтѣ, предназна-

менуетъ большое несчастье, и потому такое преступленіе рѣдко прощается), за пьянство и за мелкое непослушаніе, за дурно сжареную курицу и за пересоленный супъ. При наказаніи обыкновенно присутствуетъ управляющій, если не самъ господинъ. Какія только предосторожности ни принималъ я, чтобы не быть свидѣтелемъ этихъ жестокихъ истязаній, но они такъ часты, такъ обычны въ деревняхъ, что невозможно не слышать постоянныхъ криковъ несчастныхъ жертвъ безчеловѣчнаго произвола. Эти пронзительные крики преслѣдовали меня даже во снѣ. Сколько разъ проклиналъ я мое знаніе русскаго языка, когда слышалъ, какъ отдавали приказы о наказаніяхъ».

Жестокія наказанія переходили порой въ истязанія. До сихъ поръ живы еще въ народѣ воспоминанія объ извѣстной Салтычихѣ, которая звѣрски обращалась со своими крѣпостными и замучила 139 человѣкъ. Двадцать одинъ разъ подавали на нее крестьяне жалобы, но безуспѣшно, потому что она давала взятки, кому слѣдуетъ, и дѣла заминались. «Вы мнѣ ничего не сдѣлаете, — говорила она жалобщикамъ, — сколько вамъ ни доносить; мнѣ все равно ничего не будетъ, и меня на васъ не промѣняютъ». Но Салтычиха ошиблась. Слухи о ея звѣрствахъ дошли до императрицы Екатерины II. Государыня приказала нарядить слѣдствіе, и когда все, что говорили о «душегубномъ мучительствѣ» Салтыковой ея крѣпостныхъ, подтвердилось, ее было приказано лишить дворянскаго званія, называть просто Дарьей Николаевой, выставить въ Москвѣ къ позорному столбу съ надписью — «мучительница и душегубица», а потомъ посадить въ каменную клѣтку за желѣзной рѣшеткой при одномъ изъ московскихъ монастырей.

Были, конечно, помѣщики, которые, по словамъ современника, «содрогались», слушая рассказы о

подобныхъ истязаніяхъ, и «гнушались такимъ звѣрствомъ и семействомъ сихъ изверговъ, такъ что не хотѣли съ ними имѣть знакомства никогда»...

«...На то ль;—говорили они,—даны намъ люди и подданные, чтобъ поступать съ ними столь безчеловѣчно».

«Во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ и расположеніяхъ,—писалъ въ 1786 г. своему пермскому управителю гр. А. С. Строгановъ,—помни, что ты сердцу моему ни спокойствія, ниже удовольствія сладкаго принести не можешь, когда хотя бы до миллионовъ распространилъ мои доходы, но судьбу бы челоуѣчества чрезъ то могъ отягчить; и въ такомъ случаѣ позволяю тебѣ предпочесть моимъ выгодамъ, выгоды тѣхъ людей, коимъ я долженъ и хочу быть болѣе отцомъ, нежели господиномъ».

Вообще помѣщики любили смотрѣть на себя какъ на строгихъ, но справедливыхъ отцовъ своихъ крѣпостныхъ, руководить жизнью которыхъ они призваны свыше. Эту отеческую строгость и справедливость каждый понималъ, конечно, по-своему, но дѣло не въ томъ, справедливо или не справедливо, добросердечно или жестоко относились къ своимъ крѣпостнымъ господа; униженъ для челоуѣческаго достоинства былъ прежде всего самый произволь помѣщицъей власти, независимо отъ направленія ея въ дурную или хорошую сторону. Въ обоихъ случаяхъ крестьянинъ—вещь, безответно подвергающаяся капризу гнѣва или милости.

Въ теченіе первой половины XVIII вѣка помѣщики мало жили въ деревняхъ. Занятый всю жизнь на военной или гражданской службѣ, прикрѣпленный къ полку или канцеляріи, тогдашній помѣщикъ бывалъ въ деревнѣ только наѣздомъ. По деревнямъ жили только старые и малые. Не живя постоянно въ деревнѣ, тогдашній помѣщикъ, ра-

зумѣется, не могъ самъ заниматься хозяйствомъ. Обработку земли онъ предоставлялъ поэтому крестьянской общинѣ, взимая съ нея оброкъ.

По словамъ императрицы Екатерины II, въ ея время: «Хозяева, не бывшіе вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обкладываютъ каждую душу по рублю, по два, даже по пяти, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ себѣ деньги». Обычный размѣръ оброка простирался отъ 3-хъ до 5 рублей, а «въ нѣкоторыхъ провинціяхъ,—пшеть одинъ современникъ,—лежащихъ близости столицъ и судоходныхъ рѣкъ, платять и по 10 руб., но такихъ деревень немного, какъ, равнымъ образомъ, и такихъ, кои бы меньше 3-хъ рублей съ души платили» *).

Кромѣ денежнаго оброка, многіе помѣщики при-нуждали крестьянъ платить еще натурой, такъ-называемый, «столовый запасъ». Иногда этотъ запасъ взимался сверхъ оброка, а иногда, впрочемъ, очень рѣдко, въ счетъ его. Такъ А. В. Суворовъ бралъ со своихъ крестьянъ трехрублевый оброкъ, въ счетъ котораго шли различные припасы.

Какъ вообще велось оброчное хозяйство, лучше всего можно судить по живому примѣру. Возьмемъ Гуслицкую волость, Московскаго уѣзда. Помѣщицъей эта волость стала только съ 1762 года, когда была пожалована Лопухинымъ. Всѣхъ Лопухиныхъ было трое, и части ихъ такъ и назывались «третями».

Пока волость была казенной, крестьяне вносили оброку съ 3350 душъ 3383 р. 50 к. въ годъ, т. е. по 1 р. и 1 к. съ души. Новые владѣльцы значительно повысили оброкъ.

Въ 1767 году, одинъ изъ нихъ—Авраамъ Лопухинъ, со своей Раменской трети собиралъ деньга-

*) Рубль 1730-хъ годовъ равняется 10 нынѣшнимъ. Рубль 1740-хъ годовъ равняется 9 нынѣшнимъ.

ми 3270 р., сѣна 11.500 пуд., овса 200 четв., дровъ трехъаршинныхъ 100, а однополѣнныхъ 200 саж., мяса 40 п., 100 барановъ, 40.000 огурцовъ, сѣрой рубленой капусты 250 ведеръ, бѣлой рубленой 100 ведеръ, пастернаку, сельдерею, хрѣну и порею по 1000 кореньевъ; рѣпы, рѣдьки, моркови—сколько понадобится; 200 куриць, до 5000 яицъ, брусники, клюквы, разныхъ грибовъ—сколько потребуется.

Оцѣнивъ на деньги все, кромѣ зелени и овощей, количество которыхъ трудно было опредѣлить, крестьяне Раменской трети высчитали, что, вмѣстѣ съ денежнымъ оброкомъ, всего идетъ съ нихъ 5273 р. Кромѣ того, всякое лѣто крестьяне обязаны были ставить на мѣрской счетъ для работы на барина 20 плотниковъ. Затѣмъ, съ нихъ взымались еще случайные поборы. Такъ, въ деревнѣ Богородской на крестьянскій счетъ были выстроены: дворовое строеніе и барскій домъ; прорыта канава въ 9 арш. ширины и 70 сажень длины и начато рытье пруда, «отъ чего, — говорятъ, крестьяне въ своемъ прошеніи императрицѣ, — мы низайшіе пришли въ крайнее разореніе и скѣдость».

Для переѣздовъ помѣщика съ мѣста на мѣсто брались крестьянскіе подводы; когда баринъ ѣздилъ изъ Москвы на богомолье, съ крестьянъ взыскивали расходы по его путешествію. По разнымъ надобностямъ помѣщика было снаряжено въ Москву 200 подводъ въ годъ. Каждый переѣздъ господина въ деревню стоилъ крестьянамъ тоже не дешево: на сѣно и овесъ лошадямъ, на прокормъ его самого и дворни требовалось 100 руб. На счетъ крестьянъ содержался и управитель, присланный помѣщикомъ.

Когда помѣщикъ переселялъ нѣкоторыхъ своихъ крѣпостныхъ изъ одной вотчины въ другую, то издержки по переводу ихъ падали на остальныхъ крестьянъ. Такъ, при одномъ такомъ переселеніи

шести семей были куплены на мѣрской счетъ шубы, сани и пр. для переселенцевъ, а также дано на переѣздъ и пропитаніе болѣе 100 руб., собранныхъ съ оставшихся крестьянъ. Кромѣ того, крестьянамъ не только пришлось платить до новой ревизіи подати за переселенныхъ, но еще и вносить помѣщику за нихъ оброкъ и причитавшуюся долю «столовыхъ запасовъ».

Не стерпя «великаго разоренія, тягости оброковъ и всякихъ неносныхъ работъ», нѣкоторые крестьяне бѣжали; тогда положеніе остальныхъ ухудшилось, — имъ пришлось уплачивать за бѣжавшихъ подати и оброкъ. Всего съ крестьянъ Раменской трети, по ихъ собственному расчету, всякихъ платежей, оброчныхъ и за всякое «здѣлье», собиралось въ годъ 7495 руб. Со всей же Гуслицкой волости шло 16.535 р. Всего крестьянъ считалось въ ней 3350 душъ. Слѣдовательно, круглымъ числомъ съ каждой души приходилось почти 5 рублей. Сравнительно съ тѣмъ, что платила Гуслицкая волость, когда она была казенной, государевой, Лопухины набавили 13.000 рублей.

Никакія просьбы и мольбы крестьянъ объ уменьшеніи поборовъ не помогали. Тогда они рѣшили подать императрицѣ челобитную, изъ которой и взяты приведенныя свѣдѣнія.

Вѣроятно, положеніе лопухинскихъ крестьянъ казалось не особенно тяжелымъ по сравненію съ другими. Оно и было, надо думать, среднимъ. Есть примѣры еще болѣе тяжелаго положенія. Такъ, въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, генералъ-аншефъ Леонтьевъ получилъ деревню, платившую 300 рублей ежегоднаго оброка казнѣ. Новый владѣлецъ сразу повысилъ оброкъ до 2300 руб., т.-е. увеличилъ его почти въ 8 разъ. Черезъ 20 лѣтъ, постепенно повышая, онъ довелъ цифру оброка до 3900 руб. въ годъ, т.-е. по сравненію съ первоначальной увеличилъ въ 13 разъ. Крестьяне оторо-

пѣли отъ перваго повышенія и отказались платить. Тогда бурмистръ принялся выколачивать оброки, — «билъ и мучилъ смертельно» не только самихъ крестьянъ, но ихъ женъ и дѣтей.

Откуда, изъ какихъ средствъ крестьяне должны удовлетворять ихъ требованія, помѣщики мало заботились, какъ показываетъ, на примѣръ, письмо казанскаго помѣщика Бѣлавина своему управителю. «О крестьянахъ, что они неимущіе и ходятъ по міру, отнюдь ко мнѣ не пиши: мнѣ это ножъ; я хочу воровъ разорить и довести хуже прежняго, — такъ они милы мнѣ; почти я отъ нихъ допущень ходить съ кузовомъ по міру. Уповаю и надѣюсь до 1000 руб. взыскать съ нихъ безъ всякаго сумнительства и разоренія. Мужикъ хоть и сѣръ да умъ не чортъ у него съѣлъ». (Письмо писано послѣ пугачевщины.)

Въ общемъ положеніе крестьянъ въ первой половинѣ XVIII вѣка очень тяжело. «Поборы и работы, — говоритъ современникъ, — не только превосходятъ примѣры ближнихъ граничныхъ жителей, но частенько выступаютъ и изъ сноснои челоѣческой».

Во второй половинѣ XVIII вѣка оброчное хозяйство велось, по преимуществу, въ крупныхъ имѣніяхъ большихъ господъ и рѣже примѣнялось въ имѣніяхъ среднихъ и мелкихъ. Помѣщики средней руки и мелкіе старались хозяйничать сами, особенно послѣ освобожденія дворянства отъ обязательной службы, когда они стали все чаще и все въ большемъ количествѣ селиться по своимъ деревнямъ.

Богатые помѣщики, обладавшіе по нѣскольку тысячъ и даже десятковъ тысячъ душъ во многихъ губерніяхъ, мало жили въ своихъ деревняхъ. Ихъ тянула къ себѣ столица и жизнь при дворѣ, въ деревню они наѣзжали только на побывку, или если ихъ постигала опала. При такихъ условіяхъ ихъ

ничто не заставляло заниматься хозяйствомъ, и помѣстья богачей были по преимуществу на оброкѣ все время существованія крѣпостнаго права.

Такъ какъ положеніе крестьянъ, принадлежащихъ мелкимъ владѣльцамъ, считалось вообще тяжелѣе тѣхъ, которые принадлежали крупнымъ, то установившееся въ мелкихъ имѣніяхъ господство барщиннаго хозяйства и надо считать дальнейшимъ ухудшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ общемъ, къ концу XVIII в. въ нечерноземной полосѣ Россіи преобладало оброчное хозяйство, въ черноземной же господствовала барщина. Помѣщикамъ нечерноземныхъ губерній, гдѣ земля особо большого дохода дать не могла и гдѣ господствовала торгово-промышленная дѣятельность, было выгодно отдать сравнительно малодоходную землю въ пользованіе крестьянамъ и, назначивъ за это большой оброкъ, предоставить имъ вырабатывать его и на сторонѣ, путемъ работы на фабрикахъ и т. п. На черноземномъ югѣ, гдѣ земля давала большой доходъ, помѣщику было выгоднѣе если не всю, то большее количество земли въ своемъ имѣніи разрабатывать на себя, сажая своихъ крестьянъ на барщину.

Управление всѣми деревнями богатаго помѣщика сосредоточивалось обыкновенно въ главномъ имѣніи, гдѣ находилась постоянная резиденція господина. Здѣсь учреждалась для этого большая контора, именовавшаяся домовою канторой или домовою канцеляріей, иногда даже главнымъ управленіемъ. Изъ этого центрального управленія, во главѣ котораго состоялъ назначенный баринъ главный приказчикъ или управитель, иногда изъ своихъ же крѣпостныхъ, а иногда и выписанный изъ-за границы ученый агрономъ нѣмецъ, разсылались указы къ управителямъ другими дерев-

нями и сюда же присылались этими второстепенными правителями донесения и рапорты о ходѣ дѣлъ во ввѣренныхъ имъ деревняхъ. Управление такого рода представляло изъ себя иногда до большихъ тонкостей разработанную организацію и напоминало устройство управления государствомъ. Начальствовавшіе въ такой главной конторѣ, по словамъ одного историка «были въ миниатюрѣ скорѣе государственными людьми, нежели агрономами. Они докладывали о дѣлѣ вмѣстѣ со своимъ проектомъ резолюціи, подписаннымъ или единогласно или съ мнѣніями и представленіями, а баринъ, по разсмотрѣніи всего дѣла и мнѣнія конторы, возвращалъ ихъ въ контору съ своимъ утвержденіемъ или съ измѣненными приказами».

Управители и приказчики большихъ имѣній получали жалованье деньгами и натурой. Въ управленіи они должны были руководствоваться особой инструкціей, наказомъ или правилами, подчасъ очень подробно и вдумчиво составленными самимъ господиномъ и торжественно врученными приказчику.

Въ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщикъ обыкновенно самъ смотрѣлъ за работой крестьянъ и, оберегая свои выгоды, смотрѣлъ зорко. Самъ, при помощи старосты или бурмистра, распределялъ уроки и назначалъ барщину. Во время сельскихъ работъ помѣщикъ объѣзжалъ свои и крестьянскія поля, одобрялъ прилежныхъ и «училъ» туть же на мѣстѣ, плетью или тростью, нерадивыхъ. У нѣкоторыхъ господъ были построены въ паркѣ при домѣ или на удобныхъ къ тому мѣстахъ затѣйливыя вышки, съ которыхъ и простымъ глазомъ и въ подзорную трубу можно было наблюдать за работами крѣпостныхъ рабовъ на помѣщичьихъ поляхъ. Обыкновенно, каждый вечеръ у притолоки господскаго кабинета появлялась фигура старосты въ лаптяхъ и армя-

кѣ. Староста докладывалъ барину о дѣлахъ по хозяйству за истекшій день и получалъ распоряженія на слѣдующій. Если баринъ былъ доволенъ старостой, то приказывалъ поднести ему рюмку водки, если нѣтъ—кричалъ на него, билъ, а если неисправность была велика, отправлялъ на конюшню, гдѣ старостѣ и отпускали сколько слѣдовало розогъ.

Помѣщичье хозяйство было обставлено немудро, велось постаринѣ и оставляло помѣщику много досуга, не обременяя ни ума его, ни силъ. Обыкновенно вся земля въ барщинныхъ имѣніяхъ раздѣлялась на крестьянскую и господскую. Половину рабочаго времени крестьянину приходилось тратить на обработку господской земли и половину на обработку своей. Трехдневная барщина тамъ, гдѣ она существовала, исполнялась крестьянами двоякимъ образомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ все крестьяне работали три дня въ недѣлю на господина и три на себя, воскресенье же полагалось на отдыхъ. Въ другихъ мѣстностяхъ дѣлали такъ: если въ семьѣ находилось двое взрослыхъ работниковъ, то одинъ постоянно, кромѣ праздниковъ, работалъ на помѣщика, а другой на себя. Трехдневная барщина вообще считалась умѣренной, но она далеко не вездѣ господствовала. Крестьяне одного села въ Орловской губ. работали на своего помѣщика ежедневно. Крестьяне генеральши Толстой жаловались, что барыня заставляетъ ихъ работать на барщинѣ ежедневно, не освобождая даже по воскресеньямъ и самымъ большимъ праздникамъ. По свидѣтельству одного современника, были и такіе «строгіе къ крестьянамъ помѣщики, что крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ, а, давая всеѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляютъ ихъ безъ изъятія на господскія работы ежедневно».

Обыкновенно помѣщики даже при неежеднев-

ной барщинѣ очень произвольно распоряжались рабочимъ временемъ крестьянъ: понуждали ихъ, напр., работать на господскихъ поляхъ въ хорошую погоду по цѣлымъ недѣлямъ и позволяли приняться за уборку своего хлѣба только по окончаніи жатвы на господскихъ полосахъ. На себя крестьяне работали тогда по ночамъ и по праздникамъ.

Въ знаменитой книгѣ А. Н. Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» находимъ слѣдующее описаніе барщинной страды крѣпостныхъ тѣхъ временъ. «Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы. Перваго сорокъ минутъ. Я выѣхалъ въ субботу. Сегодня, стало-быть, воскресенье. Пашущій крестьянинъ принадлежитъ, конечно, помѣщику, который оброку съ него не беретъ. Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ. Нива, конечно, не господская. Соху поворачиваетъ съ удивительной легкостью.

— Богъ въ помощь!—сказалъ я, подошедъ къ пахарю, который, не останавливаясь, доканчивалъ начатую борозду.

— Богъ въ помощь!—повторилъ я.

— Спасибо, баринъ!—говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду.

— Ты, конечно, раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ.

— Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь—сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три перста. — А Богъ милостивъ: съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья.

— Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенье не спускаешь да еще и въ самый жаръ?

— Въ недѣлѣ-то, баринъ, шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да

подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господскій дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды. Дай Богъ, чтобы подъ вечеръ сегодня дождикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они того же у Господа молятъ.

— У меня, мой другъ, мужиковъ нѣтъ, потому никто меня не клянеть.

— Велика ли у тебя семья?

— Три сына и три дочки. Первенькому-то десятый годокъ.

— Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ?

— Не одни праздники, и ночь наша! не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умремъ. Видишь ли, одна лошадь отдыхаетъ; а какъ эта устанетъ, возьмусь за другую,—дѣло-то и скоро пойдетъ.

— Такъ ли ты работаешь на господина твоего?

— Нѣтъ, баринъ, грѣшно было бы такъ же работать. У него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ, самъ ты счетъ знаешь. Да хотя растянишь на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ, ни барана, ни курицы, ни холста, ни масла не уступитъ. То ли житье нашему брату, какъ гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ приказчика. Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе трехъ рублей съ души, но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье заводится отдавать деревни, какъ-то называется, на аренду. А мы называемъ это отдавать головой! Наемникъ деретъ съ мужиковъ кожу; даже лучшей поры намъ не оставляетъ: зимой не пускаетъ въ извозъ, ни въ работу въ городъ: все работай на него, для того, что онъ подушныя платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьянъ

своихъ чужому въ работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?

— Другъ мой, ты ошибаешься: мучить людей законы запрещаютъ.

— Мучить—правда; но, небось, баринъ, не захочешь въ мою кожу?»

Въ нечерноземныхъ мѣстахъ крестьяне XVIII в. пахали господской пашни на тягло 3 десятины въ трехъ поляхъ, а въ черноземныхъ $3\frac{3}{4}$ десятины. Но столько же и даже больше пахали они на себя. Въ подмосковныхъ имѣнiachъ обычный крестьянскій надѣлъ доходилъ до 8 десятинъ, при чемъ сюда входили 2 или 3 десятины лѣсу.

Кромѣ обработки помѣщичьей земли, барщинные крестьяне, такъ же, какъ и оброчные, должны были поставлять на помѣщичій дворъ «столовый запасъ». По словамъ одного наблюдателя того времени, съ каждаго тягла собирали по гусю или по индѣйкѣ, по курицѣ, по нѣскольку десятковъ яицъ, по нѣскольку аршинъ сукна армячнаго или холста и многое другое. Женщины лѣтомъ ходили на барщину, а зимой пряли и ткали на помѣщика. По словамъ одного современника, женскія повинности были таковы: «Каждая тягловая крестьянка въ годъ должна была напрядь и выткать сукна и холста по 12 арш., а въ нѣкоторыхъ вотчинахъ накладываютъ на нихъ и болѣе. На оное выдается овечья шерсть, ленъ или посконъ помѣщичья, буде же въ вотчинѣ своего домашняго нѣтъ, то покупаютъ и раздаютъ».

Однимъ сборомъ припасовъ помѣщикъ не ограничивался и требовалъ еще съ крестьянъ, чтобы они доставляли собранное въ городъ для продажи, а возить иной разъ случалось за 600 и болѣе верстъ.

Повинности въ общемъ замѣтно возрастали. Подсчитано, что вся цѣнность труда и повинностей барщинныхъ крестьянъ, равная въ шестидесятихъ годахъ XVIII вѣка 7—8 руб. съ ревизской ду-

ши, возросла къ девяностымъ годамъ до 14 и 16 руб., т.-е. удвоилась.

Кромѣ поборовъ деньгами и натурой, крестьяне несли еще личную службу помѣщику. Изъ крестьянъ, оторванныхъ отъ земли, господа составляли себѣ дворню для всякихъ услугъ въ барскомъ домѣ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ помѣщичья дворня принимаетъ обширные размѣры. Съ одной стороны это было слѣдствіемъ чванства, съ другой необходимостью: держать большую дворню приходилось ради безопасности.

Въ однихъ воспоминаніяхъ находимъ такія данныя о дворнѣ XVIII в.: «Людей въ домахъ держали тогда премоножество, потому что, кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и официантовъ, были еще дворецкій и буфетчикъ, а то и два: камердинеръ и его помощникъ, парикмахеръ, кондитеръ, два или три повара и столько же поварятъ, ключникъ, два дворника, скороходы, кучера, фореиторы и конюхи, а ежели гдѣ при домѣ садъ, такъ и садовники. Кромѣ того, у людей достаточныхъ, и не то, чтобы особенно богатыхъ, бывали свои музыканты и пѣсельники, ну хоть понемногу, а все-таки человѣкъ по десяти. Это только въ городѣ; а въ деревнѣ—тамъ еще всякіе мастеровые и у многихъ псаря, егеря, которые стрѣляли дичь для стола, а тамъ скотники, скотницы... Городскихъ и деревенскихъ мужчинъ и женщинъ такъ едва ли въ большихъ домахъ бывало не по 200 человѣкъ прислуги, ежели не болѣе».

За богатыми дворянами тянулись дворяне средней руки. Выжимая со своихъ крѣпостныхъ все, что можно, они выстраивали себѣ большіе дома, богато убрали ихъ и держали «немалое число официантовъ и лакеевъ», набранныхъ, разумѣется, изъ крестьянъ. «Даже мелкопомѣстные дворяне тѣ, что прежде сами землю пахали, держатъ теперь, глядя на богачей, по три и болѣе человѣкъ прислуги».

«Большую дворню возможно было содержать благодаря тому, что «все было свое—и хлѣбъ, и живность, и всѣ припасы—все привозилось изъ деревень; всего заготавливали помногу, стало-быть, и содержаніе стоило недорого, а жалованье людямъ платили небольшое,—сапоги шили имъ свои мастера, платье тоже, холстъ былъ некупленный». Такъ говоритъ современникъ. Иностранцы съ удивленіемъ смотрѣли на огромныя дворни русскихъ помѣщиковъ: «Въ другихъ странахъ,—писалъ одинъ,—такого числа дворовыхъ людей, какое встрѣчаемъ въ русскихъ помѣщичьихъ домахъ, и представить себѣ не могутъ».

У богатыхъ помѣщиковъ были свои артисты-художники, музыканты, актеры, были «свои» доктора и фельдшера, ходатаи по дѣламъ, архитекторы—всѣ люди иногда получавшіе образованіе за границей, куда ихъ посылали учиться господа. Такіе образованные крѣпостные, которымъ произволъ барина давалъ возможность расширить свои познанія и вырасти духовно, особенно горько чувствовали крѣпостной гнетъ, и сколько такихъ образованныхъ крѣпостныхъ, не умѣвшихъ мириться съ гнетомъ крѣпостной неволи, погибали, спиваясь съ кругу, накладывая на себя руки—то одному Богу извѣстно. Въ театрѣ графа Каменскаго въ Орлѣ висѣла огромная плеть; во время антрактовъ графъ снималъ ее, шелъ за кулисы и тамъ собственноручно разсчитывался съ провинившимися артистами такъ, что вопли наказываемыхъ отчетливо слышались зрителями.

Сельскій священникъ, изъ богатыхъ содержаніемъ записокъ котораго былъ приведенъ уже не одинъ случай, рисующій обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными, разсказываетъ о нѣкоемъ богатомъ помѣщикѣ Б., большомъ любителѣ пѣнія и театра. Изъ крѣпостныхъ у него былъ составленъ хоръ хорошо подобранныхъ и обученныхъ пѣв-

цовъ, которые должны были и играть въ его домашнемъ театрѣ, разыгрывая иногда какихъ-нибудь князей и графинь. Въ перерывы представленія баринъ входилъ къ своимъ актерамъ и ласково даже говорилъ какой-нибудь крѣпостной артисткѣ: «Ты, Саша, не совсѣмъ ловко выдержала свою роль: графиня должна держать себя съ достоинствомъ!» И велѣдъ за этимъ слѣдовала отправка негодившей своей игрой барину артистки на конюшню, гдѣ она получала розги, сколько слѣдовало, по приказу барина. «Какъ ни бьешься, какъ ни стараешься,—говоритъ авторъ воспоминаній,—но никакъ не можешь представить себѣ, чтобы люди, да еще дѣвицы послѣ розогъ, и вдобавокъ розогъ кучерскихъ, забывая боль и срамъ, могли мгновенно превращаться или въ важныхъ «графинь» съ «достоинствомъ», или прыгать, хохотать отъ всей души, любезничать, летать въ балетѣ и т. п., а между тѣмъ дѣлать были должны и дѣлали, потому что онѣ опытомъ дознали, что, если онѣ не будутъ тотчасъ изъ-подъ розогъ вертѣться, веселиться, хохотать, прыгать, то опять конюшня... Представить ясно такое положеніе невозможно, а, однакожь, все это было. Такія усилія, чтобы тотчасъ изъ-подъ розогъ хохотать и плясать, можетъ дѣлать человѣкъ только или при непомѣрномъ страхѣ, или когда онъ доведенъ до скотоподобія... Какъ шарманщики палками и хлыстами заставляютъ плясать собакъ, такъ помѣщичьи розгами и кнутьями заставляли смѣяться и плясать людей».

Каково же было положеніе тѣхъ изъ крѣпостныхъ, которые дѣйствительно обладали талантами и были артистами и художниками не по одному только барскому изволенію, а по милости Божіей? Что долженъ былъ чувствовать такой человѣкъ, иногда неизмѣримо болѣе барина образованный, когда ему за талантливую, но

только барину негодную работу грозили розги или оплеухи? А бывало, что такіе крѣпостные артисты получали медали и денежныя награды отъ Академіи Наукъ или Академіи Художествъ за свои труды и вызывали своей талантливостью восторгъ истинныхъ цѣнителей искусства. Одинъ помѣщикъ «послалъ своего крѣпостного, одареннаго большимъ музыкальнымъ талантомъ въ Италію учиться музыкѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ «русскій рабъ» уже удивлялъ итальянцевъ своими концертами. Баринъ, гордый успѣхами своего крѣпостного, приказалъ ему вернуться въ Россію. Артистъ повиновался. Въ одинъ изъ первыхъ дней его прѣзда его заставили играть при огромномъ обществѣ, и для каждаго вновь прибывшаго гостя крѣпостной артистъ долженъ былъ повторять особенно понравившійся всѣмъ концертъ. Послѣ трехъ часовъ игры онъ очень усталъ и просилъ у барина позволенія отдохнуть. «Нѣтъ, играй,—отвѣтилъ тотъ,—а если будешь капризничать, то вспомни, что ты мой рабъ, вспомни о палкахъ!» Молодой человѣкъ въ отчаяніи выбѣжалъ изъ залы, спустился въ кухню, схватилъ топоръ и отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ, воскликнувъ: «Будь проклятъ талантъ, если онъ не могъ избавить меня отъ рабства!» Нѣкто Поляковъ, крѣпостной помѣщика Б., обладавшій большимъ дарованіемъ къ живописи, былъ отданъ своимъ баринѣмъ въ ученіе и работалъ подъ руководствомъ академика Васильева. Скоро онъ выдвинулся какъ очень талантливый художникъ, сталъ бывать въ лучшемъ обществѣ, получалъ заказы на портреты и сталъ очень извѣстенъ своими работами. Вдругъ баринъ потребовалъ Полякова къ себѣ, несмотря на данное раньше слово отпустить его на волю. Какъ ни хлопоталъ Поляковъ, чтобы его освободили отъ барина, по закону сдѣлать этого было нельзя, и

прославившемуся уже художнику пришлось повиноваться. Самодуръ баринъ не сумѣлъ придумать ничего лучшаго, какъ заставить Полякова ѣздить одѣтымъ въ ливрею, лакеемъ, на запяткахъ своей кареты по всему Петербургу. Поляковъ не вынесъ этого злого униженія, спился съ кругу и пропалъ безъ вѣсти. Нелѣпое тщеславіе заставило графа Моркова не отпускать на волю до 47 лѣтняго возраста знаменитаго художника В. А. Тропинина, который имѣлъ незадачу родиться крѣпостнымъ. Еле удалось освободиться на волю талантливому малороссійскому поэту Т. Г. Шевченкѣ, а своихъ родныхъ такъ и не удалось ему освободить. «Чѣмъ вамъ плохо у насъ?—говорили такимъ крѣпостнымъ господа и обыкновенно съ большимъ трудомъ можно было добиться у нихъ отпускной.

Если такъ тяжело складывалась жизнь тѣхъ крѣпостныхъ, которыхъ прирожденная талантливость выдвигала далеко изъ ряда обыкновенныхъ людей, то что же приходилось испытывать простымъ дворовымъ? Крѣпостной крестьянинъ-пахарь,—оброчный въ большей степени, барщинный въ меньшей,—все же имѣли какую-то видимость самостоятельности: у нихъ, по крайней мѣрѣ, былъ свой уголь, своя изба, своя земля, гдѣ хоть подъ страхомъ, хоть небольшое число часовъ въ сутки, но человѣкъ могъ ощутить себя у себя дома, все же могъ чѣмъ-нибудь распорядиться по-своему, прожить себя по своей волѣ, дворовый же былъ лишень даже этой тѣни простой человѣческой самостоятельности. Вѣчно на глазахъ у помѣщика, во всемъ завися отъ него, работая лишь то, что помѣщикъ указывалъ, дворовый человѣкъ былъ рабъ по преимуществу. Одежду и пищу дворовые получали отъ помѣщика. Кормились они или за общимъ столомъ и тогда именовались застольными, или, если жили не въ общей казармѣ-флигелѣ, а въ отдѣльныхъ избахъ, получая ежемѣсячно

отъ помѣщика опредѣленное количество провіанта, назывались мѣсячниками. У одной помѣщицы Харьковской губерніи дворовые продовольствовались такъ: пища варилась на всю дворню разъ въ недѣлю, соли имъ на столъ почти не полагалось совсѣмъ, всякая заваль въ погребахъ—подгнившая капуста, испортившаяся крупа, зачервивѣвшее мясо—«стравлялась», по выраженію помѣщицы, дворовымъ, чтобъ «добро» даромъ не пропадало.

Вся работоспособность дворовыхъ, все ихъ время были на точномъ учетѣ у владѣльца. Тамъ, гдѣ дворовые были заняты какимъ-нибудь мастерствомъ, они работали обыкновенно съ разсвѣта до ночи, не зная иногда праздниковъ. И вообще житье ихъ было самое грустное. Дѣла съ нихъ спрашивали много, трудъ ихъ цѣнили ни во что, кормили впроголодь. Гдѣ дворовые не были пристроены къ какому-нибудь мастерству, тамъ они тупѣли и пропадали отъ ничего недѣланія, спивались, гибли, теряя образъ и подобіе человѣческое. Злоупотребленія помѣщицъей властью именно по отношенію къ дворовымъ, находившимся постоянно на глазахъ у помѣщика, достигали наивысшихъ предѣловъ. У одной помѣщицы,—какъ рассказываетъ современникъ,—«въ дѣвичьей дѣвокъ 15—20 постоянно поурочно плели кружева и вышивали; сидѣли день и ночь до просвѣдней, съ подбитыми глазами и синяками отъ щипковъ по всему тѣлу—то были слѣды поощрительныхъ заботъ объ ихъ трудоспособности со стороны барыни или поставленной ею «мастерицы»—наблюдательницы. Что представляли изъ себя эти дѣвичьи въ помѣщицкихъ домахъ вообще—и говорить нечего: въ книгѣ г-жи Игнатовичъ «Помѣщицки крестьяне наканунѣ освобожденія» приведены случаи ужасающихъ безобразій, творившихся въ этихъ, быть-можетъ, самыхъ темныхъ углахъ безпросвѣтно-мрачнаго крѣпостного

царства; о немъ съ содраганіемъ и отвращеніемъ вспоминаютъ пережившіе крѣпостныя времена люди, видѣвшіе и испытавшіе эту жизнь, которая, по описанію поэта-современника—

бесплодна и пуста.
Текла среди пировъ, бессмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства,
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидоваль житью наслѣднихъ барскихъ
псовъ...

Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ рыданій...
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...
Рабочую силу крестьянскую и дворовую цѣнили мало,—она стоила дешево. Въ концѣ XVIII в. крѣпостныхъ покупали и продавали на рынкахъ оптомъ и врозницу. Иностранецъ. Савва Текели, путешествуя въ то время по Россіи, заѣхалъ, между прочимъ, въ Тулу. Здѣсь онъ увидѣлъ на площади до 40 дѣвицъ, стоявшихъ толпою. Онъ спросилъ проводника, что онѣ тутъ дѣлаютъ, о чемъ шумятъ. — «Продаются», — равнодушно отвѣтилъ тотъ. — «Что, развѣ люди продаются, какъ скотина?» — «А подите къ нимъ сами, посмотрите», — отвѣчали ему. Текели подошелъ къ дѣвушкамъ. — «Купи насъ, господинъ, купи!» — закричали онѣ. Текели поразило, что онѣ выглядятъ такъ весело, и онъ спросилъ ихъ: «Пошли бы вы за мной, куда бы я васъ ни повель?» — «Намъ все равно,—вамъ или другому кому служить!» — отвѣчали онѣ. Проводникъ объяснилъ Текели, что крѣпостные люди въ Россіи не имѣютъ ничего своего, кромѣ души, остальное все принадлежитъ помѣщику. «Помѣщикъ можетъ продать мужа отъ жены, жену отъ мужа, дѣтей отъ родителей, избу, даже одежду своихъ крѣпостныхъ». Въ 1780-хъ годахъ

въ Петербургъ, по словамъ современника, «привозили людей цѣлыми барками для продажи».

Императоръ Александръ I запретилъ продажу людей на рынкахъ, но вывести ее оказалось трудно. Запрещеніе начали обходить, скрывая слова «купля-продажа» подъ выраженіемъ: «отдача въ услуженіе». Одинъ священникъ рассказываетъ со словъ старика, бывшаго крѣпостного: «Бывало, наша барыня отберетъ парней да дѣвочъ чело-вѣкъ 30; мы посажаемъ ихъ на тройки, да и пове-земъ на Урюпинскую ярмарку продавать. (Дѣло происходило въ Саратовской губ.) Я былъ въ ку-черяхъ. Сдѣлаемъ тамъ на ярмаркѣ палатку, да и продаемъ ихъ. Больше всего армяне покупали. Коль подойдетъ кто изъ начальства, то барыня го-воритъ, что она отдаетъ внаймы. Каждый годъ мы возили. Ужъ сколько вою бывало на селѣ, когда начнетъ барыня собираться въ Урюпино». Въ 1807 г. производилась ревизія Рязанской гу-берніи, и здѣсь сенаторъ-ревизоръ обнаружилъ случаи, когда на ярмарки въ этой губерніи приво-зили скованными помѣщичьихъ людей для про-дажи. Тотъ же священникъ, рассказъ котораго мы только что привели, говоритъ: «Всѣмъ извѣстны случаи, когда помѣщичьи-псары на одну собаку мѣ-няли сотню людей. Случилось, что за борзую отда-вали деревни крестьянъ».

Въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка обычная цѣна за душу равнялась 30 рублямъ, въ 80-хъ она под-нимается до 70 руб. и даже до 100. Государственный Заемный банкъ при приемѣ имѣній въ закладъ оцѣ-нивалъ душу въ 40 руб. Но продажная цѣна была значительно выше. Въ общемъ, около конца XVIII в. она зависитъ отъ мѣстности и отъ качества то-вара. Крѣпостные ремесленники, художники, му-зыканты, вообще всякаго рода искусники цѣни-лись иногда очень дорого. Такъ, одна крѣпостная актриса была куплена за 5000 р. Кн. Потемкинъ

купилъ у гр. Разумовскаго оркестръ музыкантовъ за 40.000 р., по 800 р. за каждаго. Въ общемъ же, средняя покупная цѣна опредѣляется къ концу XVIII в. во 100 р. за душу.

О продажѣ крѣпостныхъ печатали въ тогдашнихъ газетахъ объявленія; печатали также объявленія о наградахъ тѣмъ, кто приведетъ бѣглаго крѣпост-ного или укажетъ, гдѣ онъ скрывается. Вотъ образчики такихъ объявленій. Въ № 73 «С.-Петер-бургскихъ Вѣдомостей» за 1796 годъ читаемъ: «Нѣкто, отъѣзжая изъ С.-Петербурга, продаетъ 11 лѣтъ дѣвочку и 15 лѣтъ парикмахера, за ко-торого даютъ 275 рублей; да сверхъ того тамъ же продаются—стола, 4 кровати, стулья, перины, подушки, платяной шкафъ, сундуки, кіоты для образовъ и прочій домашній скарбъ». Или такое объявленіе въ № 79 той же газеты: «Литейной части, въ 1-мъ кварталѣ, противъ церкви Симеона Богопріимца, въ домѣ купца Пашневскаго прода-ются: мужской портной, поварь, башмачникъ, тамъ же вѣнской прочной работы коляска и хорошо вы-ѣзжанная верховая лошадь. Желающимъ покупать подастъ свѣдѣнія о цѣнѣ служитель Андрей Дми-тріевичъ».

Если кто нуждался въ людяхъ, тотъ объявлялъ, напримѣръ, такъ: «Желающіе продать лѣтъ 30 ба-бу, которая бы умѣла шить и гладить бѣлье, мо-гутъ о семъ дать знать»... и далѣе слѣдовалъ адресъ покупателя.

Какъ всякая купленная вещь, крестьянинъ того времени совершенно безправенъ передъ лицомъ своего барина, не смѣетъ даже жаловаться на него, потому что это было запрещено особымъ ука-зомъ, гдѣ говорилось, что если кто изъ крѣпост-ныхъ людей отважится подать недозволенное за-кономъ челобитье на помѣщика, особенно въ соб-ственные Ея Императорскаго Величества руки, то

челобитчикъ, а также и составитель челобитья, будутъ сосланы въ Нерчинскъ, въ каторжныя работы, съ зачетомъ владѣльцамъ, вмѣсто рекрутовъ. Этотъ указъ вѣдно было читать въ продолженіе мѣсяца по церквамъ въ воскресные и праздничные дни.

Для выраженія недовольства своимъ положеніемъ крестьянамъ оставались только недозволенные закономъ пути. Прежде всего они хватаются за средство, уже лѣтъ двѣсти ставшее обычнымъ, — бѣгутъ въ степи или за границу. Бѣглыми заселяется только-что пріобрѣтенная тогда Россіей Новороссія, т. е. нижнее теченіе Днѣпра. Случаи самоубійства среди крестьянъ становятся тоже очень часты. Боязнь жестокаго наказанія, отчаянное горе, оскорбленное достоинство человѣка побуждаютъ крѣпостныхъ налагать на себя руки. Изъ дѣлъ Сквирскаго уѣзднаго суда видно, что въ послѣднее пятилѣтіе существованія крѣпостного права (1855 — 1860 гг.) случаевъ самоубійства среди крѣпостного населенія уѣзда было 443. Случаи эти приходится всецѣло отнести на счетъ крѣпостного гнета. Такъ какъ въ слѣдующее пятилѣтіе (1861 — 1866 гг.) въ томъ же уѣздѣ всѣхъ случаевъ самоубійства крестьянъ насчитано 272. Разница слишкомъ велика, чтобы быть случайной. Не менѣе частными становятся случаи убійствъ помѣщиковъ: за пять лѣтъ съ 1764 по 1769 гг. въ одной Московской губ. было убито 30 помѣщиковъ и помѣщицъ и сдѣлано 5 покушеній на убійство.

Сами крестьяне, очевидно, не смотрятъ на себя, какъ на вещи, созданныя для произвола помѣщиковъ. Свое подчиненіе господамъ крѣпостные считали лишь особой формой царскаго жалованія дворянамъ за ихъ службу государству, и себя признавали только во временномъ пользованіи у дворянъ, а не въ рабствѣ. Еще въ началѣ XVIII-го вѣка Посошковъ говорилъ, что «крестьянамъ по-

мѣщики не вѣковѣчные владѣльцы», что «прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ».

Послѣ того, какъ дворяне получили свободу отъ обязательной службы, крестьяне начали считать близкимъ и свое освобожденіе. Стали возникать среди нихъ толки, что указъ о волѣ данъ, но скрывается помѣщиками. По поводу такихъ слуховъ поднимались волненія среди крестьянъ, такъ что для усмиренія требовалось посылать военныя команды, при чемъ происходили настоящія сраженія, имѣвшія въ результатъ много раненыхъ и убитыхъ съ обѣихъ сторонъ.

Когда вспыхнуль пугачевскій бунтъ, то шайки пугачевцевъ въ значительной мѣрѣ пополнялись бѣглыми крѣпостными, и притокъ этихъ бѣглыхъ въ шайки самозванца длился до самаго конца подавленія пугачевщины.

«Когда полчища Пугачева перевалили за Волгу, — говоритъ В. И. Семевскій, — то прибытіе ихъ было желаннымъ дѣломъ для громаднаго числа крѣпостныхъ, населявшихъ эту мѣстность. Давно уже ждали они избавителя, съ жадностью читали манифесты Пугача, обещавшіе не только осми-конечный крестъ, — онъ одинъ привлекъ бы далеко не всѣхъ, — но также жаловавшіе землями, рѣками и другими вольностями.

31-го іюля 1774 г., выступая изъ Саранска, Пугачевъ обнародовалъ манифестъ, заставившій радостно биться всѣ крѣпостныя сердца: «Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ, находившихся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей коронѣ, и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвой, головами и бородами, вольностью и свободой, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокос-

ными угодами и рыбными ловлями и солеными озерами безъ покупки и оброку, и освобождаемъ отъ всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ дворянъ и городскихъ мздоимцевъ судей крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ и желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтъ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ странствіе и немалыя бѣдства». Въ этомъ манифестѣ крѣпостные нашли то, чего они страстно желали: свободы отъ помѣщичьей власти съ щедрымъ надѣленіемъ земель.

Въ Саратовѣ Пугачевъ держалъ такую рѣчь: — «Я вашъ законный императоръ. Жена моя увлекалась на сторону дворянъ, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. Они склонили ее, чтобы васъ всѣхъ отдать имъ въ рабство, но я этому воспротивился, и они вознегодовали на меня, подослали убійцу, но Богъ меня спасъ».

Послѣ такихъ «манифестовъ» и началась особенно кровавая расправа крѣпостныхъ съ тѣми, кто до тѣхъ поръ позволялъ себѣ жестокое обращеніе съ своими крестьянами. Сотни дворянъ погибли во время бунта. Понадобилось напрячь всѣ силы государства, поднять на ноги цѣлую армію, чтобы подавить пламя пожара, охватившаго весь востокъ Россіи.

Конечно, законодательство не могло оставаться совсѣмъ глухимъ къ такому порядку вещей, и правительство время отъ времени начало обращаться къ мысли, какъ бы устранить зло. Сама императрица Екатерина II была противъ усиленія помѣщичьей власти и старалась смягчить ее, но въ силу вещей — прежде всего въ силу неясности самыхъ крѣпостныхъ отношеній, когда нельзя было разобрать, на какомъ законномъ основаніи крестьянинъ долженъ повиноваться по-

мѣщику, а потомъ вслѣдствіе того, что дворянство продолжало имѣть первенствующее положеніе въ государствѣ, — стремленіе смягчить крѣпостной гнетъ могло проявляться лишь въ сущихъ мелочахъ. Запретили, напр., употреблять молотокъ при продажѣ крѣпостныхъ съ аукціона, прекратили записъ въ крѣпостные незаконнорожденныхъ, стали строже слѣдить за случаями злоупотребленія по-

Императрица Екатерина II.

мѣщичьей властью и т. п. Императрицу возмущало, что съ крѣпостными обращаются, какъ съ безсловесной скотиной, она горько жалуется на такой порядокъ, но и только. Сдѣлать что-либо существенное въ ихъ пользу при существованіи указанныхъ условій не представлялось возможнымъ.

Мало того, императрицѣ пришлось допустить введеніе крѣпостного права въ Малороссіи, гдѣ его до того времени не знали.

Зато при императрицѣ Екатеринѣ II были освобождены крестьяне, принадлежавшіе Святейшему Синоду, монастырямъ, архіерейскимъ каѳедрамъ, церквамъ.

Послѣ помѣщичьихъ крестьянъ эти крестьяне, принадлежавшіе церковнымъ учрежденіямъ, составляли самый большой отдѣлъ въ крѣпостномъ населеніи Россіи. Въ 1760-хъ годахъ такихъ крестьянъ насчитывалось 991.761 душъ мужского пола.

Монастыри были болѣе крупными душевладѣльцами, чѣмъ помѣщики. Въ то время, какъ самый крупный землевладѣлецъ изъ дворянъ — графъ П. Б. Шереметевъ — имѣлъ въ 1767 г. 44.561 душъ мужского пола, самый крупный землевладѣлецъ — монастырь — Троицко-Сергіева Лавра — обладала около 106.000 душъ мужского пола.

Церковныя власти пользовались по отношенію къ крѣпостнымъ имъ крестьянамъ всѣми правами помѣщиковъ, не могли только продавать своихъ крестьянъ, отпускать ихъ на волю, не могли воспрещать вступать имъ въ бракъ по своему желанію, не могли отбирать у нихъ имущество. Крестьяне церковныхъ имѣній имѣли право собственности на движимое имущество; духовныя власти не могли отправлять крестьянъ по собственному усмотрѣнію въ Сибирь, крестьянамъ церковныхъ имѣній не было запрещено закономъ жаловаться на лицъ, которыя ими управляли.

Въ 1764 году всѣ крестьяне церковныхъ учреждений были переданы въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи, почему и стали называться экономическими.

Вмѣсто прежней барщины и оброковъ, правительство стало собирать съ бывшихъ церковныхъ крестьянъ по полтора рубля съ души въ годъ сверхъ обычнаго подушнаго оклада. Въ 1783 г.

этотъ сборъ былъ уравненъ со сборомъ съ казенныхъ крестьянъ, который возросъ къ данному времени до 3-хъ рублей съ души.

Большая часть земли въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ духовенству, была передана въ постоянное владѣніе экономическихъ крестьянъ. Они получили очень большіе надѣлы. Даже въ такихъ сравнительно густо населенныхъ губерніяхъ, какъ Тульская или Калужская, имъ было дано по 5—6 десятинъ, въ Орловской по 15, въ Костромской и Нижегородской около 20, въ Петербургской по 28, а въ Новгородской даже по 34 дес. на каждую ревизскую душу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлы крестьянъ не могли быть выше трехъ десятинъ, правительство разрѣшало крестьянамъ переселяться въ другія мѣстности. Было сдѣлано, словомъ, много, чтобы улучшить положеніе бывшихъ церковныхъ крестьянъ.

«Освобожденіе ихъ, — по замѣчанію историка русскаго крестьянства В. И. Семевского, — было, несомнѣнно, самою великою реформой императрицы Екатерины II».

Такъ понемногу, благодаря тому, что сама императрица и многіе изъ ея современниковъ постоянно думали о лучшемъ устройствѣ крѣпостного населенія и объ уничтоженіи крѣпостного права, оно переставало казаться чѣмъ-то непоколебимымъ и неустранимымъ.

Мысль о необходимости его отмѣны проникала все болѣе въ общество и находила все болѣе сторонниковъ, которые, разбирая несправедливость владѣнія однихъ людей другими, выясняли суть крѣпостного права себѣ и другимъ и тѣмъ самымъ клали начало его упраздненію.

«Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими, — говорилъ А. Н. Радищевъ, — тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платяты извѣстное, а другіе должны платить то, что госпо-

динъ хочетъ. Одни судятся своими равными, а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству, его охраняющему, когда становится злодѣй?! Сія мысль всю кровь во мнѣ воспалила.

Думать же объ упраздненіи крѣпостного права приходилось по необходимости: результаты его господства слишкомъ ужъ били въ глаза всѣмъ, кому были дороги счастье и благоденствіе Россіи. Посмотримъ, какъ же сказывалось на ходѣ русской жизни господство крѣпостного права.

IV.

Замѣтнымъ явленіемъ русской жизни крѣпостное право было уже по одной своей количественной величинѣ. Къ концу царствованія Екатерины II, по 5-й ревизіи, произведенной въ 1796 г., число крѣпостного населенія Россіи опредѣлилось въ 9 съ небольшимъ миллионѣвъ душъ при общемъ числѣ населенія въ 36.000.000 душъ. Это значитъ, что на каждыхъ 4 человѣка жителей Россіи приходилось по одному крѣпостному!

По пространству имперіи крѣпостное населеніе распредѣлялось очень неравномѣрно. Въ однѣхъ губерніяхъ крѣпостныхъ было много, а въ другіхъ сравнительно мало. Такъ, ко времени упраздненія крѣпостного права, въ Калужской губ. на 100 человѣкъ крестьянъ приходилось 83 крѣпостныхъ, въ Смоленской—80, въ Московской—66, въ Вятской—2, въ Архангельской ни одного. Въ общемъ, болѣе половины крестьянства, населявшаго среднія губерніи Россіи, принадлежало къ числу крѣпостныхъ.

Для Россіи, страны по преимуществу земледѣльской, то обстоятельство, что болѣе половины ея земледѣльцевъ были рабы, не могло оставаться безразличнымъ.

Дѣло въ томъ, что помѣщики, какъ было выше отмѣчено, являлись полновластными владѣтелями земли и крѣпостныхъ, обрабатывавшихъ ихъ земли. Помѣщику ничего не стоили рабочія руки и самая обработка земли. Откуда, спрашивается, могло у него явиться при такихъ условіяхъ желаніе лучше устроить обработку земли, а крѣпостныхъ что можетъ заставить стараться работать возможно лучше и скорѣе, когда имъ приходится работать не на себя и изъ-подъ неволи? Одинъ помѣщикъ въ отвѣтъ на предложеніе завести молотилку наотрѣзъ отказался отъ этого, хотя признавалъ всю пользу этой машины.

— А что мои бабы будутъ тогда дѣлать?—сказалъ онъ предлагавшему.

Въ барскихъ имѣніяхъ, гдѣ черезъ два-три года мѣнялась мебель въ домѣ, а сами владѣльцы были одѣты всегда по модѣ, сплошь и рядомъ не было ни молотилокъ, ни вѣялокъ, ни сѣялокъ. «Усовершенствованіе сельскаго хозяйства въ Россіи,—пишетъ одинъ внимательный наблюдатель,—естъ дѣло охотниковъ, любителей, масса же помѣщиковъ къ этимъ улучшеніямъ совсемъ равнодушна, потому что не видитъ въ нихъ ни нужды ни денежнаго расчета».

Обработка земли велась поэтому изъ рукъ вонъ плохо, никакихъ улучшеній не вводилось, все дѣлалось, какъ повелось отъ дѣдовъ. Не улучшая своего хозяйства, помѣщики тѣмъ самымъ не побуждали и крестьянъ заняться улучшеніемъ способовъ обработки земли. Земля поэтому истощалась, родила хлѣбъ худшаго качества и въ меньшемъ количествѣ. Тогдашніе крестьяне думали помочь бѣдѣ тѣмъ, что старались пахать какъ можно

больше, но силъ не хватало! пахали поэтому хуже и дѣлу нисколько не помогали, а только сами больше изнурялись. Съ другой стороны, — такъ какъ, вслѣдствіе дурной обработки земли, хлѣба производилось меньше, чѣмъ могло бы, то меньше поступало его и на рынокъ, — отсюда вытекало постоянное стремленіе продавцовъ повышать цѣну хлѣба.

Платя дороже за хлѣбъ, человекъ того времени, такъ сказать, обдѣлялъ себя при покупкѣ другихъ предметовъ, необходимыхъ для жизни. А это сказывалось, въ свою очередь, на развитіи промышленности и торговли.

Подневольность крѣпостного труда тоже отражалась невыгоднымъ образомъ на развитіи фабричной промышленности того времени.

У многихъ помѣщиковъ были свои фабрики и заводы — суконные, сахарные, винокуренные и др. Цѣлыя села и деревни были приписаны къ фабрикамъ, и должны были работать на нихъ, какъ крѣпостные земледѣльцы работали на помѣщичьихъ поляхъ.

Петръ Великій, въ заботахъ о насажденіи въ Россіи фабричной промышленности, нужной ему для болѣе дешеваго веденія его обширнаго военноморского хозяйства, указомъ, изданнымъ въ 1721 году, разрѣшилъ дворянамъ и купцамъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ для работы на нихъ. Купленные къ фабрикѣ крестьяне считались не собственностью владѣльцевъ фабрикъ, а какъ бы живымъ инвентаремъ самыхъ фабрикъ, прикрѣплялись къ этимъ фабрикамъ и заводамъ, такъ что владѣлецъ фабрики не могъ ни продавать, ни закладывать крестьянъ отдѣльно отъ фабрики.

Съ конца XVIII-го вѣка такіе, прикрѣпленные къ фабрикамъ, крестьяне стали называться посессионными. Ихъ было немного — всего до 1-ой ревизіи числилось посессионныхъ мужеского пола

23.853 души. Не надо думать, что посессионные крестьяне только на фабрикахъ и работали. Этого нельзя сказать даже относительно посессионныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ. Въ большинствѣ случаевъ фабричные крестьяне имѣли небольшіе надѣлы, которые обрабатывали подъ огороды; пользовались они также лугами и лѣсомъ, но пашни пахали очень мало.

За свою работу на фабрикахъ посессионные крестьяне получали заработную плату, которая, по закону, должна была быть «достаточно». Рабочіе посессионной фабрики могли жаловаться, если бы были недовольны платой и порядками, установленными на заводѣ фабрикантомъ. Фабрикантъ имѣлъ право наказывать рабочихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ссылать въ Сибирь, но всегда съ разрѣшенія чиновника, поставленнаго правительствомъ для наблюденія за посессионными крестьянами.

Безъ разрѣшенія правительства фабрикантъ не имѣлъ даже права переводить рабочихъ съ одной фабрики на другую, а также измѣнять самое производство, напримѣръ, суконное на прядильное или наоборотъ.

За неисполненіе предписаній правительства фабрика могла быть отобрана у фабриканта; за жестокое обращеніе съ рабочими правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ освобождало посессионныхъ отъ прикрѣпленія къ фабрикѣ.

Работали на посессионныхъ фабрикахъ отъ 12 до 17 час. въ сутки круглый годъ, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Платили посессионнымъ рабочимъ обыкновенно на цѣлую треть меньше того, что получали рабочіе вольнонаемные. На нѣкоторыхъ фабрикахъ совѣмъ ничего не платили, но тогда работа производилась «башъ на башъ», т. е. крестьяне работали полгода на себя, а полгода на фабриканта.

Всюду возможныя злоупотребленія, особенно въ

тогдашнее крѣпостное время, приводили къ тому, что положеніе посессионныхъ рабочихъ было тяжело. Часты были случаи, когда даже малолѣтніе рабочіе работали 15—17 часовъ въ сутки; заработная плата была очень низка; не рѣдко фабриканты заставляли рабочихъ заниматься не фабричной, а другой работой.

Все это создавало изъ посессионныхъ рабочихъ очень беспокойный классъ населенія. Къ тому же, по мѣрѣ улучшенія техники и расширенія сбыта, посессионный трудъ дѣлался невыгоднымъ фабриканту.

Какъ бы ни мѣнялся спросъ на товаръ, фабрикантъ былъ обязанъ кормить рабочихъ и давать имъ работу. А хуже оплачиваемые посессионные, подневольные рабочіе, кромѣ того, и работали хуже и менѣе споро, чѣмъ вольнонаемные.

Въ 1833 г. посессионный фабрикантъ Осокинъ писалъ, «что введеніе прядильныхъ и трепальныхъ машинъ, употреблявшихся на московскихъ суконныхъ фабрикахъ, чрезвычайно удешевило бы производство; тѣмъ не менѣе, хотя у него имѣлось 33 машины, но онъ можетъ пускать изъ нихъ въ дѣйствіе не болѣе семи, потому что если бы пустить машинъ больше, то многіе посессионные мастеровые остались бы совсѣмъ безъ дѣла, а плату пришлось бы имъ платить все равно прежнюю».

Конечно, при такихъ обстоятельствахъ посессионныя фабрики только стѣсняли своихъ владѣльцевъ, и когда правительство, уже при императорѣ Николаѣ I, закономъ 1840 года, дало возможность владѣльцамъ посессионныхъ фабрикъ освободить своихъ рабочихъ, то фабриканты стали широко пользоваться этимъ закономъ.

Всѣ эти обстоятельства, т.-е. невыгодность подневольнаго труда, развитіе техники, невозможность приспособляться къ колебаніямъ спроса, стѣсня

развитіе фабрикъ, задерживали и вообще развитіе промысловъ въ странѣ. Къ такому исходу приводилъ и весь строй крѣпостного хозяйства.

Всякій разъ, когда въ этомъ хозяйствѣ возникала какая-либо нужда въ чемъ-нибудь, крѣпостной человѣкъ долженъ былъ эту нужду устранить. Нужно было помѣщику домъ построить—его строили крѣпостные; понадобится разбить садъ—и это исполняютъ тѣ же крѣпостные; явится надобность спать сапоги или платье—можно заставить крѣпостного, выученнаго подходить ремеслу. Къ тому же и весь сырой матеріалъ, нужный на всѣ такія надобности, былъ свой и находился подъ рукой. Живя такимъ образомъ, почти исключительно своими средствами, крѣпостное хозяйство мало обращалось на сторону. А извѣстно, что гдѣ нѣтъ спроса на трудъ промышленный и ремесленный, тамъ онъ и не можетъ развиваться. Въ самомъ дѣлѣ,—зачѣмъ фабрикантъ будетъ заводить фабрики, когда работа ихъ мало кому нужна? Зачѣмъ ремесленникъ будетъ работать, если ему почти никто ничего не заказываетъ? Какъ кушчу вести торговлю, если нѣтъ покупателей?

Русское государство того времени несло поэтому большіе убытки, переплачивая много денегъ за заграничные товары, которые можно было бы выработать и у себя, если бы не господство крѣпостного права.

Въ связи съ господствомъ крѣпостного права, задерживавшаго развитіе торговли и промышленности, находилось слабое развитіе городовъ и путей сообщенія. Это и понятно—нечего и некуда возить. Всякій находить нужное ему подъ рукой, на мѣстѣ. Къ тому же, благодаря даровому крѣпостному труду, все это многое необходимое дешево. А низкій уровень развитія населенія не даетъ много воли

не только прихотямъ, но и простому желанію увеличивать удобства жизни.

Задерживая развитие земледѣлія, промышленности и торговли, крѣпостное право являлось главнѣйшей причиной бѣдности русскаго государства и народа. Иначе и не могло быть, когда крестьянинъ, главный плательщикъ государственныхъ податей и налоговъ, находился въ полной зависимости отъ помѣщика. Всякій излишекъ, который оказывался у крестьянъ, попадалъ обыкновенно въ руки помѣщика. Казна не могла поэтому увеличивать подати и налоги, а крестьяне лишались возможности покупать себѣ что-либо сверхъ самаго необходимого.

При такомъ положеніи дѣлъ въ странѣ финансы государства являли изъ себя довольно печальную картину: въ ежегодныхъ росписяхъ расходъ, конечно, всегда превышалъ доходъ, а это вело неминуемо, въ поискахъ покрытія недоуватки, къ займамъ на сторонѣ, за границей и дома. Начало XIX в., ознаменованное тяжкими войнами съ Наполеономъ, дорого обошлось Россіи. Государственный долгъ Россіи въ 1817 году равнялся 34 мил. руб. сер., а въ 1852 г. онъ уже равняется 402 мил. руб. Ассигнацій, выражавшихъ внутренній долгъ государства подданнымъ, обращалось въ странѣ послѣ 1823 г. почти на 600 мил. руб. Крѣпостное государство плохо справлялось со своимъ хозяйствомъ.

Не менѣе важны и обще-культурныя послѣдствія крѣпостного права. Отдавъ крестьянина въ полную зависимость помѣщику, оно рѣзко раздѣлило всѣхъ русскихъ людей на двѣ во всемъ неравныя половины. Къ услугамъ помѣщиковъ, располагавшихъ даровымъ трудомъ крестьянъ, а потому обширнымъ досугомъ и средствами, были и науки, и просвѣщеніе, и искусство. Крѣпостной крестьянинъ, заваленный подневольною работою,

приниженный и обезличенный, не всегда имѣлъ достаточно досуга даже для того, чтобы помолиться Богу.

Въ такъ сложившихся отношеніяхъ слѣдуетъ искать причину до сихъ поръ еще не сгладившейся розни между «мужикомъ» и «баринкомъ». Мы присмотрѣлись къ этой розни, особенно къ виѣшней ея сторонѣ, и она не бросается намъ въ глаза съ особой рѣзкостью; зато иностранцевъ она поражаетъ. Въ «баринѣ» они всегда безъ труда признаютъ ровню себѣ и по одеждѣ, и по привычкамъ, и по интересамъ; «мужикъ» же кажется имъ челоуѣкомъ другого племени, какой-то очень любопытной диковинкой.

Внутреннюю рознь мы можемъ ощущать и сами. Часто, очень часто бываетъ такъ, что при случайныхъ встрѣчахъ за однимъ дѣломъ «мужикъ» и «баринъ» долго не понимаютъ одинъ другого, при простыхъ же, не дѣловыхъ отношеніяхъ имъ часто нечего сказать другъ другу. И это не потому, чтобы не нашлось общаго матеріала для разговора, а только потому, что они не привыкли и не умѣютъ говорить другъ съ другомъ.

«Баринъ», живя долгое время на счетъ «мужика», быть-можетъ, вовсе ужъ не такъ далеко оставилъ за собой послѣдняго, но многимъ кажется, что далеко. Отъ иного «барина» можно услышать мнѣніе, что съ «мужикомъ» и говорить-то нужно по-особенному. Съ другой стороны, и крестьяне, привыкнувъ за время господства крѣпостного права видѣть въ каждомъ образованномъ челоуѣкѣ «барина», конечно, не могли относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ и дружелюбіемъ. Приобрѣтенная вѣками привычка быстро исчезнуть не можетъ, и потому не мудрено, что крестьяне сохранили привычку чуждаться барина и до сихъ поръ, когда образованными стали не одни «господа», а и люди, вышедшіе изъ того же крестьянства. Бу-

демъ надѣяться, что провозглашенныя манифестомъ 17-го октября новыя обоснованія русской общественной и государственной жизни, а также равномѣрное распространеніе просвѣщенія сумѣють сгладить указанную рознь и объединить всѣхъ русскихъ людей на общую ихъ пользу и счастье родины.

Вредныя послѣдствія крѣпостного права сознавались и чувствовались лучшими русскими людьми съ очень давнихъ поръ. Въ 1765 г. возникло въ Петербургѣ Общество, получившее названіе «Вольнаго Экономическаго Общества къ приращенію въ Россіи земледѣлія и домостроительства». Общество это находилось подъ личнымъ покровительствомъ императрицы Екатерины II. Обдумывая различные вопросы, касавшіеся землевладѣнія и устройства крестьянъ, императрица Екатерина написала въ 1765 г. въ Общество письмо, въ которомъ значилось: «Многіе разумные авторы поставляютъ, и самыя опыты доказываютъ, что не можетъ быть тамъ ни искуснаго руководѣнія, ни твердо основанной торговли, гдѣ земледѣліе въ униженіи или нерачительно производится, что земледѣльство не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой отъ него отыметъ». Далѣе императрица просила Общество рѣшить: «Въ чемъ состоитъ или состоятъ должно для твердаго распространенія земледѣльчества имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашцевъ?» Письмо было подписано двумя буквами—И. Е., т.-е. Императрица Екатерина. Никому и въ голову не пришло, чье имя эти буквы означаютъ, и Общество не обратило вниманіе на письмо. О немъ вспомнили только годъ спустя, когда на засѣданіи 1-го ноября 1767 г. директоръ Общества доложилъ собравшимся письмо, при-

сланное неизвѣстной особой, при ящикѣ съ 1000 червонцевъ и подписанное буквами И. Е. Въ письмѣ было сказано, что, въ виду недостатка средствъ у Общества, пишущій проситъ принять эти деньги для раздачи наградъ за рѣшеніе объявляемыхъ задачъ, и проситъ Общество предложить на разрѣшеніе желающимъ слѣдующую тему: «Въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца—въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ?» Общество исполнило желаніе автора письма, въ имени котораго теперь никто болѣе не сомнѣвался, и опубликовало задачу на премію.

Такимъ образомъ крестьянскій вопросъ впервые былъ открыто поставленъ на обсужденіе русскаго общества. Сразу же опредѣлилось и двоякое отношеніе къ нему. Первые откликнулись крѣпостники. Поэтъ Сумароковъ прислалъ раздраженное письмо въ Вольное Экономическое Общество, гдѣ писалъ, что прежде, чѣмъ говорить о собственности крестьянъ, слѣдуетъ рѣшить, будетъ ли полезно для общества освобожденіе крѣпостныхъ. «Конечно,— писалъ онъ,— канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи; однако, одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое для дворянина. Что же нужно для общаго блаженства?» По мнѣнію Сумарокова, конечно, «клѣтка» и «цѣпь» для крѣпостной «канарейки» и «собаки». По его мнѣнію, рабы сами признаютъ, что лучше не имѣть имъ своей земли, да, наконецъ, откуда же имъ и землю-то дать? Въдѣ «земли всѣхъ собственныхъ дворянскія». Общій выводъ письма былъ таковъ: «Свобода крестьянъ не токмо обществу вредна, но и пагубна».

Но скоро стали поступать въ Общество и болѣе серьезные и дѣльные отвѣты. Объявленіе о задачѣ было сдѣлано въ 1766. Къ 22 апрѣлю 1768 г.,—

день рожденія императрицы и срокъ для представленія работъ,—въ Обществѣ было получено 162 работы на языкахъ русскомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Лучшей работой было признано сочиненіе нѣкоего Беарде де-Лабей, присланное изъ Аахена. Большое вниманіе обратила на себя и одна русская работа, принадлежавшая перу академическаго переводчика Полѣнова. Объявить эту работу достойной преміи помѣшало то, что въ ней находились «многія не въ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія».

Удостоенное первой преміи сочиненіе Беарде де-Лабей рѣшительно становится на сторону крестьянской свободы. «Крестьяне,—говоритъ авторъ,—корни, основаніе всего государства; они—барометръ, показывающій его истинныя силы. Самый бѣдный крестьянинъ полезенъ для государства, чѣмъ праздный, невѣжественный, скупой вельможа... Крестьяне уже тѣмъ приносятъ пользу государству, что, главнымъ образомъ, благодаря имъ, увеличивается народонаселеніе: потому крестьянинъ долженъ имѣть неотъемлемую собственность, чтобы онъ не опасался, что его дѣтямъ придется голодать. Но прежде чѣмъ давать ему землю, необходимо сдѣлать его лично свободнымъ; вся вселенная требуетъ отъ государей, чтобы они освободили крестьянъ. Сила Англіи основывается на совершенствѣ ея земледѣлія, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ того, что англійскіе крестьяне свободны и владѣютъ землей; напротивъ, въ Польшѣ общая нищета составляетъ слѣдствіе того рабства, въ которомъ томятся крестьяне. Земледѣлецъ питаетъ другихъ своимъ трудомъ и имѣетъ право требовать для себя премій, отличій и въ особенности права владѣть землей»...

Но авторъ, указавъ такъ настоятельно на необходимость освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землей въ собственность, предостерегаетъ да-

лѣе государей отъ вредной поспѣшности: вѣдь, опасно спустить съ цѣпи медвѣдя, не приручивъ его! Есть и другая опасность: крестьянинъ предастся праздности и будетъ страдать отъ голода подобно тому, какъ вольно-отпущенные негры въ Америкѣ влѣдствіе лѣности впадаютъ въ нищету. Прежде чѣмъ даровать нѣкоторое право собственности, нужно приготовить рабовъ къ воспринятію свободы; теперь же, влѣдствіе свсей грубости и невѣжества, крестьяне, быть-можетъ, и сами предпочтутъ рабство. Прежде всего слѣдуетъ обратиться къ образованію. Заставьте людей познать цѣну свободы... Не дѣлайте ихъ собственниками земли прежде, чѣмъ они будутъ того достойны... и далѣе авторъ рекомендуетъ крайне затяжной и медленной способъ освобожденія... «за трудолюбіе», дарованіе свободы «по мелочамъ». «Устройте отличіе между рабами: пусть за усердіе, за заслуги будутъ вознаграждены. Дайте сначала право имѣть только движимое имущество, а потомъ уже и недвижимое. Пусть крестьянинъ, сдѣлавшись собственникомъ, презираетъ остающихся въ рабствѣ, пусть свободные отличаются отъ несвободныхъ одеждою». Такимъ образомъ Беарде растягиваетъ освобожденіе на много, много лѣтъ и сбавляетъ его странными и чуждыми условіями русской жизни формами, въ родѣ особой одежды для свободныхъ. Его проектъ—кабинетное измышленіе иностранца, незнакомаго, съ русскою жизнью и съ условіями быта русскаго крестьянина. Но хорошо и то, что о крестьянинѣ онъ говоритъ, какъ о человѣкѣ, и крѣпостное право осуждаетъ. Для тогдашняго времени и это уже было очень, очень много.

А. Я. Полѣновъ, указавъ въ началѣ своего труда, что наши крестьяне и «въ своемъ имѣніи не вольны», разъясняетъ далѣе, что собственность въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи составляетъ единственный способъ «къ ободренію и поправленію

крестьянства». Крестьянинъ-собственникъ лучше обрабатываетъ землю, поэтому онъ зажиточнѣе, по-дати поэтому поступаютъ исправнѣе, а это улучшаетъ государственные доходы. Напротивъ того—лишеніе правъ собственности производитъ самыя печальныя послѣдствія: такіе люди дѣлаются совершенно нерадивыми, дурно ѣдятъ и одѣваются, ихъ жизнь непродолжительна, и, слѣдовательно, народонаселеніе мало увеличивается. Наконецъ, не безъ причины многіе славные люди утверждаютъ, что конечное угнетеніе не только вредно для общества, но и опасно... «Бѣдственное состояніе крестьянъ въ Россіи до такой степени возшло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ сказать, личныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего несчастья и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ... Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отчего неотмѣнно должны они опуститься и прійти въ сіе преисполненное бѣдствій, какъ для ихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ». А къ чему все это можетъ привести, авторъ тоже знаетъ и указываетъ на Польшу, которая во время казацкихъ возстаній «великій уронъ отъ крестьянъ притѣсненныхъ претерпѣла». Для устраненія зла, авторъ предлагаетъ прежде всего «ради славы народа и пользы общества вывести производимый человѣческой кровью безчестный торгъ людми». Затѣмъ онъ рекомендуетъ обратить вниманіе на воспитаніе крестьянъ для чего совѣтуетъ вездѣ учредить школы, обязать крестьянъ зимою посылать туда дѣтей, издать книги для обученія и чтенія, приставить учителей, хотя бы священ-

никовъ и причетниковъ, завести въ деревняхъ лѣкарей и обученныхъ повивальныхъ бабокъ. Далѣе онъ требуетъ, чтобы крестьянину было предоставлено довольно земли для хлѣбопашества и скотоводства и чтобы она находилась въ его наслѣдственномъ владѣніи. Собственно, объ отмѣнѣ власти помѣщика надъ крѣпостными Полѣновъ не говорить, и предлагаемыя имъ мѣры преслѣдуютъ только цѣли улучшенія быта крѣпостныхъ и предоставленія имъ нѣкоторыхъ основныхъ человѣческихъ правъ. Полѣновъ хочетъ опредѣлить положеніе крѣпостныхъ въ государствѣ, какъ членовъ государства, но ихъ общественное положеніе онъ почти не затрагиваетъ.

Почти одновременно съ обсужденіемъ крестьянскаго вопроса въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, о немъ заговорили въ «Комиссіи по составленію новаго Уложенія», созданной императрицей Екатериной II изъ выборныхъ отъ населенія въ 1767 году. Помѣщики подняли разговоръ о необходимости усилить наказанія за побѣги крѣпостныхъ и укрывательство бѣглыхъ. Представители всѣхъ сословій—духовенства, купцовъ, даже казаковъ—требовали дарованія имъ права владѣть крѣпостными. Даже государственные крестьяне заговаривали о томъ, чтобы имъ было дозволено покупать рекрутовъ изъ крѣпостныхъ, вмѣсто ставки на службу своихъ дѣтей. Казалось бы, что въ собраніи, такъ настроенномъ, нечего и подымать голосъ о смягченіи крѣпостного права. Но люди, возмущавшіеся господствомъ крѣпостного права, не могли молчать. Первымъ заговорилъ объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ депутатъ отъ города Углича, Сухопрудскій, затронувшій этотъ вопросъ очень осторожно. У Сухопрудскаго нашлись единомышленники, изъ которыхъ особенное значеніе получилъ депутатъ отъ козловскаго дворянства, Г. Коробинъ. Въ своей рѣчи онъ сказалъ, что

хочетъ разсмотрѣть причины, побуждающія крестьянъ къ бѣгству, и предложить нѣкоторые способы, которые могли бы хоть отчасти предупредить это зло. «Думаю,—говорилъ онъ,—изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновеннаго подати, есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долгу, отдають своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать слѣдующее ежегодно къ уплатѣ проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станеть, удаливъ ихъ отъ семействъ, употребляютъ единственно для своей корысти. Мало того, нѣкоторые владѣльцы лишаютъ крѣпостнаго всѣхъ плодовъ его труда, какъ только онъ пріобрѣтетъ хоть небольшой достатокъ, а это очень опасно для государства, «ибо тогда токмо процвѣтетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны». Въ бѣгствѣ крестьянъ виноваты сами помѣщики, и потому необходимо предупредить злоупотребленія благоразумными и человеколюбивыми законами. Теперь всякій молодой дворянинъ, зная, что онъ полный господинъ надъ имѣніемъ своихъ крестьянъ, можетъ, для удовлетворенія своихъ прихотей, собирать чрезмѣрные поборы, но ежели бы владѣлецъ зналъ, что онъ можетъ потребовать отъ крестьянина не болѣе предписаннаго закономъ, тогда злоупотребленія прекратились бы. Слѣдовательно, все зло заключается въ неограниченной власти помѣщика надъ крестьянами. Далѣе Коробинъ предлагалъ рядъ мѣръ, ограничивающихъ власть помѣщика. По его мнѣнію, надо было 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на имѣніе. Власть помѣщика «въ разсужденіи правленія» Коробинъ оставлялъ въ прежнемъ видѣ.

Даже это робкое мнѣніе, предлагавшее незначительное въ сущности смягченіе участи крѣпостныхъ, но сказанное горячо и съ убѣжденіемъ, вызвало яростные нападки крѣпостниковъ на мѣры, предложенныя Коробинымъ, и на него самого. Въ чемъ только не упрекали защитника участи крѣпостныхъ!—и въ томъ, что онъ молодежь, и что онъ ничего не знаетъ въ хозяйствѣ и экономіи, и въ «вольномыслии вредномъ» и въ высомѣрности. Указывали, что приписывать побѣги крестьянъ одному злоупотребленію помѣщичьей властью нельзя, что тутъ виновата и «облѣчивость» и непостоянство, и худые нравы самихъ крестьянъ. Указывали, что на Западѣ крѣпостные платятъ вчетверо больше пошлинъ своимъ господамъ, да не бѣгаютъ. А отчего?—Страны тамъ необширныя, а у насъ бѣжать соблазняетъ обширность страны, разнообразіе ея климатовъ и почвы, возбуждающіе желаніе искать лучшаго мѣста. Дѣятельнымъ и талантливымъ противникомъ ограниченія крѣпостнаго права выступилъ кн. Щербатовъ. Онъ и его сторонники провозгласили, что вольность крестьянъ вредна для государства, что правительство за такой обширной монархіей усмотрѣть не можетъ, и «дворяне, владѣя своими деревнями, лучшей присмотръ сдѣлають». Поднялись голоса даже противъ права отдѣльныхъ помѣщиковъ давать свободу отдѣльнымъ крестьянамъ, отставалось право помѣщика торговать крестьянамъ врозницу,—это полезно-де потому, что способствуетъ облегченію поставки рекрутъ для арміи и флота!

Такъ тяжело шло разсужденіе о крѣпостномъ правѣ, такъ туго давался вопросъ о крестьянской свободѣ воспитаннымъ въ крѣпостной обстановкѣ людямъ. Но разъ возникнувъ, этотъ вопросъ о свободѣ крѣпостныхъ не замиралъ. Толки о необходимости перемѣнъ въ положеніи крѣпостнаго крестьянства слышались постоянно въ различныхъ

кругахъ русскаго общества. Въ 1775 г. новгородскій генералъ-губернаторъ Сиверсъ въ особой запискѣ напоминалъ императрицѣ, что весьма значительныя части ея подданныхъ, именно крѣпостные крестьяне, лишены ея милостей». «Я позволю себѣ сказать, — писалъ Сиверсъ, — что неограниченное рабство погубить государство... пусть Ваше Величество ограничить чрезмѣрную власть помѣщика, пусть по крайней мѣрѣ, господинъ не будетъ имѣть права безъ судебного разбирательства наказывать людей своихъ кнутомъ, что почти равняется смертной казни... Установите, чтобы крѣпостной, семья котораго состоитъ изъ двухъ или трехъ душъ мужского пола, могъ выкупиться хотя за 300 р.». Сиверсъ возмущается далѣе позволеніемъ, даннымъ дворянству, по усмотрѣнію отправлять въ ссылку крѣпостныхъ, «при чемъ судъ даже не можетъ спросить о причинѣ ссылки». За ссылаемыхъ господамъ выдавались зачетныя рекрутскія квитанціи. Благодаря этому совершались дѣла «возмутительныя», по выраженію Сиверса. «Всѣ (изъ крѣпостныхъ, подлежащихъ рекрутчинѣ), кто не годится къ рекруты вслѣдствіе малаго роста или другого какого недостатка, должны отправляться въ ссылку въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, а зачетныя квитанціи многіе помѣщики продаютъ. Признаюсь, не проходитъ дня, чтобы мое сердце не возмущалось подобною привилегією. Какая потеря для войска и для земледѣлія! Къ тому же Сибири достигаютъ немногіе, если принять во вниманіе огромное разстояніе и убыль ссылаемыхъ на пути. «При предшествующемъ наборѣ войско потеряло отъ 7 до 8 тысячъ хорошихъ солдатъ, и я могу сильно сомнѣваться, дошла ли въ Сибирь хоть четверть этого огромнаго числа»...

Въ отвѣтъ на освободительные толки въ обществѣ правительство изрѣдка принимало мѣры,

чтобы хоть немного ограничить крѣпостной произволь; составлялись записки и проекты, засѣдали даже комиссіи, но и только... Затронуть вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ представлялось невозможнымъ потому, что если освобождать крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ надо отнимать у нихъ землю, такъ какъ земля по закону принадлежала помѣщикамъ, и никому больше, кромѣ, разумѣется, казны, принадлежать не могла. Что же будетъ дѣлать, чѣмъ будетъ жить освобожденный, но обезземеленный крестьянинъ? Ему придется опять, по-старому, арендовать землю у помѣщика, другими словами — крестьянству придется повторить все то, что оно пережило, дѣлаясь понемногу крѣпостнымъ. Вѣдь, изъ аренды и выросла крѣпостная зависимость. Если же, освобождая крестьянъ отъ крѣпости, дать имъ и землю, то гдѣ ее взять? Купить у помѣщика — на какія средства? Если оставить землю въ собственности помѣщика, но обязать его отдавать опредѣленную часть ея въ пользованіе крестьянамъ за извѣстную плату съ ихъ стороны, то это, во-первыхъ, стѣснить личную свободу крестьянъ, а, во-вторыхъ, во многомъ затронетъ интересы помѣщиковъ къ ихъ невыгодѣ. Въ 1777 г. при одномъ частномъ разговорѣ императрица Екатерина II сказала, что крестьянскій вопросъ — дѣло весьма трудное: «Гдѣ только начнутъ его трогать, онъ нигдѣ не поддается».

Вотъ въ какія затрудненія ставило русскихъ людей конца XVIII-го и начала XIX-го в. крѣпостное право. Казалось, что оно висѣло надъ русской землей какимъ-то неустранимымъ и неизбѣжнымъ зломъ, не давая ходу впередъ ничему, задерживая развитіе просвѣщенія, народнаго благосостоянія и успѣхи государства. Между тѣмъ, жизнь, независимо отъ всякихъ разсужденій, сама создавала понемногу паденіе крѣпостнаго права.

и самые толки о возможности и необходимости отмены его являлись во многом только слѣдствіемъ неявимаго труда.

V.

Итакъ, къ началу XIX вѣка крѣпостное право въ Россіи получило рѣшительно государственный характеръ, и до самаго освобожденія этотъ характеръ продолжалъ приобретать все большую устойчивость. Государство какъ бы отдало часть крестьянъ помѣщикамъ, передавъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и часть своихъ обязанностей. По закону 1845 года возмущеніе крестьянъ и дворовыхъ противъ помѣщиковъ и управляющихъ приравнивается къ возстанію противъ власти, установленной правительствомъ. За подачу жалобы на помѣщика крѣпостные по закону 1845 г. подвергаются наказанію розгами до пятидесяти ударовъ. Крѣпостные не имѣли права на образованіе, — имъ запрещали учиться въ гимназіяхъ и университетахъ, и разрѣшалось только поступать въ приходскія, уѣздныя и низшія профессиональныя школы.

Помѣщикъ имѣлъ право на трудъ крестьянина, въ извѣстной мѣрѣ являлся судьей его, былъ отвѣтствененъ передъ правительствомъ за правильность взносовъ крестьянами государственныхъ платежей и за исполненіе ими государственныхъ повинностей, былъ судьей полицеймейстеромъ и финансовымъ чиновникомъ, соблюдающимъ казенные интересы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ обязывалъ помѣщика кормить крѣпостныхъ во время голодовокъ и помогать имъ въ бѣдственныхъ случаяхъ. «Владѣлецъ въ случаѣ неурожая, — гласилъ законъ, — не сбивая крестьянъ съ пашни, а дворовыхъ со двора, обязанъ доставлять имъ способы пропита-

нія, воздерживая отъ нищенства». За каждаго крѣпостного, пойманнаго въ нищенствѣ, съ владѣльца взыскивалось по 1 р. 50 к. штрафу. Надо признаться, однако, что это постановленіе закона плохо исполнялось многими помѣщиками. Близоруко, несоблюдая собственныхъ интересовъ, многие помѣщики держали своихъ крестьянъ въ трудное время болѣе чѣмъ впроголодь. Въ запискахъ одного сельскаго священника приводится рядъ извѣстныхъ ему случаевъ, когда помѣщики выдавали голодающимъ крѣпостнымъ на мѣсяць по пуду муки, состоявшей изъ 30 фунтовъ желудя или лебеды и десяти фунтовъ муки. Когда правительство выдавало ссуды на пищу голодающимъ, то деньги, поступавшія, конечно, въ руки помѣщиковъ, такъ въ ихъ рукахъ и оставались, какъ сообщалъ правительству въ 1851 г. смоленскій губернаторъ. Въ теченіе одного только 1840 года было отдано въ опеку пять имѣній «за необеспеченіе нуждъ крестьянъ». Казенные платежи также поступали туго, задерживаясь въ карманахъ помѣщика. Въ Курской губерніи, напримѣръ, въ 30-хъ годахъ, казенныя недоимки достигли огромныхъ размѣровъ, ибо многие дворяне имѣли обыкновеніе никогда не платить податей, рассчитывая на милостивые манифесты, и губернатору пришлось предписать полиціи, въ случаѣ неуплаты кѣмъ бы то ни было казенныхъ недоимокъ, приступить къ продажѣ имущества виновныхъ. Къ 1841 г. за невзносъ податей и недоимокъ въ опеку состояло 916 имѣній.

Никакихъ успѣховъ по сравненію съ XVIII-мъ вѣкомъ крѣпостное сельское хозяйство не сдѣлало. Да и по способамъ своего проявленія помѣщикье хозяйствованье ни въ чемъ не измѣнилось. Правда, законъ XIX-го вѣка дѣлаетъ попытки опредѣлить повинности крестьянъ, но дѣлаетъ это очень неопредѣленно. По закону владѣлецъ мо-

жетъ налагать на крестьянъ всякія работы, взимать любой оброкъ, требовать какихъ хочетъ личныхъ повинностей, но съ условіемъ: во-первыхъ, чтобы крестьяне не претерпѣвали черезъ то разоренія и, во-вторыхъ, чтобы три дня въ недѣлю оставались крестьянамъ для ихъ работъ на себя; при чемъ запрещалось принуждать крестьянъ къ работамъ въ праздники и воскресные дни. Размѣровъ оброка и личныхъ повинностей установлено закономъ не было,—это все предоставлялось доброй волѣ помѣщиковъ. Понятно, къ чему въ большинствѣ случаевъ приводило такое положеніе дѣла по закону: то, что законъ думалъ оградить, ограждено отъ произвола не было, и крѣпостные работали, напримѣръ, не три дня, а четыре на помѣщика; въ тѣхъ же хозяйствахъ, гдѣ крестьяне получали мѣсячное довольствіе отъ господина и земли на себя не пахали, имѣя развѣ только огороды, на барщину уходили всѣ шесть дней. Величина крестьянскихъ надѣловъ зависѣла отъ помѣщиковъ. Помѣщикъ могъ переселять своихъ крѣпостныхъ, какъ и когда ему было угодно. Отдача въ рекруты процвѣтала, какъ средство получить зачетную квитанцію и избавиться отъ негоднаго или плохого работника за счетъ хорошаго. Одна помѣщица писала, напримѣръ, своему бурмистру, чтобы онъ «выбиралъ (для отдачи въ рекруты) самыхъ отпѣтыхъ, ненадежныхъ, питьемъ балующихъ, бѣглыхъ, чѣмъ-либо надмѣченныхъ, и чтобы между ними не попало хорошаго трезваго человѣка».

Это тяжелое положеніе до крайности осложнялось тѣмъ, что въ XIX в. большинство помѣщиковъ жили въ деревняхъ и сами наблюдали за хозяйствомъ. Въ связи съ этимъ замѣчается не только сокращеніе оброчныхъ имѣній и увеличеніе барщинныхъ, но и развивается систематически чисто плантаторское хозяйство, когда у крѣпостныхъ от-

бирались надѣлы, выдавался мѣсячный кормъ, и всю землю они должны были обрабатывать на господина. Жили такіе «мѣсячники» не въ особыхъ избахъ, а въ нарочно устроенныхъ флигеляхъ или казармахъ. Съ внѣшней стороны крѣпостное право описываемаго времени, выйдитъ необычайно прочно, и выхода къ чему-либо болѣе человѣческому не представляется.

А что же тѣ, которымъ судьба дала на долю жить въ такой обстановкѣ?—Они жили, если можно назвать жизнью, сужденное имъ прозябаніе. Существуетъ шутовое опредѣленіе человѣка, какъ существа всеяднаго, съ болѣшимъ правомъ и вѣрнѣе можно было бы называть человѣка существомъ всетерпящимъ и всевыносящимъ: исторія порабощенія одного человѣка другимъ, однимъ многихъ, хранить страницы, повѣствующія о несказанныхъ бѣдствіяхъ и униженіяхъ, полной придавленности проявленія какихъ бы то ни было *человѣческихъ* чувствъ, ощущеній и проявленій своей личности у однихъ, отданныхъ въ неволю другому, котораго условія жизни поставили въ такое положеніе, что онъ получалъ возможность повѣлывать себѣ подобными и располагать ими, какъ бездушными предметами. Забитые, задерганные, поруганные люди въ массѣ своей тупѣли, грубѣли, закаменѣвали въ какомъ-то неисходномъ равнодушіи къ себѣ самимъ, ко всему окружающему или, еще хуже, становились рабами по убѣжденію, видя въ своей долѣ какое-то особое предопредѣленіе свыше, становились способны цѣловать руку, нанесшую имъ жестокіе и позорные побои, отнявшую у нихъ порой близкихъ, становились способны мучить на работѣ, сѣчь и держать въ цѣпяхъ себѣ подобныхъ, иногда близкихъ по родству, если этого требовалъ господинъ.

У такихъ «рабовъ» исчезало самое желаніе выхода на волю. Бывало,—по словамъ одного совре-

менника, — помѣщикъ даетъ отпускную своимъ дворовымъ, которыхъ ему не въ мочь кормить, но дворовые не соглашаются идти на волю: — «Батюшка ты нашъ, мы отцу твоему служили, куда мы пойдемъ отъ тебя!» — «Я дамъ вамъ на обзаведеніе, — говоритъ помѣщикъ, — помогу, сколько могу; кормить васъ, братцы, я, право, не въ силахъ». — «Нѣтъ, ужъ какъ хочешь, батюшка, а воли намъ не надо, мы твои дѣти, дѣлай, что хочешь». «Не похожи ли эти люди, — замѣчаетъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — на того узника, который просидѣлъ большую часть жизни въ темницѣ и не хотѣлъ воспользоваться возвращаемой ему свободой изъ страха, что онъ едѣлся чуждъ на землѣ, утратилъ всѣ отношенія, связи? Тюремный воздухъ и спокойствіе, недостойное человѣка, предпочелъ онъ свободѣ, сопряженной съ трудомъ».

«Въ наши отцы, мы ваши дѣти» говорили эти несчастные, безсознательно профанируя одно изъ святѣйшихъ и, можетъ-быть, самыхъ свободныхъ въ происхожденіи своемъ человѣческихъ чувствованій, какъ взаимочувствованія дѣтей и родителей. Вѣковая обстановка и укладъ рабской жизни создавали тѣхъ рабовъ по убѣжденію, которые и не задавались вопросами — справедливо или несправедливо ихъ положеніе въ жизни, а безропотно и безгласно несли иго крѣпостного права, наивно вѣруя, что такъ всегда было и такъ всегда останется. «Для господъ и царство небесное другое будетъ, господское», — говаривали такіе сроднившіеся съ неволей люди. «За господъ всѣ попы Бога молятъ, всѣ храмы Божьи господами построены, гдѣ жъ нашимъ копейкамъ до ихъ рублей». Даже представленіе, что предъ Богомъ всѣ равны не вмѣщалось въ такихъ забитыхъ и косныхъ умахъ. М. Е. Салтыковъ рисуетъ другой типъ, описывая нѣкую Аннушку,

крѣпостную господъ Затрапезныхъ. Эта Аннушка была убѣждена, по словамъ Салтыкова, что «рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранникамъ, которыхъ ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ». «Ученіе это, — говоритъ М. Е. Салтыковъ, — было довольно распространено въ крѣпостной средѣ и, повидимому, даже подтверждало крѣпостное право». Но помѣщики чутьемъ угадывали тутъ нѣчто злокачественное (въ понятіяхъ крѣпостниковъ самое «разсужденіе» о послушаніи уже представлялось крамольнымъ и потому, если не прямо преслѣдовали приверженцевъ этой мысли, то всячески къ нимъ придирались)... Дѣло въ томъ, что здѣсь «сквозь общую ноту послушанія все-таки просачивалась мысль, что и господа имѣютъ извѣстныя обязанности относительно рабовъ, и что тѣ, которые эти обязанности выполняютъ, получаютъ въ будущей жизни облегченіе». Мысль, что если плохо здѣсь, на землѣ, то будетъ претерпѣвшимъ земное зло награда сторицею на небесахъ, все же вносила нѣкоторое облегченіе въ тяжелое существованіе крѣпостныхъ. Но и эти скромныя и маленькія надежды на лучшее будущее за гробомъ надо было таить про себя. М. Е. Салтыковъ рассказываетъ, какъ Аннушка, разъ только намекнула въ дѣвичьей, что господа должны бы соблюдать Господнюю заповѣдь объ отдыхѣ въ седьмой день и за это была поставлена въ столовой на все время обѣда на колѣни, а затѣмъ ее «въ наказаніе» цѣлый мѣсяцъ не пускали въ дѣвичью. Когда въ 1833 г. вышелъ указъ, запрещавшій продавать крестьянъ иначе какъ семьями, и Аннушка по этому случаю громко сказала: «Милостивъ батюшка-царь и объ насъ многострадальныхъ рабахъ вспомнилъ!» то ее за эти слова подвергли тѣлесному наказанію.

Въ массѣ установилось тупое отношеніе къ праву помѣщиковъ воздѣйствовать на заключеніе браковъ среди крестьянъ. Тѣлесное наказаніе сдѣлалось въ представленіи многихъ и очень многихъ такимъ нерушимымъ житейскимъ установленіемъ, что люди равнодушно относились къ произволу помѣщиковъ въ этой области и теряли самое чувство стыда при наказаніяхъ. Конечно, отдѣльныя личности умѣли сохранить въ душахъ искру Божію даже при тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя создавались на почвѣ крѣпостного права, но мало кто изъ нихъ выдерживалъ до конца это сплошное оскорбленіе человѣческаго достоинства, какимъ являлась жизнь въ крѣпостной обстановкѣ.

Безудержный произволъ доводилъ до самоубійства даже такихъ типовъ, какъ Яковъ вѣрный, холопъ примѣрный, описанный Н. А. Некрасовымъ въ одной его балладѣ. Люди болѣе вдумчивые и энергичные, не могшіе забыть въ себѣ «священнѣйшаго изъ званій—человѣкъ» и безсильные держать себя выше оскорбленій уходили изъ жизни силой, убивали себя. По словамъ одного современника, изслѣдователя крѣпостного быта, дворовые, кончавшіе самоубійствомъ, «задумывались», впадая въ тяжелую меланхолію, и начинали «пить мертвую». Помѣщики, замѣтивъ это, начинали «выбивать дурь изъ головы» у такихъ «задумывавшихся» и тѣмъ, конечно, только ускоряли печальный исходъ.

Объ основныхъ причинахъ возникновенія такой «задумчивости» двухъ мнѣній быть не можетъ. Самоубійства въ крѣпостной средѣ были особенно часты среди дворовыхъ—этихъ истыхъ мучениковъ крѣпостного права. А среди дворовыхъ чаще всего налагали на себя руку тѣ, кого природныя способности или прихоть господина, желавшаго имѣть «своихъ» художниковъ, актеровъ,

учителей, фельдшеровъ, подымала наверхъ общаго уровня крѣпостной массы, приобщала къ культурѣ и просвѣщенію. Самоубійство одного двороваго, принадлежавшаго художнику Ступину, владѣлецъ и его домашніе объясняли «начитанностью разныхъ сочиненіевъ», вслѣдствіе «гибельной» страсти этого двороваго къ чтенію книгъ.

Болѣе пассивнымъ противодѣйствіемъ крѣпостному гнету являлось бѣгство, особенно сильно развитое въ пограничныхъ губерніяхъ. Количество бѣглыхъ, оставившихъ своихъ помѣщиковъ и скрывавшихся, считалось тысячами и сотнями въ годъ на губернію. Очень часты были какъ проявленіе протеста крѣпостныхъ противъ помѣщичьяго гнета поджоги усадебъ и убійства, истязанія выведенными изъ терпѣнія крѣпостными помѣщиковъ и ихъ управляющихъ. Въ 1836—54 гг. зарегистрировано 75 случаевъ покушеній на убійство помѣщиковъ, а убійствъ 144. Въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1835 г. по 1843 г. въ Сибирь было сослано за убійство помѣщиковъ 416 человѣкъ.

Въ качествѣ массоваго протеста особенное распространеніе имѣли волненія крестьянъ. Въ 29 лѣтъ царствованія императора Николая I только однихъ крупныхъ волненій крѣпостныхъ зарегистрировано 556 или въ среднемъ по 19 волненій въ годъ. По годамъ количество ежегодныхъ волненій возрастало очень сильно: въ трехлѣтіе съ 1826 по 1829 г. было всего 41 волненіе, а въ 1850—54—137, въ 1845—49 даже 172.

Крѣпостная масса, въ общемъ смиренная и забитая, все же была способна на отчаянные поступки. Правда, это были разрозненныя вспышки доведенныхъ до отчаянія людей, и самый протестъ ихъ носилъ болѣе пассивный характеръ «неповиновенія властямъ», чѣмъ вооруженнаго возстанія: крѣпостная обстановка не воспитывала энергичныхъ активныхъ характеровъ, но уже

то, что волненія все учащались и захваты-вали все большіе районы, свидѣтельствуешь, насколько раскалена была та почва, на которой такъ всецѣло и самоуправно царила помѣщичья власть.

Своеобразно выглядитъ въ первой половинѣ XIX-го вѣка русская равнина. «Дворянскія гнѣзда», — рассказываетъ М. Е. Салтыковъ, — широкою сѣтью раскинулись по необозримому пространству Россіи. «Болѣе богатые имѣнія располагались по берегамъ большихъ рѣкъ, куда привлекала владѣльцевъ цѣнность угодій, лѣсовъ, поемныхъ луговъ и проч. Помѣщики помельче забивались вглубь, гдѣ природа представляла относительно мало выгодъ, но зато никакой взглядъ туда не заглядываль... и мужицкая спина съ избыткомъ вознаграждала за отсутствіе цѣнныхъ угодій. Часто четыре-пять мелкопомѣстныхъ усадебъ стояли бокъ-о-бокъ или черезъ дорогу; поэтому круговое посѣщеніе сосѣдей сосѣдями вошло почти въ ежедневный обиходъ. Появилось раздолье, хлѣбосолецтво, веселая жизнь. Каждый день гдѣ-нибудь гости, а гдѣ гости, тамъ вино, пѣсни, угощеніе. На все это требовалось ежели не деньги, то даровой припасъ. Поэтому, ради удовлетворенія цѣлямъ раздолья, неустанно выжимался послѣдній мужицкій сокъ, и мужики, разумѣется, не сидѣли, сложа руки, а кишѣли, какъ муравьи, въ окрестныхъ поляхъ.

Всякій, сколько-нибудь предусмотрительный помѣщикъ, еще въ стародавнія времена захватилъ столько земли, что не въ состояніи былъ ее обрабатывать всю, несмотря на крайнюю растяжимость крѣпостного труда... Лѣса горѣли, гнили на корню и загромождались валежникомъ и буреломомъ. Болота заражали окрестность миазмами, дороги не просыхали въ самыя сильныя лѣтнія жары... Деревни ютились около самыхъ помѣщичьихъ усадебъ, а особнякомъ проскакивали рѣдко.

Только около мелкихъ усадебъ прорывались свѣженькія прогалины; только тутъ всю землю старались обрабатывать подъ пашни и луга. Зато неспособною барщиною мелкопомѣстный крестьянинъ до того изнурялся, что даже по наружному виду можно было сразу узнать его въ толпѣ другихъ крестьянъ. Онъ былъ и испуганнѣе, и тощѣе, и слабосильнѣе, и малорослѣе, однимъ словомъ, въ общей массѣ измученныхъ людей былъ самымъ измученнымъ. У многихъ мелкопомѣстныхъ мужиковъ работаль на себя только по праздникамъ, а по буднямъ — въ ночное время. Такъ что лѣтняя страда этихъ людей просто-напросто превращалась въ сплошную каторгу.

Помѣщичьи усадьбы средней руки не отличались ни изяществомъ, ни удобствами. Обыкновенно онѣ устраивались среди деревни, чтобъ было сподручнѣе наблюдать за крестьянами. Сверхъ того, мѣсто для постройки выбиралось непременно въ лоцинкѣ, чтобъ было теплѣе зимой. Дома почти у всѣхъ были построены одинаково: одноэтажные, продолговатые, на манеръ длинныхъ комодовъ; ни стѣны, ни крыши не красились; окна имѣли старинную форму, при которой нижнія рамы поднимались вверхъ и подпирались подставками. Въ шести-семи комнатахъ такого четырехугольнаго, съ колеблящимися полами и нештукатуренными стѣнами дома ютилась дворянская семья, иногда очень многочисленная, съ цѣлымъ штатомъ дворовыхъ людей, преимущественно дѣвокъ, и съ наѣзжавшими отъ времени до времени гостями.

О паркахъ и садахъ не было и помина; впереди дома раскидывался крохотный палисадникъ, обсаженный акаціями и наполненный по части цвѣтовъ — барскою спесью, царскими кудрями и бурожелтыми бураками. Сбоку, поближе къ скотнымъ дворамъ, выкапывался небольшой прудъ, который служилъ скотскимъ водопоемъ и поразжалъ своею

неопрятностью и вонью. Сзади дома устраивался незатѣйливый огоро́дъ съ ягодными кустами и наиболѣе цѣнными овощами: рѣпой, русскими бобами, сахарнымъ горохомъ и проч.

Разумѣется, у помѣщиковъ болѣе зажиточныхъ усадебъ были обширнѣе. Но общій характеръ для всѣхъ существовалъ одинъ и тотъ же. Не о красотѣ, не о комфортѣ и даже не о простотѣ тогда думали, а о томъ, чтобы имѣть теплый уголь и въ немъ достаточную степень сытости» (М. Е. Салтыковъ, «Пошехонская старина» 5—8).

По словамъ князя Н. Волконскаго, крѣпостное имѣніе начала XIX-го вѣка представляло изъ себя замкнутый въ себѣ самый хозяйственный мірокъ, всѣ силы котораго были направлены къ достиженію одной цѣли: производству вещей, нужныхъ для удовлетворенія потребностей хозяина этого мірка—барина.

Только то, чего нельзя было произвести дома, получалось извнѣ, и на приобрѣтеніе такихъ предметовъ надо было выработать въ хозяйствѣ известное количество хлѣба или другого продукта, который можно было бы продать для полученія денегъ, на которыя уже приобрѣталось все, что было нужно помѣщику.

«Число покупныхъ предметовъ въ помѣщичьемъ обиходѣ начала XIX-го вѣка было еще очень невелико. Все было еще свое, домашнее. Что покупалось тогда? Покупными были развѣ вина да пряности, нѣкоторые сухіе плоды, не произрастающіе въ нашемъ климатѣ, въ родѣ изюма, миндаля, чернослива, нѣкоторыя закуски, рыба съ икрой, — въ тѣхъ случаяхъ, когда, впрочемъ, у владѣльца не было имѣнія на рыбной рѣкѣ, откуда эти припасы можно бы было получать съ крестьянъ оброкомъ. Покупали чай да сахаръ, считавшіеся больше лакомствомъ, роскошью, чѣмъ пищей, да и то еще сахаръ, гдѣ можно, замѣняли своимъ медомъ,

а чай сбитнемъ. И чай и сахаръ расходовались больше на угощеніе гостей, а не на свое ежедневное употребленіе. Чаю во многихъ домахъ дѣтямъ не давали въ видахъ экономіи. Изъ предметовъ, служившихъ для одежды, покупными были лишь ткани, изъ которыхъ шилось платье, и то не всегда, да кожа для обуви, да еще металлическія вещи.

Оброкъ принесли (начало XIX в.).
Съ картины А. Н. Бенуа.

Самое шитье какъ платья, такъ и обуви, все бѣлье, всѣ украшенія, кромѣ металлическихъ, изготовлялись дома, начиная съ нитокъ, которыми шили и изъ которыхъ ткалось полотно, до кружевъ и блондъ, которыми украшались выѣздные дамскіе наряды.

Въ самыхъ покупкахъ соблюдалась величайшая экономія. Не жалѣли денегъ развѣ только для

праздничныхъ нарядовъ, въ которыхъ ѣздили въ гости, въ обыденной же жизни и богатыя помѣщицы зачастую обходились какимъ-нибудь ситцемъ, да изрѣдка кисеей. Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ и кожа на обуви была своего издѣлія. Объ одеждѣ рабочихъ, дворни и говорить нечего: она была домашняго приготовления. Изъ другихъ предметовъ домашняго обихода покупались свѣчи да мыло».

«Мой дѣдъ, Петръ Васильевичъ Колобовъ,—пишетъ князь Н. Волконскій,—владѣвшій къ концу своей жизни 500 душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ, говаривалъ:

— Съ ума сойду, коли зажгу стеариновую свѣчку и стану пить французское шампанское!

Онъ разрѣшилъ себѣ и то, и другое въ первый разъ лишь въ день свадьбы дочери въ 1846 году. До того времени у него въ домѣ обходились по праздникамъ «донскимъ», прибрѣтавшимся въ Лебедяни на ярмаркѣ, и ягли сальныя свѣчи.

Во многихъ хозяйствахъ и свѣчи готовились дома: получше отливались въ формы, попроще готовились посредствомъ маканія фитиля въ сало. Мебель въ домѣ была тоже вся своя. Покупались развѣ нѣкоторые экипажи въ родѣ каретъ или знаменитыхъ оводовскихъ тарантасовъ, но остальные экипажи—разныя брички и проч.—дѣлались тоже дома.

Если въ то время что правилось помѣщику, то онъ посылалъ крѣпостного человѣка выучиться, какъ это дѣлать.

Приобрѣталось желѣзо, соль, деготь и лѣсной матеріалъ, когда у помѣщика своего лѣса не было. Крестьяне покупали нужное имъ у помѣщиковъ. Сельско-хозяйственные орудія изготовлялись дома, своими кузнецами, замки замѣнялись щеколдами.

Дворня получала свѣчи только для работы на

барина, а дома, у себя, должна была, какъ и крестьяне, жечь для освѣщенія лучину.

Все покупное казалось дорогимъ,—все свое, домашнее, не цѣнилось».

При такомъ хозяйственномъ порядкѣ, дворня достигала, конечно, большихъ размѣровъ. «Въ имѣніи моего дѣда,—продолжаетъ Н. Волконскій,—въ которомъ по 10-й ревизіи числилось 77 душъ

Крестьяне. Съ картины А. Венеціанова.

мужского пола, лѣтнія хаты дворовыхъ занимали порядочное пространство. Сколько помнится, ихъ было дворовъ около десяти. Зимой дворовые размѣщались въ домѣ и во флигеляхъ. Правда, это было имѣніе, гдѣ дѣдушка жилъ самъ, и въ другихъ имѣніяхъ дворовыхъ было у него гораздо меньше.

Довольно обширная дѣвичья наша уже на моей памяти, стало-быть, во время хозяйства моего отца, сильно сократившаго дворню, была полна работницами, кружевницами и вышивальщицами, работавшими подъ руководствомъ бабушки для домашняго обихода. Я помню, долго послѣ освобожденія лежали у насъ на складочномъ дворѣ запасы мѣдныхъ бердъ отъ бывшихъ домашнихъ ткацкихъ станковъ. Полотно, скатерти, вытканныя на этихъ станкахъ крѣпостными руками, не перевелись и теперь (писано въ 1898 году), удовлетворивъ въ теченіе 40 лѣтъ послѣ прекращенія ихъ производства послѣдовательныя нужды трехъ большихъ семействъ, и до сихъ поръ, напримѣръ, мы ѣдимъ на скатертяхъ крѣпостного издѣлія.

«Лакеевъ, сколько помню, было только четверо, прежде же, вѣроятно, больше. Тѣмъ не менѣе, когда, бывало, по имениннымъ днямъ съѣдутся сосѣди, при чемъ каждый привезетъ, по тогдашнему обычаю, свою прислугу, то въ столовой представлялось какъ-будто ихъ было столько же, сколько и господъ. Такъ и должно было быть на парадныхъ обѣдахъ: за каждымъ гостемъ долженъ былъ стоять особый лакей.

Поваровъ было двое съ помощникомъ, столяровъ трое—всѣ выученные въ Москвѣ. Кузнецъ одинъ, при немъ молотобоецъ. При господскихъ дѣтяхъ полагалось по нянькѣ при каждомъ. Остальныхъ дворовыхъ, скотницъ, птичницъ и т. п. было по нѣскольку человекъ. Въ средѣ дворовыхъ были свой портной и свой башмачникъ.

Все это было въ имѣніи у помѣщика, владѣвшаго 500 душъ крестьянъ, считавшагося очень бережливымъ хозяиномъ и дѣйствительно бывшаго таковымъ, водившаго своихъ дочерей, во избѣжаніе привычки къ роскоши, не иначе, какъ въ ситцѣ, и позволявшаго имъ имѣть не болѣе одного праздничнаго шерстяного или кисейнаго

платья, считавшаго употребленіе стеариновыхъ свѣчей безуміемъ. У другихъ, болѣе широко жившихъ помѣщиковъ того времени, дворня и количество припасовъ, шедшихъ на ея содержаніе, бывали еще значительнѣе».

Содержаніе такой дворни требовало не мало средствъ отъ хозяйства: надо же, вѣдь, было размѣстить, накормить, одѣть всю эту ораву, но тогда это не считалось обременительнымъ, такъ какъ денегъ не требовало, а между тѣмъ при случаѣ, дворовыхъ можно было заставить и въ полѣ поработать. Въ имѣніи дѣда князя Н. Волконскаго дворовые должны были знать всѣ полевныя работы, и въ рабочую пору въ его имѣніи всѣ дворовыя женщины, кромѣ кружевницъ и вышивальщицъ, которымъ важно было не испортить пальцевъ, брались за серпы; столяры, кузнецы, кучера, лакеи и проч. бросали свои обычныя занятія и выходили въ поле помогать при уборкѣ.

На помѣщичьихъ поляхъ многое сѣялось въ томъ или иномъ размѣрѣ не потому только, что на эти хлѣба былъ спросъ, и ими можно было выгодно торговать. Сѣялось больше для собственнаго обихода—гречиха и пшено на крупу, ячмень на солодъ, ленъ и конопля на пряжу— всего лишь столько, сколько могло понадобиться въ собственномъ хозяйствѣ. Овцы разводились на шерсть себѣ, козы иной разъ только потому, что владѣлецъ былъ охотникъ до молодой козлятины, или хозяйка любила издѣлія изъ козьяго пуха.

Среди помѣщиковъ и самыя имѣнія цѣнились не только по доставляемому ими денежному доходу, но и по тѣмъ удобствамъ, которыя то или иное имѣнье доставляло своему владѣльцу. Одно имѣніе цѣнилось потому, что въ немъ хорошо родится ленъ, другое за то, что въ немъ есть прудъ, а въ пруду рыба, третье за то, что близко отъ имѣнія родственниковъ: «Поѣдешь туда, и

къ роднымъ заѣдешь». Столь разнообразны были причины, составлявшія для помѣщика цѣнность имѣнія.

Что касается денежныхъ доходовъ помѣщиковъ съ имѣній, то размѣры ихъ зависѣли, конечно, отъ числа крѣпостныхъ душъ, платившихъ оброкъ. Размѣры оброка попрежнему, и въ началѣ XIX-го вѣка, продолжали быть различны. Средній денежный оброкъ съ тягла не превышалъ 40 рубл. ассигнаціями (около 12—15 р. на нашъ счетъ). Въ Муромскомъ имѣніи князя Волконскаго въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка взымалось съ каждаго изъ 39½ тяголъ денежнаго оброку 40 рублей ассигнаціями, затѣмъ взымался, по обычаю, всякій столовый запасъ. Со всѣхъ 39½ тяголъ въ этомъ имѣніи собиралось 19½ пудовъ льну, по 13 аршинъ съ бабы льняного холста и по 10 аршинъ съ дѣвки, начиная съ 10-лѣтняго возраста; затѣмъ съ бабы сухихъ бѣлыхъ грибовъ 1 ф., сушеныхъ раковыхъ шеекъ по ½ фунту, груздей соленыхъ со всѣхъ бабъ одно ведро и два пуда мыла тоже со всѣхъ. Кромѣ того за пользование рыбными ловлями по Окѣ, крестьяне должны были доставлять къ 6-му декабря 2 пуда рыбы: 1 пудъ стерлядей и 1 пудъ лещей.

«Время уплаты такого оброка, — вспоминаетъ князь Н. Волконскій, — было и для насъ, дѣтей, праздникомъ, такъ какъ сверхъ условленнаго муромскіе крестьяне обыкновенно привозили ужъ отъ себя, на поклонъ, муромскихъ калачей, орѣховъ, разныхъ сластей. За это ихъ угощали водкой, и, обыкновенно, пользуясь случаемъ, они выхлопывали у бабушки какую-нибудь оторочку или скидку въ денежномъ оброкѣ».

Далеко не всѣ, однако, помѣщики умѣли жить по своимъ средствамъ, бережливо и экономно, какъ жилъ дѣдушка князя Н. Волконскаго. Уже его наслѣдники стали жить шире. Починъ широ-

кому житію клали, конечно, помѣщики-богачи, за которыми числились тысячи душъ крѣпостныхъ и тысячи десятинъ земли.

Утро помѣщичья. Съ картины А. Венеціанова.

Такихъ богачей было немного. Очень, очень рѣдко на однообразной русской равнинѣ, гдѣ-нибудь

на высокомъ берегу, полноводной рѣки возвышались каменные дома-дворцы богатѣйшихъ помѣщиковъ, утопавшіе въ зелени обширныхъ парковъ. Съ террасъ такихъ домовъ открывались великолѣпныя виды на необъятную русскую ширь, на поемные луга, дальнія села, подернутые синевой тумана лѣса. Какихъ затѣй только не было около этихъ усадебъ: цвѣтники, оранжереи, пруды съ каскадами, гротами, чугунными мостами; по парку разставлены мраморныя и бронзовыя статуи, построены всякія бесѣдки...

У такого помѣщика-богача непременно имѣлся собственный конскій заводъ, около котораго строили манежъ для верховой ѣзды и расчищали обширный кругъ для бѣговъ и скачекъ. У него имѣлся собственный театръ съ крѣпостными актерами, свой оркестръ, свои пѣвчіе, и ужь непременно онъ обладалъ огромной псовой охотой, помѣщавшейся на особомъ псарномъ дворѣ. Въ великолѣпныхъ палатахъ такихъ баръ задавались пиры со всякими затѣями на всю дворянскую округу. Гулянье длилось иной разъ по цѣлымъ недѣлямъ, разнообразясь всякими потѣхами, начиная съ прекрасно поставленныхъ театральныхъ представлений и кончая буйной псовой охотой.

Но о благоустройствѣ, дѣйствительномъ удобствѣ, хотя бы только о простѣйшемъ порядкѣ крестьянскаго жилья помѣщичьи заботились очень мало. «Часто встрѣчаются великолѣпныя усадьбы богатыхъ помѣщиковъ, — рассказываетъ современникъ, — окруженныя полуразрушенными лачугами. Нигдѣ ни мысли, ни желанія улучшения даже избы съ трубами составляютъ, въ большей части губерній, еще только нововведеніе не вѣрми принимаемое; а по большей части встрѣчаются курныя съ маленькими окнами, и крестьянинъ отговаривается тѣмъ, что онѣ теплѣе и менѣе требуютъ дровъ. Помѣщикъ не

входить въ это, ибо ему нуженъ только работникъ и рабочая сила... Надобно видѣть курную избу зимой, во время топки. Дверь настежь; дымъ отъ лавокъ до потолка наполняетъ густо избу; взрослые изъ семейства кое-гдѣ хлопчутъ въ сѣняхъ или на дворѣ; но дѣти сидятъ или лежатъ на полу, полуокоченѣвшія отъ стужи, завернутыя въ лохмотья, или много-много въ отцовскій тулупъ, если есть лишній. Около печки стряпаютъ баба, жмурясь, кашляя, задыхаясь отъ дыму. Наконецъ, топка приходитъ къ концу, и хозяйка торопится закрыть дверь, чтобы изба была теплѣе, и закрываетъ ее часто съ угаромъ... Простуды, головныя боли, ревматизмы вовсе не рѣдкость между крестьянами, а смертность дѣтей въ нѣжномъ возрастѣ до 5 лѣтъ составляетъ особое правило въ статистикѣ Россіи».

Встрѣчались, впрочемъ, помѣщичьи, которые стремились обстроить своихъ крестьянъ, «но это дѣлается, — замѣчаетъ одинъ современникъ, — чаще для наружнаго щегольства, или изъ желанія представить для своихъ глазъ нѣкоторое подобіе нѣмецкой деревни... Въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, есть имѣніе помѣщика В—на, который вытянулъ свою деревню въ строй, наставилъ каменныхъ домовъ, но все это поражаетъ только наружно. Первый шагъ черезъ порогъ такого дома показываетъ, что мужикъ живетъ все такъ же, ежели еще не хуже. По стѣнамъ сырость, на лавкахъ грязь, тутъ и тамъ свиньи, теленокъ, а посреди комнаты куча сору, на которой валяется дитя въ лохмотьяхъ, нечистое, большое, едва имѣющее подобіе человѣка. Но помѣщику нѣтъ нужды до внутренняго быта, ему нравится только наружность домовъ, весьма красиво желтой краской выкрашенныхъ».

Глава о роскошной жизни богачей-помѣщиковъ, обладавшихъ тысячами душъ крестьянъ, разноси-

лась далеко. За богатыми тянулись жить на широкую ногу и тѣ, кто были побѣднѣе. Но, живя со всякими затѣями, сверхъ средствъ, они не только обременяли своихъ крестьянъ непосильнымъ трудомъ, но и принуждены были закладывать свои имѣнья въ казну. Понемногу долгъ помѣщиковъ казнѣ возросъ до огромныхъ размѣровъ. Въ 1843 г. въ Государственномъ Заемномъ банкѣ и Сохранныхъ казнахъ было заложено 5,575,515 душъ мужского пола. Въ 1852 году заложено было 5,843,735 душъ мужского пола. Слѣдовательно, въ залогъ у казны находилось болѣе половины всѣхъ крѣпостныхъ. Въ 1856 г. число заложенныхъ въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ душъ простирается до 6.596.620, т.-е. достигаетъ $\frac{3}{5}$ всего числа крѣпостныхъ въ Европейской Россіи. Къ 1 января 1859 г. въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ и по Опекунскимъ совѣтамъ было заложено 44,166 имѣній, на которыхъ долгу числилось 425.503.066 р. Общая сумма долга помѣщиковъ казнѣ простиралась, такимъ образомъ, чуть не до полумилліарда. Помѣщики еле справлялись съ уплатой процентовъ по этому долгу, и многіе изъ нихъ невольно приходили къ мысли, что было бы не дурно раздѣлаться со столь невыгодной собственностью, какъ крѣпостныя души.

Имѣнія неоплатно задолжавшихъ помѣщиковъ шли съ молотка и раскупались обыкновенно другими, болѣе состоятельными помѣщиками. Такимъ путемъ все меньше и меньше становилось помѣщиковъ. Въ 1837—38 гг., помѣщиковъ считалось 127.103 человекъ; а въ 1856—57 гг.—ихъ числится уже 111.874 человекъ; разница—въ 15.229 человекъ! Это значитъ, что изъ каждой сотни помѣщиковъ по записи 1836 г. къ 1858 г. убыло 12 человекъ (12 $\frac{0}{100}$).

Помѣщиковъ - душевладѣльцевъ становилось меньше не потому только, что они, задолжавъ не-

оплатно, лишались своихъ имѣній. Усилилась вообще продажа населенныхъ имѣній, потому что крѣпостной трудъ становился все дороже, и владѣть крѣпостными становилось невыгоднымъ. На первый взглядъ, что можетъ быть выгоднѣе для помѣщика крѣпостного труда: онъ, вѣдь, даровой! Но даровщина эта кажущаяся, и на самомъ-то дѣлѣ помѣщику приходилось платить крѣпостному, выдѣляя ему извѣстный клочокъ земли для собственнаго хозяйства крестьянина. Пока земля была дешева, помѣщику было неудобно давать ее крестьянамъ. Но съ конца XVIII и начала XIX вѣковъ земля стала подниматься въ цѣнѣ, потому что съ этого времени стала расширяться торговля хлѣбомъ. Подымалась цѣна на хлѣбъ, значитъ, увеличивалась доходность земли, болѣе становилась, слѣдовательно, и ея стоимость. Чѣмъ цѣннѣе становился клочокъ земли, отданный крѣпостному, тѣмъ, значитъ, дороже обходились помѣщику его услуги.

А такъ какъ, кромѣ всего этого, подневольный крѣпостной работникъ и работаетъ всегда хуже и медленнѣе, нежели работникъ свободный, то невыгоды обладанія крѣпостными становились еще замѣтнѣе. Въ 1845 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій уже указывалъ, что «опыты обработки земли наемными людьми въ губерніяхъ: Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и др. показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ наемныхъ рабочихъ, владѣлецъ неаселенной земли при наймѣ ихъ оставался въ выигрышѣ противъ помѣщика».

Уменьшеніе числа помѣщиковъ сопровождалось уменьшеніемъ числа крѣпостныхъ. Такъ въ 1837—38 гг. на 100 человекъ общаго числа населенія Россіи приходилось 45 человекъ крѣпостныхъ (45 $\frac{0}{100}$), въ 1856—57 гг.—ихъ приходится на сотню уже 38 человекъ (38 $\frac{0}{100}$).

Это уменьшеніе числа крѣпостныхъ зависѣло отъ многихъ причинъ, между прочимъ, отъ перехода довольно значительнаго числа ихъ въ государственные, вслѣдствіе покупокъ казной продававшихся съ аукціона имѣній и отпусковъ на волю. Передъ самымъ освобожденіемъ особенно стало сокращаться число дворовыхъ — невыгодно становилось кормить ихъ. Затѣмъ, становились свободными всѣ взятые въ рекруты, всѣ крестьяне выморочныхъ и отчужденныхъ въ казну имѣній.

Въ результатѣ, возрастаніе крѣпостнаго населенія Россіи не только приостановилось, но оно стало, хотя и медленно, итти на убыль. Такъ въ 1837—38 гг. крѣпостныхъ мужескаго пола насчитано было 10.870.061 душъ; въ 1856—57 гг. ихъ числится меньше—10.844.902 души. Это уменьшеніе числа крѣпостныхъ тѣмъ примѣчательнѣе, что вообще то населеніе Европейской Россіи за взятый 20-лѣтній промежутокъ возрасло на $4\frac{1}{2}$ милліона человекъ, или на 18 $\frac{0}{10}$; крѣпостное же населеніе уменьшилось на 25 тысячъ душъ или на $\frac{1}{4}$ процента. Несомнѣнно, что это уменьшеніе числа крѣпостныхъ зависѣло и отъ того, что сокращался естественный приростъ крѣпостнаго населенія. Меньше стало родиться людей. Такъ всегда бываетъ, когда народу почему-либо жить становится непосильно тяжело. Жизнь крестьянъ во время крѣпостнаго права была настолько неправильна, настолько зависѣла отъ произвола помѣщика, что уменьшеніе количества рожденій удивлять не можетъ.

Изъ всего сказаннаго можно заключить одно: крѣпостное право въ XIX в. падаетъ само собой, гниетъ въ корнѣ, разрушается отъ своихъ собственныхъ послѣдствій. Меньше становится и помѣщиковъ и крѣпостныхъ. Дѣлу разрушенія его не мало способствуетъ законодательство, потому что и для государства существованіе крѣпостнаго права становилось очень невыгодно.

Помѣщики издавна привыкли думать, что крѣпостные—ихъ полная частная собственность, которой они могутъ распоряжаться, какъ имъ заблагоразсудится. Поэтому большинство помѣщиковъ облагало крестьянъ такими поборами, что они никоимъ образомъ не могли скопить себѣ никакого излишка, а поэтому и казна не могла увеличивать съ надеждой на успѣхъ подати и налоги. Чтобы устранить это послѣдствіе крѣпостнаго права, государственнымъ дѣятелямъ пришлось подумать о рѣшительномъ вмѣшательствѣ государства во взаимныя отношенія господъ и крестьянъ.

Начало такимъ правительственнымъ мѣрамъ положилъ указъ императора Павла I, данный 5 апрѣля 1797 г. Въ этомъ указѣ говорилось противъ принужденія крѣпостныхъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ и рекомендовалось помѣщику довольствоваться трехдневною барщиною. Дальнѣйшія мѣры, направленныя къ ограниченію крѣпостнаго права, были изданы въ царствованіе императора Александра I-го. Первой изъ нихъ было прекращеніе пожалованій населенныхъ имѣній. На просьбу одного сановника, желавшаго получить въ награду деревню съ крестьянами, императоръ отвѣтилъ: «Русскіе крестьяне большею частью принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія, и потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ». Съ 1801 г. пожалованія душъ прекратились навсегда.

12 декабря 1801 года императоръ Александръ I особымъ указомъ разрѣшилъ людямъ всѣхъ сословій приобрѣтать землю покупкой въ собственность. До того землей могли владѣть только дворяне.

Векорѣ послѣ изданія этого указа, одинъ изъ крупнѣйшихъ тогдашнихъ землевладѣльцевъ, графъ Сергѣй Румянцевъ, обратился къ императору Александру I съ прошеніемъ, въ которомъ писалъ, что хотѣлъ бы отпустить на волю часть своихъ крестьянъ, всего 199 душъ, съ тѣмъ, чтобы вся земля, состоящая въ пользованіи крестьянъ, поступила бы въ ихъ собственность безъ всякаго пла-

Императоръ Александръ I.

тежа съ ихъ стороны. Самъ онъ, графъ Румянцевъ, имѣетъ одно желаніе: остаться попечителемъ для тѣхъ крестьянъ, для которыхъ былъ раньше помѣщикомъ. Онъ радъ былъ бы пожертвовать и большимъ, но денежные его обстоятельства не позволяютъ ему поступиться болѣе, чѣмъ 2000 рубл. годового дохода. Такова была сумма оброка, получавшагося графомъ съ отпускаемыхъ имъ крестьянъ.

Въ отвѣтъ на это прошеніе послѣдовалъ высочайшій указъ отъ 21 февраля 1803 г., которымъ не только разрѣшалось отпустить на волю съ землей своихъ крестьянъ графу Румянцеву, но и «всеѣмъ, кто изъ помѣщиковъ послѣдуетъ примѣру его (т.-е. графа Румянцева) пожелаетъ». Далѣе въ указѣ слѣдовали условія, на которыхъ эти отпущенные крестьянъ съ землею могли имѣть мѣсто. Разрѣшалось отпускать на волю съ землей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя селенія; сначала помѣщикъ долженъ былъ заключить со своими отпущаемыми крѣпостными условія, какія по общему согласію признаются лучшими, относительно количества земли и платы за нее, и только послѣ этого онъ могъ подавать прошеніе о разрѣшеніи ему отпустить на волю своихъ крестьянъ. Просьба черезъ министра внутреннихъ дѣлъ представлялась государю императору на его высочайшее рѣшеніе. Крестьяне, отпущенные на основаніи правилъ указа 21 февраля 1803 г. съ землей на волю, получали наименованіе—свободныхъ хлѣбонашцевъ. Во всеѣхъ правахъ и обязанностяхъ свободные хлѣбонашцы были приравнены къ казеннымъ крестьянамъ.

То обстоятельство, что указъ о свободныхъ хлѣбонашцахъ отмѣчалъ, что крестьяне при отпускѣ на волю сами должны договариваться съ помѣщикомъ о количествѣ необходимой имъ земли и о платежахъ за нее, свидѣтельствуетъ, что законъ призналъ крестьянъ правоспособными людьми, тогда какъ обычай крѣпостного времени, какъ мы видѣли, считаютъ крестьянъ вещью, которая не въ правѣ и не можетъ отвѣчать сама за себя.

Въ теченіе одного года по изданіи закона получили свободу и стали вольными хлѣбонашцами 8000 душъ крѣпостныхъ.

Чтобы дать закону о вольныхъ хлѣбонашцахъ больше простора, императоръ Александръ I ука-

зомъ отъ 14 октября 1804 г. позволилъ купцамъ, получившимъ чинъ не ниже восьмого класса, покупать крѣпостныя имѣнія, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне этихъ имѣній не оставались крѣпостными новыхъ помѣщиковъ. Законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ хотя и не оправдалъ возлагавшихся на него надежды, но, все-таки онъ сдѣлалъ больше для освобожденія крестьянъ, чѣмъ всѣ послѣдовавшія за нимъ распоряженія вплоть до самаго указа 19 февраля 1861 г.

Всего вышло на волю по этому закону 151,895 душъ мужского пола, что составляетъ $\frac{1}{2}\%$ всего числа крѣпостныхъ, считавшихся въ Россіи въ 1858 году.

Въ 1803-мъ году императоръ Александръ I запретилъ отдавать крѣпостныхъ въ работу за долги ихъ помѣщика, такъ какъ «никто не долженъ подвергаться наказанію за чужую вину» — гласить указъ, объявившій это распоряженіе.

Затѣмъ при императорѣ Александрѣ I было запрещено продавать людей по газетнымъ объявленіямъ и на рынкахъ. Вскорѣ послѣдовавшія войны съ Наполеономъ отвлекли вниманіе государя отъ внутреннихъ дѣлъ, и законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ остался, такимъ образомъ, самой важной мѣрой по крѣпостному праву въ царствованіе Александра I, если не считать освобожденія отъ личной зависимости крестьянъ Прибалтійскихъ губерній, т. е. Лифляндской, Эстляндской и Курляндской.

Крестьяне-латыши и эстонцы, жители этихъ губерній, считались крѣпостными помѣщиковъ-нѣмцевъ. Нѣмцы, лѣтъ за полтысячи тому назадъ, завоевали латышскую землю и превратили латышей сначала въ своихъ данниковъ, а потомъ и въ крѣпостныхъ. Пока земля была дешева, помѣщикамъ было выгодно владѣть крѣпостны-

ми. Къ началу XIX-го вѣка земля въ этихъ губерніяхъ очень вздорожала, и тогда помѣщики согласились отпустить своихъ крестьянъ на волю, но безъ земли. Такъ и было сдѣлано. Но обезземеленные, хотя и свободные, латыши попали въ еще худшую зависимость отъ своихъ прежнихъ господъ; дѣло въ томъ, что когда они были крѣпостными, то имѣли землю даромъ отъ своихъ помѣщиковъ, сдѣлавшихъ же свободными, принуждены были снимать ее у прежнихъ господъ, причемъ условія аренды были далеко не легки.

Это безземельное освобожденіе крестьянъ Прибалтійскихъ губерній заставило всѣхъ сторонниковъ уничтоженія крѣпостного права обратить серьезное вниманіе на вопросъ о поземельномъ устройствѣ освобожденныхъ. Имѣя передъ глазами тяжелыя условія, въ которыхъ очутились освобожденные безъ земли прибалтійскіе крестьяне, желавшіе добра крестьянству люди совершенно отказались отъ самой мысли объ освобожденіи крестьянъ безъ земли.

14 декабря 1824 г. вступилъ на престолъ императоръ Николай I. Новый государь съ самаго начала царствованія занялся вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ.

Для обсужденія того, какъ начать и вести это дѣло, государь учредилъ въ 1826 г. тайный комитетъ (совѣщаніе) изъ особо довѣренныхъ лицъ. Комитетъ собирался и совѣщался много и подолгу, но ничего рѣшительнаго не выработалъ. Императоръ Николай созвалъ тогда, спустя нѣкоторое время, другой такой же комитетъ, потомъ третій и т. д. Семь тайныхъ комитетовъ одинъ за другимъ дѣйствовали въ продолженіе его царствованія. Комитеты эти собрали массу свѣдѣній о положеніи крѣпостныхъ, выяснили взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ и тѣмъ самымъ, конечно,

упростили задачу тѣхъ дѣятелей, которымъ пришлось заняться освобожденіемъ.

Императоръ Николай I.

Было сдѣлано въ царствованіе императора Николая I и нѣсколько отдѣльных распоряженій, направленныхъ къ смягченію крѣпостного гнета. Въ 1827 г. вышелъ законъ, который гласилъ, что если въ крѣпостномъ имѣніи земли приходится меньше $4\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, то такое имѣніе слѣдуетъ брать въ казну или же предоставить крестьянамъ перечисляться въ мѣщанъ. Въ 1841 г. было запрещено продавать людей врозницу; въ 1843 г. запрещено безземельнымъ дворянамъ покупать крѣпостныхъ. Эти законы можно считать первыми, которые рѣшительно сказали, что крѣпостной крестьянинъ не только собственность помѣщика, но и подданный государства.

Получилъ дальнѣйшее движеніе и законъ императора Александра I о вольныхъ хлѣбопашцахъ, который лежалъ почти безъ употребленія, потому что не находилось помѣщиковъ, которые желали бы на основаніи этого закона отпускать на волю крестьянъ. Помѣщикамъ очень не хотѣлось отдавать крестьянамъ землю, сильно подымающуюся за это время въ цѣнѣ. Чтобы устранить это препятствіе, 2 апрѣля 1842 г. былъ изданъ законъ объ «обязанныхъ крестьянахъ», на основаніи котораго помѣщики, отпуская на волю крестьянъ, могли по добровольному соглашенію съ ними уступать имъ землю не въ собственность, а въ постоянное и наслѣдственное пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, которыя утверждались правительствомъ и не могли быть измѣняемы иначе, какъ съ разрѣшенія начальства. Выходило, такимъ образомъ, что крестьяне будутъ прикрѣплены къ землѣ, но лично свободны; помѣщикъ же останется собственникомъ всей земли, которую крестьяне будутъ обрабатывать за плату деньгами или натурой, смотря по тому, какъ будетъ уговорено въ условіи. Но всего только два помѣщика сейчасъ же послѣ изданія закона воспользовались имъ и обратили своихъ крестьянъ въ обязанныхъ.

Въ кабинетѣ государя стояли цѣлыя картоны бумагъ, исписанныхъ разными протоколами и соображеніями объ улучшеніи быта крестьянъ, объ отмѣнѣ крѣпостного права. Самъ государь былъ безусловнымъ сторонникомъ освобожденія, и въ концѣ 1847 г., принимая депутацію смоленскаго дворянства, гласно выразилъ свой взглядъ на дѣло. Императоръ Николай I говорилъ въ этой рѣчи, между прочимъ, такъ: «Я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы приобрѣли ее нашей кровью, пролитой за государство; но я не

понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, я не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ, съ одной стороны, и невѣжествомъ, съ другой... Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ торговли и промышленности!»

Изъ распоряженій императора Николая, касающихся вообще крестьянскаго быта, наиболѣе важнымъ было устройство казенныхъ крестьянъ, т. е. жившихъ на казенныхъ земляхъ. Отъ крѣпостныхъ они только тѣмъ и отличались, что, вмѣсто господина, подчинялись казнѣ; кромѣ податей, они платили въ казну еще особый оброкъ. Свои деревенскія дѣла казенные крестьяне обсуждали на мѣстныхъ сходкахъ, верховный же надзоръ и управление ими, какъ и другимъ казеннымъ имуществомъ—лѣсами, полевыми угодыми и т. п.,—принадлежалъ особому отдѣленію министерства финансовъ, вѣдавшему казенныхъ крестьянъ черезъ мѣстныхъ низшихъ полицейскихъ чиновниковъ.

Жилось казеннымъ крестьянамъ, пожалуй, даже хуже, нежели крѣпостнымъ, потому что на нихъ, обыкновенно, наваливались всякія повинности, въ родѣ починки мостовъ, дорогъ, поставки подводъ и т. п. Эти повинности лежали и на крѣпостныхъ, но помѣщикъ всегда умѣлъ оградить своихъ крестьянъ отъ казенной повинности, и тогда она цѣликомъ ложилась на крестьянъ государственныхъ. Казенные крестьяне отличались поэтому сравнительно малой зажиточностью, были, слѣдовательно, плохими плательщиками. Устроить бытъ казенныхъ крестьянъ было поручено графу П. Д. Киселеву, ревностному стороннику мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Онъ былъ поставленъ во главѣ вновь учрежденнаго министерства государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе

котораго были переданы казенные крестьяне. Новый министръ горячо принялся за устройство ихъ быта.

Казеннымъ крестьянамъ нарѣзали достаточно земли, дали возможность управлять въ своихъ дѣлахъ самимъ, на сходкахъ, и довольно точно опредѣлили ихъ отношеніе къ начальству.

Дальнѣйшіе законы императора Николая, касающіеся крѣпостныхъ, были слѣдующіе: въ 1847 г. министръ государственныхъ имуществъ получилъ разрѣшеніе приобретать въ казну дворянскія имѣнія, продававшіяся съ аукціона, а мы знаемъ, что ихъ продавалось очень много. Въ томъ же 1847 г. (8 ноября) крестьянамъ имѣній, продававшихся съ аукціона, предоставили право выкупаться на волю съ землей, позволили, такъ-сказать, выкупать самихъ себя. Но могли воспользоваться этимъ важнымъ закономъ всего только 946 душъ крестьянъ. Наконецъ, въ 1848 г. крѣпостные крестьяне получили право приобретать покупкой землю въ свою личную собственность. Закономъ этимъ тоже мало кто изъ крестьянъ воспользовался, потому что на покупку требовалось разрѣшеніе помѣщика.

Всѣми этими законами понемногу все больше выяснилось, что *крѣпостной крестьянинъ, плательщикъ государственныхъ податей, несущій важную государственную повинность—рекрутскую, не можетъ и не долженъ считаться чьей-либо частной собственностью. Крѣпостной человѣкъ— прежде всего подданный государства и, какъ таковой, долженъ пользоваться известными правами и можетъ разсчитывать на поддержку государства при защитѣ своихъ правъ.*

Законами императора Николая I, такимъ образомъ, намѣчалось, что лично крестьянинъ свободенъ, что помѣщику принадлежитъ только земля, которую обрабатываютъ крестьяне, что при разверсткѣ земельныхъ отношеній господъ и крестьянъ выку-

паться самим крестьянамъ не приходится; они выкупаютъ только землю. (Законъ объ обязан- ныхъ крестьянахъ.) Какъ лицо свободное, крестья- нинъ не можетъ служить предметомъ торга: на- селенную землю можно продать, но крестьянъ безъ земли—нѣтъ (законъ 1843 г.). Такъ какъ крестьяне прикрѣплены къ землѣ, а не къ лицу помѣщика, то они, какъ люди свободные, сами могутъ приобрѣ- тать недвижимую собственность и владѣть ею (за- конны 1847 и 1848 гг.).

Такъ опредѣлило положеніе крѣпостныхъ зако- нодательство императора Николая. Оно значительно упростило самый вопросъ о крѣпостномъ правѣ, безповоротно рѣшивъ, что крестьяне только потому зависятъ отъ помѣщиковъ, что живутъ на ихъ землѣ и обрабатываютъ ихъ землю. Къ сожалѣ- нію, крѣпостной бюрократическій строй государ- ства не всегда давалъ свободного хода дѣйствию закона, если онъ вредилъ интересамъ тѣхъ, отъ кого направленіе закона зависѣло. Поэтому получались иногда случаи *безсилія закона*, говоря мягко. Какое важное, напримѣръ, значеніе имѣлъ законъ 1827 г. относительно отобранія въ казенное управленіе имѣ- ній, гдѣ на душу приходилось меньше $4\frac{1}{2}$ деся- тины. Подъ давленіемъ этого закона помѣщикъ, если не хотѣлъ лишиться права самостоятельно управлять своимъ имѣніемъ, долженъ былъ дать крѣпостному самое меньшее $4\frac{1}{2}$ десятины надѣлу. Этотъ законъ при печатаніи 2-го изданія Свода Законовъ не попалъ въ Собраніе, хотя и не былъ отмѣненъ. То же самое случилось и съ закономъ 1847 г. относительно права крѣпостныхъ тѣхъ имѣ- ній, которыя продавались съ молотка, выкупаться на волю. Легко понять важность этого закона для крѣпостныхъ, но онъ также не попалъ въ Сводъ Законовъ, хотя тоже не былъ отмѣненъ. Такимъ образомъ, законодательство императора Николая I хотя и было направлено на улучшение

быта крѣпостныхъ и сдѣлало много для разрѣ- шенія вопроса въ будущемъ, но практически мало измѣняло тяжелое положеніе крѣпостныхъ и за- предѣлы добрыхъ пожеланій выходило мало.

Мы прослѣдили, правда, очень бѣгло, какъ со- вокупная работа естественныхъ условій и законо- дательства подрывала крѣпостное право. Дни его, можно сказать, сочтены: съ одной стороны, оно грозитъ рухнуть самой собой, подъ тяжестью сво- ихъ собственныхъ послѣдствій, съ другой—зако- нодательство, опредѣливъ болѣе или менѣе ясно положеніе крѣпостныхъ, привело все дѣло къ тому, что являлась полная возможность отмѣнить крѣ- постное право ранѣе его естественной смерти.

Правительство прямо могло воспользоваться уми- раніемъ крѣпостного права. Упоминалось уже вы- ше какъ много дворянскихъ имѣній находилось въ залогѣ у казны. Общая сумма долга дворянъ равня- лась чуть не полумиллиарду. Правительству стоило бы только назначить крайній срокъ для уплаты дол- говъ, а потомъ, у тѣхъ, которые не заплатятъ, отобрать имѣнія; поступить, словомъ, такъ, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ частные банки. Но къ такой рѣшительной мѣрѣ правительство не хотѣло прибѣгать, потому что она грозила разо- рненіемъ цѣлыхъ тысячъ дворянскихъ семей.

Межъ тѣмъ рѣшительныхъ мѣръ съ нетерпѣніемъ ждала лучшая и образованнѣйшая часть русскаго

*) Къ 1857 г. крѣпостного населенія въ Россіи насчитыва- лось въ круглыхъ цифрахъ около 10 8.0 000 душъ мужскаго пола при общемъ числѣ населенія Россіи въ 31 500.000 д. м. п. Это значитъ, что на тысячу жителей приходилось 315 крѣпостныхъ или болѣе трети всего населенія Россіи нахо- дилось въ крѣпостной зависимости. Эти миллионы крѣпо- стныхъ принадлежали 115.000 владѣльцамъ, изъ которыхъ 5.500 было безземельныхъ, т. е. владѣвшихъ только дворо- выми.

общества. Еще съ половины XVIII-го в., когда крѣпостное право стало господствующимъ явленіемъ русской жизни, темнымъ гнетущимъ явленіемъ жизни государственной, общественной и народной, слышались голоса отдѣльныхъ людей, указывавшихъ на все зло, причиняемое Россіи крѣпостнымъ правомъ и говорившія о необходимости его отмѣны. Тогда это были отдѣльные голоса передовыхъ людей, которые умѣли заглянуть далеко впередъ, въ будущее и по своимъ требованіямъ отъ жизни на много переросли своихъ современниковъ, увлекавшихся выгодами крѣпостного права и за этими выгодами *для себя* не умѣвшихъ усмотрѣть зла, приносимаго крѣпостнымъ правомъ *для всѣхъ*. Но уже и тогда, какъ мы указывали выше, обсужденіе крѣпостного вопроса въ Вольно-экономическомъ Обществѣ, пренія по этому же вопросу въ Комиссіи депутатовъ, созданныхъ Екатериной II для выработки новаго собранія законовъ, «Наказъ» императрицы, данный этой Комиссіи и строго осуждавшій рабство людей «рождаемыхъ свободными», создавали довольно широкое общественное теченіе направленное противъ крѣпостного права. Отдѣльные убѣжденные сторонники освобожденія крѣпостныхъ много писали и говорили о необходимости покончить съ такимъ «позорнымъ наслѣдіемъ варварства», какъ рабовладѣніе. То, что они писали, было отраженіемъ того, что говорилось въ обществѣ, а то, какъ они писали, своей убѣжденностью, силой своей внутренней правды и справедливости воспитывало поколѣнія людей, усваивавшихъ освободительныя идеи и въ свою очередь словомъ и перомъ горячаторавовавшихъ противъ крѣпостного права. Сама императрица Екатерина II, какъ законодательница, закрѣпившая господство крѣпостного права, какъ челоуѣкъ и писатель, всегда были противъ рабовладѣнія и не ея вина, если жизнь заставляла

ее поступать вопреки своимъ убѣжденіямъ. Напуганная пугачевщиной, крайностями французской революціи, она въ концѣ своего царствованія дошла даже до преслѣдованія тѣхъ, кто по своему отношенію къ крѣпостному праву были ея единомышленники. Такъ пострадали упомянутый нами А. Радищевъ и другой великій русскій гуманистъ XVIII-го в. Н. И. Новиковъ. Но до того Екатерина II много способствовала распространенію освободительныхъ идей въ русскомъ обществѣ и добромъ ее вспомнить есть за что. На ряду съ Н. И. Новиковымъ, бичевавшимъ въ своихъ сатирическихъ журналахъ уродливыя явленія жизни, порождавшіяся крѣпостнымъ правомъ, много жестокихъ ударовъ нанесъ рабовладѣнію Д. И. Фонвизинъ своими комедіями «Бригадиръ» и «Недоросль». Горькимъ смѣхомъ звучали слова одной героини комедіи «Недоросль», «госпожи безчеловѣчной и злойной», когда она, толкуя по своему указъ о вольности дворянства, говоритъ, что «дворянинъ воленъ поколотить своего слугу, когда захочетъ».

Къ XIX в. и въ первой половинѣ его, когда грустныя послѣдства господства крѣпостного права становились все ярче и отчетливѣе, литература—это зеркало и свѣточъ общественныхъ настроеній—все опредѣленнѣе и отчетливѣе высказывается противъ крѣпостного права, и какъ ни душила полицейская цензура ея голосъ, онъ звучалъ все сильнѣе и наносилъ все болѣе рѣшительные удары рабовладѣнію, усовѣщевая однихъ, превращая изъ спокойныхъ созерцателей въ дѣятелей освобожденія другихъ. Старинный врагъ крѣпостного права—русская литература воспитывала на отрицательномъ отношеніи къ рабовладѣнію своихъ дѣятелей и читателей. Слова А. С. Пушкина:

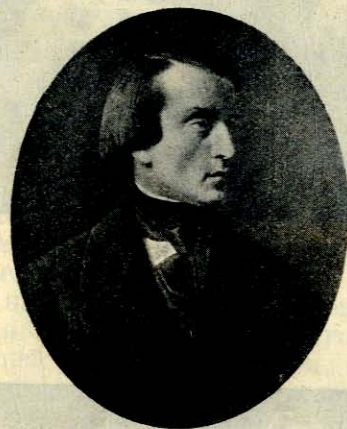

А. С. Пушкинъ.

«Увижу ли, друзья, народъ освобожденный,
И рабство, павшее по манію царя,
И для отечества свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?»—
становятся завѣтомъ, выраженіемъ страстнаго
ожиданія для всѣхъ, кому добро благо и счастье
Россіи.

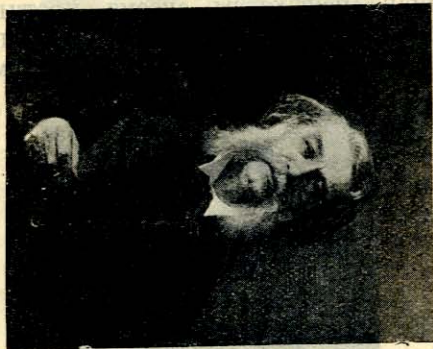
М. Ю. Лермонтовъ еще четырнадцатилѣтнимъ
мальчикомъ пишетъ драмы и повѣсти, проникну-
тыя негодованіемъ противъ крѣпостнаго права.
Въ расцвѣтъ своего литературнаго успѣха ему
хочется бросить въ глаза рабовладѣльческому об-
ществу «желѣзный» стихъ, облитый горечью и
злостью! Такія его стихотворенія, какъ «Анчаръ»,
«Кинжалъ», дѣйствительно могли бить по нервамъ
тѣхъ, кто могъ взглядомъ послать «своего человѣка»
на смерть. Н. В. Гоголь въ «Мертвыхъ душахъ» далъ
такую галерею портретовъ нравственнаго уродства,
что жутко становится, когда припомнишь, что,

вѣдь, это все портреты душевладѣльцевъ. Бѣлин-
скій свою литературную дѣятельность начинаетъ съ
того, что пишетъ драму, въ которой выставялъ
крѣпостное право въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.
Величайшаго успѣха въ своемъ противодѣйствіи
крѣпостному праву литература достигла ко вре-
мени, когда паденіе его было уже совѣмъ близко.

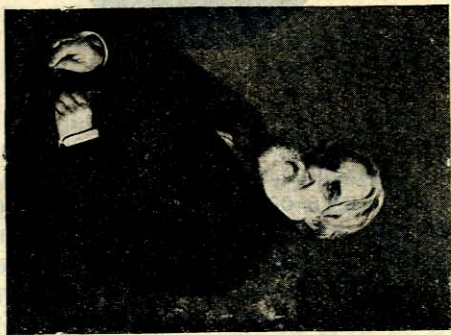

В. Г. Бѣлинскій.

Въ 1847 году Д. В. Григоровичъ написалъ двѣ
повѣсти: «Деревня» и «Антонъ Горемыка». Проник-
нутыя глубокимъ сочувствіемъ къ поработенному
крестьянству, этому «поильцу и кормильцу рус-
ской земли», эти повѣсти произвели силь-
ное впечатлѣніе на настроенную противъ крѣпост-
наго права часть русскаго общества. Съ того же
1847 года начали печататься «Записки охотника»,
И. С. Тургенева. На первый взглядъ эти очер-
ки не представляютъ ничего рѣзко проте-
ствующаго противъ крѣпостнаго права. Въ нихъ

Д. В. Грипоровичъ.

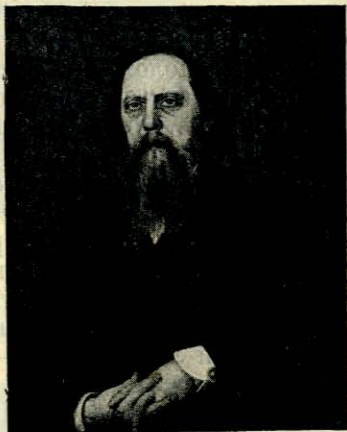
И. С. Тургеневъ.

мы имѣемъ просто рядъ картинъ изъ тогдашней помѣщичьей и крестьянской жизни. Но стоило только всмотрѣться въ эти картинки, вслушаться въ общій тонъ рассказовъ, проникнутыхъ чувствомъ гуманности и искренней любви къ угнетенному крѣпостному крестьянству, а потомъ оглянуться на живую дѣйствительность, чтобы почувствовать глубокое отвращеніе къ крѣпостничеству. Тогдашній читатель прочитывалъ «Бѣжинъ лугъ», эту художественную картинку ночной бесѣды деревенскихъ ребятъ, стерегущихъ табуны лошадей, и сразу проникался расположеніемъ къ этимъ дѣтямъ, которыя такъ просто и сердечно разговариваютъ другъ съ другомъ. Но какъ могъ читатель того времени отрѣшиться отъ мысли, что всѣ эти выведенные авторомъ милые, хорошіе ребята—будущіе рабы, почти безсловесная вещь и собственность господина, который по минутному капризу можетъ изломать имъ всю жизнь? Неловко должно было становиться на душѣ мыслящаго человѣка того времени. «Читая Записки охотника»,—говоритъ историкъ новѣйшей русской литературы,—«русскіе читатели впервые видѣли въ мужикахъ не двуногое рабочее стадо, а живыхъ людей, братій своихъ по человѣчеству, и приучались любить ихъ, принимать горячее участіе въ ихъ судьбѣ».

Тогда же звучали строгіе и скорбные звуки «лиры мести и печали»—появились первые, проникнутые негодованіемъ къ крѣпостному праву стихотворенія Н. А. Некрасова и очерки и рассказы М. Е. Салтыкова. Но въ Россіи писать было еще трудно. Крѣпостное право все еще продолжало считаться неприкосновеннымъ устоемъ государства, и цензура зорко слѣдила, чтобы нападенія на него въ литературѣ не преступали извѣстныхъ границъ.

Спасаясь отъ цензурныхъ тисковъ, прекраснѣйшій Божій даръ человѣку—свободное слово—искало возможности высказываться со всей полно-

той и находило эту возможность, увы, только за границей, на чужбинѣ. Сначала Н. И. Тургеневъ, въ свое время причастный къ дѣлу декабристовъ и вмѣстѣ съ ними во главу лучшаго устройства жизни Россіи ставившій освобожденіе крестьянъ, а потомъ, съ 1847 г., А. И. Герценъ, живыми, полными внутренняго огня и ненависти къ крѣ-

М. Е. Салтыковъ.

постному праву статьями дѣлали его позорищемъ для Европы и неустанно тревожили русскую общественную мысль призывомъ покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Журналь А. И. Герцена «Колоколь» сослужилъ большую службу дѣлу распространенія освободительныхъ идей и пробужденію русской общественной мысли. «Если только есть будущность Руси и міру славянскому,—писалъ А. И. Герценъ, обращаясь къ рабовладѣльцамъ,—*крестьяне будутъ свободны. И вы, и я—мы чувствуемъ, что освобожденіе крестьянъ необхо-*

димо, неотразимо неминуемо... Если вы не сумѣете ничего сдѣлать, они все-таки будутъ свободны по царской милости или по милости пугачевщины... Спасите себя отъ крѣпостного права, и крестьянъ отъ той крови, которая иначе польется. Пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть обѣднаго народа русскаго. Но торопитесь, время страдное, ни одного часа терять нельзя»...

Такъ билъ тревогу, широко «гудя на башнѣ вѣчевой», «Колоколь» А. И. Герцена.

И нельзя назвать ни одного имени сколько-нибудь выдающагося писателя тѣхъ временъ, чтобы не назвать его вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ борцовъ противъ крѣпостного права.

Въ обществѣ, конечно, далеко не все были увѣрены въ необходимости освобожденія крестьянъ. Многіе среди дворянства высказывались противъ, и вообще старались не говорить объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Но дѣло настолько уже приблизилось къ концу, что замалчиваніемъ его ничего нельзя было достигнуть. Оно все равно заставляло говорить о себѣ всеѣхъ, а пуще того—думать. Еще въ концѣ 30-хъ годовъ, по порученію министра государственныхъ имуществъ гр. П. Д. Киселева, объѣзжалъ Россію съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ чиновникъ этого министерства и извѣстный писатель—Заблоцкій-Десятовскій. Въ его отчетѣ о поѣздкѣ отношеніе помѣщиковъ къ слухамъ о готовящейся отмѣнѣ крѣпостного права характеризуется такъ: «Тѣ изъ дворянъ нашихъ,—говоритъ онъ,—кои стоятъ низко на степени образованія, видятъ въ крѣпостномъ правѣ необходимое условіе своего существованія. Они не проникаютъ въ глубь вопроса, знаютъ только, что въ ихъ власти находятся люди, которые должны имъ работать даромъ, что наемнику надо было бы платить наличными деньгами, межъ тѣмъ, какъ крѣпостному предоставляется только средство къ вырубкѣ

денегъ, т.-е. земля. Въ глазахъ такихъ дворянъ это всегда выгоднѣе и, разумѣется, легче. Притомъ весьма много льститъ чувство власти, къ которой такъ привыкъ нашъ дворянинъ. Все это вмѣстѣ поддерживаетъ во многихъ убѣжденіе, что крѣпостное право не только необходимо, какъ установленіе законное, временемъ освященное, но какъ неотъемлемое право дворянства и средство къ поддержанію его состоянія.

Иные простираютъ это мнѣніе еще дальше: они убѣждены, что уничтоженіе крѣпостного состоянія будетъ губительно для государства. «Какъ»,—говорятъ они,—«предоставить людей этихъ самимъ себѣ, когда они и подъ нашей властью не имѣютъ порядочной нравственности? Да они всѣ сопыются и пропадутъ!» Нѣкоторые говорятъ: «Просвѣтите сперва крестьянъ, а потомъ и освободите». Въ освобожденіи крестьянъ они видятъ только нарушеніе ихъ права частнаго.—«За что же отнимать»,—говорятъ они,—«у насъ вещь, которую мы купили за деньги, выработанные нерѣдко трудомъ и терпѣніемъ? Хотите взять, такъ заплатите!» Другіе говорятъ: «Рабы суть младшіе братья челоувѣчества, надъ которыми нужна еще строгая и близкая отеческая власть. Свобода имъ вредна, какъ дѣтямъ».

Но, по свидѣтельству того же Заблоцкаго, слышались и другія мнѣнія: «Есть дворяне,—говоритъ онъ,—также весьма многочисленные, которые сознаютъ всю несправедливость крѣпостного состоянія. Сознаніе это еще болѣе поддерживается въ нихъ увѣренностью, что крѣпостное право, съ обязанностями, которыя налагаетъ оно на владѣльца, есть во многихъ случаяхъ тягость для сего послѣдняго. Помѣщики эти говорятъ: «Конечно, покупать и продавать людей есть чудовищность; возьмите, освободите ихъ, мы будемъ нанимать ихъ для работъ, но оставьте намъ нашу землю, кото-

рую мы купили; она есть предметъ, всегда и вездѣ подлежащій куплѣ».

Итакъ, Заблоцкій при своемъ сборѣ мнѣній помѣщиковъ, наталкивался или на болѣе или менѣе безусловную защиту крѣпостного права, или на готовность освободить крестьянъ, но не иначе, какъ безъ земли. «Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ онъ,—нельзя не замѣтить, что вопросъ объ измѣненіи крѣпостного права, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ казавшійся дикимъ, нынѣ никого не изумляетъ. Всякій такъ или иначе готовъ разсуждать о немъ».

Заблоцкій писалъ въ началѣ 40-хъ годовъ. Къ пятидесятымъ годамъ настроеніе общества оказывается еще болѣе напряженнымъ, что и становится особенно замѣтно въ литературѣ, какъ мы видѣли. Русское общество, лучшая, наиболѣе просвѣщенная часть его, ждетъ освобожденія крестьянъ, какъ чего-то насущнаго, необходимаго, безъ чего невозможнымъ становится жить. Такимъ же чувствомъ прониклось и крестьянство и все ждало воли. О волѣ въ крестьянской средѣ толковали, судили и рядили по всякому поводу.

Въ 1853 году, какъ извѣстно, началась Восточная война. Непрiятель вступилъ въ предѣлы Россіи и осадилъ Севастополь. Былъ обнародованъ манифестъ о созывѣ государственнаго ополченія. Такіе манифесты объявлялись и при прежнихъ войнахъ, но теперь лихорадочно настроенному въ ожиданіи воли крестьянству этотъ манифестъ показался чѣмъ-то особеннымъ. Разнесся слухъ, что тѣмъ изъ крестьянъ, которые добровольно запишутся въ ополченіе, будетъ дана воля съ землей. Крестьяне Рязанской губерніи обратились къ губернатору съ заявленіемъ, что они хотятъ итти въ ополченцы. То же произошло и въ нѣсколькихъ другихъ губерніяхъ. Движеніе становилось настолько серьезнымъ, что пришлось пустить въ дѣло военную силу для его умиротворенія.

При такомъ положеніи дѣль вступилъ на престолъ императоръ Александръ II.

VI.

Въ первые мѣсяцы своего царствованія императоръ Александръ II, занятый тяжелымъ дѣломъ заключенія мира послѣ Севастопольской катастрофы, не имѣлъ времени заняться крестьянскимъ вопросомъ. Но кругомъ него при дворѣ, въ обществѣ, народѣ толки о событіяхъ несчастной войны и объ отдѣльныхъ случаяхъ славной Севастопольской обороны все болѣе покрывались разговорами о томъ, отчего война вышла такой неудачной, и среди причинъ неудачи первыми и главными выдвигались тѣ, которые создавались на почвѣ господства крѣпостного права. «Здѣсь, въ Петербургѣ,—писалъ въ одномъ письмѣ извѣстный ученый К. Д. Кавелинъ,—общественное мнѣніе распространяетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, то общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится, и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится».

Правительство новаго государя издало рядъ распоряженій, отмѣнявшихъ различныя запретительныя и стѣснительныя мѣры минувшаго царствованія, направленные противъ университетовъ, печати и литературы. Стали возникать новые журналы и газеты. Правда, имъ было запрещено обсуждать вопросъ объ ограниченіи или упраздненіи крѣпостного права, но объ этомъ если не печатно, то устно говорили всѣ. Появилось нѣсколько рукописныхъ записокъ о крѣпостномъ вопросѣ, принадлежавшихъ перу выдающихся ученыхъ и обще-

ственныхъ дѣятелей. Эти записки во множествѣ копій обращались въ обществѣ, всюду читались, и всѣ о нихъ говорили и судили.

Но пока длилась война, правительство не хотѣло трогать такого большого вопроса, и новый министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской при вступленіи своемъ въ должность даже заявилъ въ отвѣтъ на толки объ освобожденіи, что государь императоръ повелѣлъ ему «нерушимо охранять права, вѣчноносными его предками дарованныя дворянству».

Эти, слова, правда, смутили нѣсколько сторонниковъ освобожденія, но толковъ объ отмѣнѣ крѣпостного права не прекратили. Зато торжествовали крѣпостники. Но этому торжеству скоро наступилъ конецъ. Послѣ заключенія мира императоръ Александръ II, въ мартѣ 1856 г., пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь московскій генералъ губернаторъ, Закревскій, ярый крѣпостникъ, обратился къ государю съ просьбой успокоить взволнованное разными слухами объ освобожденіи крестьянъ дворянство. Государь согласился, и когда дворяне собрались, сказалъ имъ свою знаменитую рѣчь, которая сразу поставила дѣло объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ на правильный путь. «Я узналъ, господа, — говорилъ императоръ, — что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету, столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній».

Послѣ этихъ словъ государя, быстро распространившихся по всей Россіи, толки о крѣпостномъ правѣ, о необходимости его отмѣны, о возможности ея и т. п. усилились еще болѣе. Во время коронаціи, въ августѣ 1856 года, съѣхавшіеся отовсюду дворяне ни о чемъ больше и не говорили. Генераль-губернаторъ литовскихъ губерній—Ковенской, Гродненской и Виленской—Назимовъ доложилъ государю, что дворянство подвѣдомственныхъ ему губерній горитъ желаніемъ содѣйствовать изъявленному государемъ императоромъ желанію улучшить бытъ крѣпостныхъ. Тогда государь для одобренія литовскихъ дворянъ издалъ рескриптъ на имя генераль-губернатора этихъ губерній, Назимова. Въ этомъ рескриптѣ государь одобрялъ благія намѣренія литовскаго дворянства, какъ вполне соотвѣтствующія его видамъ и желаніямъ, и позволялъ дворянству литовскихъ губерній образовывать изъ своей среды особое совѣщаніе—комитетъ—для выработки улучшенія быта тамошнихъ крестьянъ. Открытіе комитета вскорѣ и состоялось.

Межъ тѣмъ и въ Петербургѣ, съ 3 января 1857 г., тоже было устроено государемъ совѣщаніе особо довѣренныхъ лицъ подъ его собственнымъ предсѣдательствомъ, при чемъ задачей этому совѣщанію или комитету, было поставлено—подготовить къ движенію дѣло освобожденія крѣпостныхъ. Членомъ этого комитета въ августѣ того же года и былъ назначенъ братъ государя, великій князь Константинъ Николаевичъ сторонникъ освобожденія крестьянъ. По мысли великаго князя, крестьянскому дѣлу дали широкую огласку. Въ ноябрѣ 1857 года по всемъ губерніямъ были разсланы копии съ Высочайшаго рескрипта литовскому генераль-губернатору. При копияхъ находилось поясненіе министра внутреннихъ дѣлъ, гласившее, что и дворяне другихъ губерній, если пожелаютъ, могутъ устраивать

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Гр. С. С. Ланской.

совѣщанія объ улучшеніи быта ихъ крѣпостныхъ. Первымъ пожелало воспользоваться разрѣшеніемъ государя нижегородское дворянство, потомъ рязанское, и къ октябрю 1858 г. во всѣхъ губерніяхъ Россіи открылись совѣщанія—комитеты—дворянъ объ улучшеніи быта ихъ крѣпостныхъ.

Всѣ рѣшенія, къ какимъ приходили дворяне каждой губерніи въ своихъ совѣщаніяхъ, вѣдно было представлять въ Петербургъ въ особо учрежденный для разбора дворянскихъ мнѣній главный комитетъ. Тогда же рескриптъ былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе и печати было позволено обсуждать крестьянскій вопросъ. Печать съ восторгомъ привѣтствовала это разрѣшеніе и въ этомъ восторгѣ слились воедино голоса людей всѣхъ направленій и убѣжденій. А. И. Герценъ въ своемъ заграничномъ «Колоколѣ» привѣтствовалъ начало дѣла освобожденія крѣпостныхъ вдохновенной статьей съ подзаголовкомъ «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» «Имя Александра II, — писалъ Герценъ, — принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра же кончилось—все равно, начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ—пусть онъ довершитъ начатое, пусть полный вѣнокъ покроетъ его корону... Гнилое, своекорыстное, алчное противодѣйствіе законсѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—не опасны. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе?..»

Другой блестящій публицистъ Н. Г. Чернышевскій уже въ Россіи писалъ, сравнивая дѣло Александра II съ дѣяніями Петра Великаго: «благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчаетъ Александра II счастьемъ. какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ госуда-

рей Европы,—счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ...»

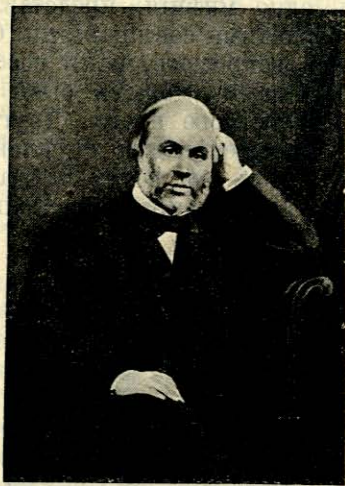
Въ такой обстановкѣ началось дѣло освобожденія крѣпостныхъ. Но дѣятелямъ его пришлось много побороться съ «темными и алчными силами».

Главный комитетъ, составленный изъ высшихъ чиновниковъ, раздѣлялся на двѣ части—комиссіи, названныя редакціонными, потому что онѣ должны были редактировать, т.-е. разбирать и сводить въ одно мнѣніа, представленныя дворянскими, губернскими совѣщаніями. Одна изъ комиссій занялась вопросомъ, какъ вообще, какими путями и средствами можетъ быть произведено упраздненіе крѣпостного права. Другая комиссія вырабатывала положенія для отдѣльныхъ частей Россіи,—земля, вѣдь, не вездѣ одинакова, и при раздѣлѣ нужно было приравнять количество пло-

Я. И. Ростовцевъ.

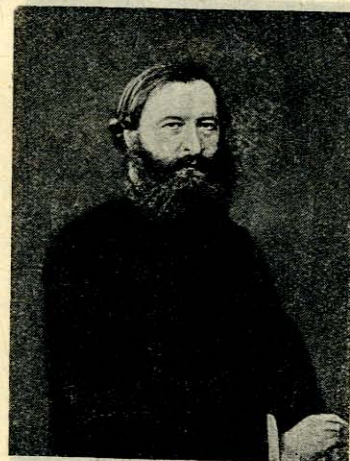
хой къ количеству хорошей, сообразить стоимость той и другой и т. п. Предсѣдателемъ комиссій государь назначилъ генерала Я. И. Ростовцева, пользовавшагося его особымъ довѣріемъ и искренно расположеннаго покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Въ составъ редакціонныхъ комиссій были назначены отъ разныхъ вѣдомствъ слѣдующія лица: отъ министерства внутреннихъ дѣлъ Н. А.

Н. А. Милютинъ.

Милютинъ, Я. А. Соловьевъ и А. К. Гирсъ; отъ министерства юстиціи — оберъ-прокуроры Сената М. Н. Любощинскій и Н. П. Семеновъ; отъ мин. государств. имуществъ—В. И. Булыгинъ и Н. Н. Павловъ; отъ 2-го отдѣленія собств. Е. В. канцеляріи—Н. В. Качаловъ и А. Н. Поповъ; отъ комитета по устройству крестьянъ разныхъ вѣдомствъ—И. П. Арапетовъ и отъ канцеляріи главн.

комитета—С. М. Жуковскій; затѣмъ были приглашены губернскіе предводители дворянства: орловскаго—В. В. Апраксинъ, петербургскаго—гр. П. П. Шуваловъ и кievскаго—О. К. Ярошинскій; члены губернскихъ комитетовъ: тульскаго—кн. В. А. Черкасскій, симбирскаго—А. Н. Татариновъ, самарскаго—Ю. Ф. Самаринъ, черниговскаго—В. В. Тарновскій и Г. П. Галаганъ, полтавскаго—М. П. Позень, виленскаго—К. И. Гечевичъ,

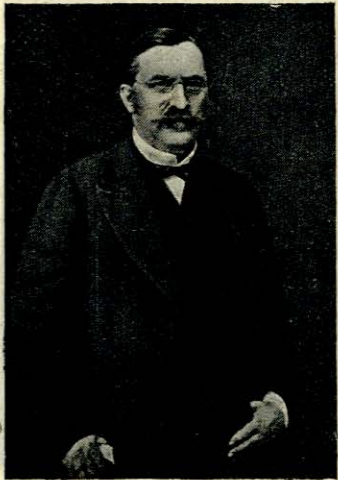

Ю. Ф. Самаринъ.

минскаго—Б. Ф. Залѣскій и новгородскаго—Н. И. Желѣзновъ. Были приглашены и помѣщики разныхъ губерній.

Одновременно съ образованіемъ редакціонныхъ комиссій на мѣсто недалековиднаго и нерѣшительнаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Левшина былъ назначенъ талантливый и дѣятельный Н. А. Милютинъ, рѣшительный приверженецъ

освобожденія крѣпостныхъ. Около него и сосредоточились наиболѣе дѣятельные сторонники освобожденія крѣпостныхъ изъ числа членовъ редакціонныхъ комиссій: Юрій Самаринъ, кн. Черкасскій, Я. А. Соловьевъ, С. М. Жуковский, М. Н. Любоцинскій, П. П. Семеновъ и др. Большую поддержку дѣлу освобожденія оказывала великая княгиня Елена Павловна, у которой собирались, раз-

Кн. В. А. Черкасскій.

суждали и сговаривались сторонники освобожденія какъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, такъ и люди изъ общества. Многимъ обязано дѣло освобожденія крестьянъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и потому, что она ревностно поддерживала въ дѣлѣ освобожденія императора Александра II, которому крѣпостники все время толковали о вредѣ освобожденія, о смутахъ и бунтахъ, которые оно

вызоветъ въ крестьянствѣ. Свѣтлый умъ великой княгини и ея искренняя приверженность къ дѣлу освобожденія безъ особаго труда разрушали злыя ковы крѣпостниковъ.

5-го марта 1859 г. предѣдатель комиссій, генералъ Я. И. Ростовцевъ изложилъ членамъ, какъ, по его мнѣнію, должно совершиться освобожденіе. Во-первыхъ, по его мнѣнію, нужно было вести дѣ-

Великая княгиня Елена Павловна:

ло какъ можно справедливѣе, одинаково безобидно для крестьянъ и помѣщиковъ. Во-вторыхъ, крестьяне непременно должны получить землю по согласію съ помѣщиками, выкупивъ ее у нихъ. Въ-третьихъ, крестьяне должны получить землю не только для усадебъ, подъ дворъ, но также и поляныя и другія угодія. Въ-четвертыхъ, барщинныя повинности отмѣнить какъ можно скорѣе. Въ-пятыхъ, правительство, казна должны помочь кре-

стьянамъ при выкупѣ ими земли у помѣщиковъ. Въ-шестыхъ, наконецъ, крестьянамъ должно дозволить владѣть выкупленной ими землей, какъ хотятъ: хотятъ сообща—міромъ, хотятъ—могутъ раздѣлить по дворамъ. Такъ какъ все́мъ было извѣстно, что Я. И. Ростовцевъ предлагалъ все это съ вѣдома государя, то предложенія его были приняты все́ми безъ споровъ, единогласно.

Но отъ единогласія въ принятіи такихъ общихъ положеній было еще очень далеко до единогласія въ обсужденіи мелочей при устройствѣ какъ самаго освобожденія, такъ и быта освобождаемыхъ крестьянъ.

Какъ среди членовъ комиссій, такъ и въ обществѣ существовали тысячи мнѣній относительно того, какъ быть съ крѣпостнымъ правомъ. По мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго, разсматривавшаго мнѣнія, представленныя губернскими комитетами, можно было раздѣлить ихъ все на три отдѣла. Первый—это мнѣніе тѣхъ, «кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому матеріальными выгодами»... Этотъ разрядъ, по мнѣнію министра, имѣетъ «тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ подъ разными видами». «Стремленія эти,—говоритъ министр,—встрѣчаются почти во все́хъ комитетахъ и въ весьма многихъ изъ нихъ составляютъ большинство». Второе было представлено «знатными и богатыми», явно желавшими удержать у себя всю землю, а крестьянъ превратить въ свободныхъ арендаторовъ. Третье мнѣніе шло со стороны меньшинства. Въ немъ выражалось желаніе совершенно уничтожить крѣпостное право и надѣлать крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли въ полную ихъ собственность.

Точно такіе же три рода мнѣній обнаружались и среди членовъ редакціонныхъ комиссій и возбуждали среди нихъ долгія и горячія пренія, осо-

бенно по вопросу о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, о томъ, какъ произвести размежевку земли, сколько оставить помѣщику, сколько отдать крестьянину.

Отдать всю землю крестьянамъ считалось такъ же невозможнымъ, какъ и не дать имъ совсѣмъ земли. Предлагали такой средній путь: оставить землю въ собственности помѣщиковъ, а крестьянамъ дать право вѣчнаго пользованія ихъ участками за оброкъ помѣщику, опредѣляемый по взаимному соглашенію. Но такой выходъ не рѣшалъ дѣла даже и на половину: оставалась зависимость между обѣими сторонами, становившаяся невыгодной для однихъ и надобъвшая другимъ. Послѣ многихъ и долгихъ споровъ пришли къ тому, что другого выхода, кромѣ предложеннаго Я. И. Ростовцевымъ, не можетъ быть, а именно: нужно дать крестьянамъ землю въ достаточномъ количествѣ въ собственность, при условіи, что крестьяне выплачиваютъ стоимость земли помѣщику.

Когда такой исходъ дѣла опредѣлился исполнѣ, сторонники крѣпостнаго права начали стремиться обставить все при освобожденіи крестьянъ съ землей такъ, чтобы это было какъ можно выгоднѣе для помѣщиковъ. Понятно, возлѣ чего стали тогда вращаться споры о выгодѣ и невыгодѣ,—возлѣ земли, какъ раздѣлить ее.

Освобожденіе крестьянъ съ землей могло быть выгодно для помѣщиковъ только при томъ условіи, если въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ земля дорога, размѣры крестьянскихъ надѣловъ будутъ сдѣланы по возможности малы, а въ нехлѣбородныхъ, гдѣ земля была менѣе дорога, цѣну за землю при выкупѣ назначили бы повыше. Въ первомъ случаѣ, крестьянамъ нехватало бы земли, и они поневолѣ стали бы арендовать ее у помѣщиковъ, другими словами, за помѣщиками осталась бы въ этомъ случаѣ дешевая рабочая сила. Во второмъ

случаѣ, помѣщикъ получалъ выгоду въ видѣ дорогой цѣны за землю.

Дворянству было обѣщано государемъ, что по окончаніи работъ губернскихъ комитетовъ депутаты отъ каждаго изъ нихъ будутъ приглашены въ Петербургъ для присутствія при обсужденіи ихъ проектовъ въ главномъ комитетѣ. Но вмѣсто главнаго комитета проекты губернскихъ комитетовъ поступили на разсмотрѣніе редакціонной комиссіи. Дворянскіе депутаты и были приглашены для участія въ работахъ редакціонной комиссіи. Ожидая отъ этихъ депутатовъ сильной критики правительственныхъ проектовъ и опасаясь, какъ бы большинство этихъ депутатовъ не привезли съ собой мнѣнія не въ пользу освобожденія крестьянъ съ землей, министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской, по совѣту Н. А. Милютина, представилъ государю записку съ суровой критикой дѣятельности губернскихъ комитетовъ и съ указаніемъ на опасность допущенія сплоченной оппозиціи правительству со стороны дворянъ. Въ запискѣ подчеркивалось, что депутаты вызываются «для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть», относительно мѣстныхъ особенностей разныхъ губерній, а вовсе не для разрѣшенія «какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненій въ государственномъ устройствѣ». Государь одобрилъ эту записку, и депутатамъ, когда они съѣхались, было сказано, что они должны только отвѣчать на то, что ихъ спросятъ, а подавать какаія-либо мнѣнія отъ себя имъ воспрещается.

Депутаты, думавшіе, что ихъ зовутъ для дѣятельнаго участія въ работѣ комиссій, очень обидѣлись, что ихъ ставятъ въ положеніе какихъ-то живыхъ справочниковъ, у которыхъ спрашиваютъ только то, что хотятъ спросить, а въ ихъ собственныхъ мнѣніяхъ не нуждаются. Депутатамъ сначала даже за-

претили было собираться для того, чтобы между собой обсуждать то дѣло, ради котораго они были вызваны. Тогда депутаты выработали и рѣшили подать государю адресъ, въ которомъ рѣзко осуждали происки бюрократіи, лишавшей ихъ самостоятельнаго значенія въ работѣ редакціонныхъ комиссій. Дѣло вышло тѣмъ досаднѣе, что большинство присланныхъ губернскими комитетами депутатовъ были настроены очень либерально, и такое обращеніе съ ними казалось тѣмъ обиднѣе. Тогда имъ разрѣшили частныя собранія и пообщались, что мнѣнія ихъ будутъ доводиться до государя. Депутаты собирались, много спорили, сильно и рѣзко критиковали работу редакціонныхъ комиссій. Но этимъ дали въ руки крѣпостниковъ новое оружіе. Въ ихъ дѣятельности крѣпостники усмотрѣли «политику», потрясаніе основъ и представили все такъ, что правительство сочло за лучшее поскорѣе отпустить этихъ депутатовъ домой. Труды этихъ депутатовъ составили три огромныхъ тома и во многомъ все же повліяли на дѣятельность редакціонныхъ комиссій. Депутаты высказывались не только за освобожденіе крестьянъ, но и за надѣленіе ихъ землей при условіи единовременнаго выкупа этой земли у помѣщиковъ. Но особенно рѣзко настаивали депутаты на необходимости устройства быта освобожденныхъ крестьянъ на широкихъ либеральныхъ и демократическихъ основахъ. Въ этомъ отношеніи много дѣльнаго и справедливаго сказалъ тверской депутатъ А. М. Унковскій. Онъ предлагалъ провести широкую систему самоуправления, когда мѣстными дѣлами управляли бы выборные отъ всѣхъ сословій какъ общимъ для всѣхъ дѣломъ и настаивалъ на необходимости установленія общаго для всѣхъ суда присяжныхъ.

На смѣну этимъ депутатамъ, которыхъ принято называть депутатами 1-го призыва, были вызваны

другіе, депутаты 2-го призыва. Депутаты первого призыва—были представителями нечерноземных губерній. Депутаты второго призыва были отъ губерній черноземныхъ. Насколько первые были настроены либерально и въ пользу освобожденія крѣпостныхъ, настолько вторые, опасавшіяся, что у нихъ будетъ отобрана въ пользу крѣпостныхъ вздорожавшая черноземная земля, были противъ освобожденія крѣпостныхъ и надѣленія ихъ землей.

А. М. Утковскій.

Въ этотъ моментъ произошло большое несчастье, грозившее большими затрудненіями дѣлу освобожденія крестьянъ, 6-го февраля 1860 года умеръ послѣ долгой болѣзни, развившейся на почвѣ переутомленія и чрезмѣрнаго нервнаго на-

пряженія, человекъ, одухотворяющій всю работу редакціонныхъ комиссій, направлявшій ее въ сторону дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ и и надѣленія ихъ землей, предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцевъ. На смѣну ему былъ назначенъ гр. Панинъ, крѣпостникъ по убѣжденіямъ, но человекъ мало дѣятельный и не смѣвшій прекословить государю, гласно заявившему себя сторонникомъ освобожденія крестьянъ. Но тормозить дѣло онъ могъ. Депутаты 2-го призыва были люди иного склада, чѣмъ депутаты первого. Среди нихъ преобладали крѣпостники, стремившіеся къ обезземеливанію освобождаемыхъ крестьянъ и сохраненію за помѣщиками права суда надъ крестьянами. Эти депутаты тоже рѣзко критиковали дѣятельность редакціонныхъ комиссій, но уже съ другой точки зрѣнія—какъ дѣятельность слишкомъ либеральную.

Настроеніе создалось такое, что за судьбу крестьянскаго дѣла стали серьезно опасаться. Особенно послѣ того, какъ двое депутатовъ 1-го призыва, Утковскій и Европеусъ, за высказанныя ими и показавшіяся слишкомъ либеральными мнѣнія были высланы одинъ въ Вятскую, а другой въ Пермскую губернію.

Дѣло дѣйствительно грозило остановиться. Поколебался въ своемъ положеніи и Н. А. Милютинъ, котораго крѣпостники обвиняли чуть ли не въ республиканскихъ стремленіяхъ. Но государь требовалъ, чтобы работы комиссій двигались скорѣе. Еще до того онъ самъ объѣхалъ нѣсколько великорусскихъ губерній и вездѣ обращался къ встрѣчавшимъ его дворянамъ съ рѣчами, въ которыхъ именовалъ дѣло освобожденія крестьянъ «великимъ», и убѣждалъ дворянство способствовать всѣми силами дѣлу освобожденія крестьянъ.

Въ то же время русскіе газеты и журналы, получившіе право свободно обсуждать вопросъ о крѣ-

постномъ правѣ, своими статьями разъяснили многія стороны дѣла, оставшіяся до того темными или казавшіяся неважными. Было, напримѣръ, мнѣніе, предлагавшее растянуть освобожденіе крестьянъ на возможно долгій срокъ—лѣтъ на 30, на 40. Рядъ статей въ газетахъ и журналахъ выяснилъ, что дѣлать это не только опасно, но и невыгодно.

Въ концѣ-концовъ комиссія рѣшила освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости возможно скорѣе и надѣлать ихъ въ собственность, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, землей, не только усадебной, но и пахотной. При выкупѣ ими земли—дать помощь изъ казны. Эти три условія и легли въ основу плана освобожденія крестьянъ, подробно разработаннаго комиссіями.

Въ продолженіе 1860 г. планъ этотъ разсматривался въ главномъ комитетѣ, и 14-го января 1861 года былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Первое засѣданіе государственнаго совѣта по вопросу освобожденія крестьянъ состоялось 28-го января 1861 года. Императоръ Александръ II лично открылъ засѣданіе совѣта рѣчью, въ которой требовалъ рѣшить дѣло къ половинѣ февраля, чтобы манифестъ вышелъ къ началу полевыхъ работъ. «Взгляды на представленную работу,—говорилъ между прочимъ государь,—могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушаю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали, какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ»...

Засѣданія государственнаго совѣта были очень бурны—это былъ послѣдній бой крѣпостниковъ со сторонниками освобожденія. Въ общемъ, побѣда осталась за авторами проекта редакціонныхъ комиссій, но крѣпостникамъ удалось нанести одинъ существенный ударъ своимъ противникамъ. Такъ, по

предложенію князя П. П. Гагарина, было принято положеніе о четвертномъ даровомъ надѣлѣ. Это были знаменитые «нищенскіе надѣла», составлявшіе $\frac{1}{4}$ высшаго указаннаго въ Положеніи надѣла. Если помѣщикъ предоставлялъ эту $\frac{1}{4}$ въ пользу крестьянъ безъ выкупа съ ихъ, разумѣется, согласія, то этимъ самымъ всѣ крѣпостныя отношенія между барининомъ и крестьянами кончались.

«Положеніе о крестьянахъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости», какъ назывался законъ, было принято въ государственномъ совѣтѣ 17 февраля, и 19 февраля 1861 года оно было подписано государемъ. Такъ осуществилось великое дѣло освобожденія крестьянъ.

VII.

Мы видѣли, что представляло изъ себя крѣпостное право. Всмотримся теперь ближе въ Положеніе 19 февраля, превратившее миллионы русскихъ людей изъ безправныхъ рабовъ въ свободныхъ людей.

Въ Положеніи 19 февраля можно различать три отдѣла. Въ первомъ содержится перечисленіе тѣхъ личныхъ правъ, которыя получили освобожденные крестьяне; второй касается отношеній бывшихъ крѣпостныхъ къ землѣ и помѣщику; наконецъ, въ третьемъ устанавливается образъ управленія крестьянъ, вышедшихъ на волю.

Правила перваго отдѣла отмѣняютъ всякую власть помѣщика надъ крестьянами. Крестьяне получаютъ на основаніи ихъ право, какъ порознь, такъ и цѣлыми обществами, заключать съ частными лицами и казной договоры, вступать въ обязательства и брать подряды; они могутъ свободно заниматься торговлей, устраивать фабрики и другія промышленныя заведенія, получаютъ право

иска, жалобы и суда, наказываемы за проступки и преступления могут быть не иначе, какъ по суду, или по законному распоряженію установленныхъ властей.

Какъ свободные сельскіе обыватели, крестьяне получаютъ право участвовать въ мѣстномъ управленіи, переходить въ другія сословія, воспитывать дѣтей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и поступать на государственную службу по нѣкоторымъ вѣдомствамъ.

Содержащіяся во второмъ отдѣлѣ статьи опредѣляютъ хозяйственный бытъ крестьянъ и прежде всего устанавливаютъ, что крестьяне имѣютъ право выкупить усадебную осѣдлость даже безъ согласія помѣщика, для выкупа же полевыхъ земель и угодій законъ требовалъ соглашенія съ помѣщикомъ. Признавая затѣмъ, что выкупъ земли самимъ крестьянамъ не подѣ силу, Положеніе давало имъ помощь отъ казны и опредѣляло самый порядокъ выкупа. Далѣе правила Положенія требовали, чтобы земля подѣ крестьянскіе надѣлы отходила только удобная, годная для пашни или сѣнокоса; пески, болота, овраги, улицы, дороги запрещалось засчитывать въ крестьянскіе надѣлы.

Такъ какъ почва въ различныхъ губерніяхъ и уѣздахъ Россіи неодинакова, то было бы несправедливо устанавливать одинаковый размѣръ надѣла для всѣхъ мѣстностей. Поэтому, принимая въ расчетъ различія въ плодородіи почвы, густотѣ населенія, цѣнности и количествѣ земли въ различныхъ мѣстахъ, душевые надѣлы сдѣланы были различны. Такъ, напримѣръ, въ Курской губ. и нѣкоторыхъ уѣздахъ Тульской, Рязанской и др. губерній надѣлы были назначены не болѣе $2\frac{2}{3}$ десятинъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской и Астраханской до 12 десятинъ.

Такъ какъ во многихъ губерніяхъ было много малоземельныхъ помѣщиковъ, обладавшихъ боль-

шими, сравнительно, количествами крестьянъ, такъ что могло случиться, что при раздѣлѣ чуть не вся помѣщичья земля должна была бы отходить крестьянамъ, то въ Положеніи, ради предупрежденія подобныхъ случаевъ, устанавливались для каждой губерніи низшій и высшій размѣры надѣловъ. При этомъ соблюдалось, чтобы низшій составлялъ $\frac{1}{3}$ высшаго. Если при размежевкѣ количество земли, которой пользовался каждый крестьянинъ во время крѣпостного права, было *выше* высшаго размѣра, установленнаго для этой губерніи въ Положеніи, то помѣщикъ могъ отрѣзать излишки въ свою пользу; если же надѣлы въ крѣпостное время были *ниже* низшаго размѣра, указаннаго въ Положеніи, то недостающую до низшаго надѣла долю нарѣзывали крестьянамъ изъ помѣщичьей земли.

Такъ какъ при размежевкѣ, особенно, когда приходилось отрѣзывать землю въ пользу помѣщика, могли происходить всякія злоупотребленія, то въ Положеніи строго указывалось, что отрѣзывать изъ крестьянскихъ надѣловъ можно только не унавоженные пашни, не поемные луга, кустарники, удаленные отъ деревень лѣса. Изъ унавоженныхъ полей позволялось дѣлать отрѣзки только въ тѣхъ случаяхъ, когда, кромѣ какъ изъ нихъ, не изъ чего было отрѣзать; огороды же, капустники, хмельники и конопляники вообще запрещалось отрѣзывать иначе, какъ съ согласія самихъ крестьянъ. Когда являлось нужнымъ прирѣзать крестьянамъ недостающую до назначеннаго въ Положеніи низшаго размѣра долю, то прирѣзку требовалось дѣлать изъ угодій смежныхъ съ крестьянской землей, или, по крайней мѣрѣ, изъ земель, находящихся неподалеку отъ крестьянскихъ угодій. Помѣщичья земля отходила къ крестьянамъ за выкупъ, сумму котораго они должны были уплатить въ пользу помѣщика.

Чтобы опредѣлить цѣну выкупаемой крестьяна-

ми земли, Положеніе указывало поступать такъ: извѣстную часть оброка, платившагося каждой ревизской крѣпостной душой помѣщику, обыкновенно отъ 1½ до 3½ руб., считали уплачиваемой за пользованіе усадьбой осѣдлостью и вычисляли, какой капиталъ долженъ получиться при 6% годовыхъ, если ежегодный доходъ съ него равняется отъ 1½ до 3½ руб. По вычисленіи оказывалось, что такой капиталъ можетъ равняться отъ 25 р. до 55 руб. Такимъ же образомъ вычисляли выкупную стоимость и другихъ угодій. Полученные итоги складывали и тогда получали оцѣночную стоимость земли и угодій. Для выкупа правительство предлагало крестьянамъ помощь отъ казны въ видѣ ссуды. Въ ссуду правительство выдавало отъ ¾ до ⅘ цѣны надѣла. Недохватку до полной стоимости крестьяне должны были вносить сами изъ своихъ средствъ: Какъ только крестьяне и помѣщикъ соглашались относительно размѣра выкупныхъ платежей, казна выдавала помѣщику слѣдующую сумму, и крестьяне превращались изъ должниковъ помѣщику въ должниковъ казны. Казенный долгъ крестьяне обязывались выплатить въ 49 лѣтъ путемъ ежегодныхъ взносовъ съ начисленіемъ 6%. Разрѣшалось, разумѣется, погасить казенный долгъ и ранѣе.

Пока крестьяне не сойдутся съ помѣщиками относительно выкупа, они должны были считаться временно-обязанными, должны были уплачивать помѣщику за пользованіе землей денежный оброкъ или отбывать барщину. Но право помѣщика на трудъ временно-обязанныхъ крестьянъ ограничивалось въ положеніи особыми правилами. Всѣ обычные при крѣпостномъ правѣ, такъ-называемые, «добавочные сборы» птицей, яйцами, масломъ, холстомъ отмѣнялись совсѣмъ. Денежный оброкъ временно-обязанныхъ крестьянъ устанавливался для различныхъ мѣстностей различный, смотря по

мѣстнымъ цѣнамъ, и простирался отъ 8 до 12 рублей съ душевого надѣла. Особенно точно опредѣлялись правила отбыванія временно-обязанными барщины. Рабочій день ограничивался 12 часами лѣтомъ и 9 зимой. Требовалось, чтобы работы отнюдь не были вредны для здоровья и были сообразованы съ силами работниковъ и работницъ. За удержаніе крестьянъ на барщинѣ лишнее противъ указаннаго время помѣщикъ подвергался денежному штрафу.

Всѣ условія, на какихъ совершался по взаимному договору крестьянъ съ помѣщикомъ выкупъ земли, вносились въ особую Уставную Грамоту.

Для наблюденія за тѣмъ, чтобы освобожденіе крестьянъ велось правильно, какъ указано въ Положеніи, выбирались изъ потомственныхъ дворянъ, землевладѣльцевъ уѣзда, особые мировые посредники. На ихъ обязанности лежало объяснять крестьянамъ условія ихъ освобожденія, вѣдать поземельныя отношенія между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами. Жаловаться на неправильныя дѣйствія посредниковъ можно было уѣздному мировому съѣзду, состоявшему изъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и члена отъ правительства. Высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ по устройству быта освобожденныхъ крестьянъ, по Положенію 19-го февраля назначались особые въ каждой губерніи губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, состоявшія изъ высшихъ чиновниковъ губерніи и выборныхъ членовъ отъ дворянства. Губернскія присутствія должны были разбирать жалобы на дѣйствія посредниковъ и съѣздовъ, утверждать всякія дѣла по добровольнымъ соглашениямъ между помѣщиками и крестьянами, главнымъ образомъ, по выкупу крестьянами земли.

Въ третьемъ отдѣлѣ Положенія 19-го февраля устанавливаются условія сельскаго самоуправленія. Всякая деревня должна въ своихъ внутрен-

нихъ дѣлахъ управляться сходомъ крестьянъ и выбираемымъ на сходѣ старостой. Принимать участіе въ сельскомъ сходѣ дозволяется только домохозяевамъ. На сходѣ рѣшаются дѣла, касающіяся хозяйственной жизни деревни, устанавливается порядокъ пользования мѣрской землей, назначаются ссуды изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ и т. п. Сходъ вѣдаетъ также дѣла, касающіяся семейныхъ отношеній, назначаетъ опекуновъ надъ малолѣтними сиротами, разрѣшаетъ семейные раздѣлы. На сходахъ развертываются съ общаго обсужденія и согласія все земскіе и государственные платежи. Все участники схода имѣютъ только по одному голосу.

Нѣсколько селеній, имѣющихъ вмѣстѣ приблизительно отъ 2000 до 3000 ревизскихъ душъ, составляютъ волость. Управление волостью состоитъ изъ: 1) волостного схода, 2) волостного старшины и правленія и 3) волостного суда. Волостной сходъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и выборныхъ крестьянъ по одному съ каждаго 10 домохозяевъ. Волостной сходъ вѣдаетъ все дѣла по хозяйству и управленію волостью. Для завѣдыванія текущими дѣлами волости волостной сходъ выбираетъ старшину, который, вмѣстѣ съ писаремъ, и ведетъ эти дѣла. Волостной судъ состоитъ изъ судей крестьянъ, выбираемыхъ на волостныхъ сходкахъ. Вѣднію этого суда подлежатъ дѣла, касающіяся только крестьянъ: гражданскія цѣной до 100 руб. и мелкія уголовныя преступленія. За послѣднія волостной судъ имѣетъ право приговаривать обвиненныхъ къ небольшимъ наказаніямъ: заключенію подъ арестъ, денежному штрафу и къ наказанію розгами не свыше 20 ударовъ *). Все дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно.

*) Высочайшимъ указомъ отъ 11-го августа 1904 г. тѣлесное наказаніе въ Россіи отмѣнено.

Таковы въ краткихъ чертахъ права крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости по закону 19-го февраля 1861 года. Заключительныя слова манифеста, которымъ сопровождалось обнародованіе закона: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго», — прекрасно выражаютъ основной смыслъ установленнаго новаго порядка: свободный, самостоятельный трудъ крестьянина на собственной его землѣ долженъ стать основой общественно-хозяйственнаго строя Россіи.

VIII.

5-го марта 1861 г. манифестъ о волѣ былъ обнародованъ. Скоро почта разнесла его во все углы Россіи. Въ церквахъ съ амвона читали «благую вѣсть» собравшемуся народу, и «дни Великаго поста превращались въ дни свѣтлаго праздника», какъ говоритъ одинъ современникъ. Безмѣрная радость охватила всехъ: двадцать пять милліоновъ крѣпостныхъ получили свободу! Въ день объявленія воли многіе москвичи и петербуржцы, встрѣчаясь на улицахъ съ знакомыми, христосовались, какъ въ Свѣтлый праздникъ. «Было два часа пополудни, — рассказываетъ одинъ современникъ, — на Царицыномъ лугу (въ Петербургѣ) было народное гулянье. Плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики «ура». Это государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, крики «ура» становились громче и громче; наконецъ, когда государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздались такое ура, отъ котораго, ка-

залось, земля затряслась. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ привѣтствовалъ своего царя-освободителя»...

Въ послѣдующіе дни народная радость имѣла не менѣе горячій характеръ, но совершенно не оправдывались мрачныя предсказанія крѣпостниковъ, ждавшихъ пьянства, бунта, погромовъ.

Подъ вліяніемъ этихъ толковъ весь петербургскій гарнизонъ былъ поставленъ подъ ружье, а по Москвѣ ходили и разъѣзжали усиленные патрули. Генераль-губернаторъ Игнатьевъ провелъ 5-ое и 6-ое марта въ Зимнемъ дворцѣ безотлучно. Одинъ свитскій генераль такъ рассказываетъ о настроеніи дворца въ этотъ достопамятный день: «Лица, собравшіяся во дворецъ въ ожиданіи Высочайшаго выхода, были, очевидно, неспокойны. Послышался глухой гулъ, какъ бы *выстрѣлъ*. Генераль-губернаторъ посылаетъ узнать, что такое? Ему докладываютъ, что... глыба снѣга скинута съ дворцовой крыши. Черезъ нѣсколько времени послышался *колокольный звонъ*; опять опростетью мчится фельдъегерь и, возвратившись, докладываетъ, что... звонили у Исаакія по случаю похоронъ какого-то священника»... Но всѣ эти напрасные страхи такъ страхами и остались. Настроеніе народа было самое мирное и серьезное; послѣднее сказалось въ томъ, что пьяныхъ, несмотря на послѣдній день масленицы, было меньше обыкновеннаго. Полиція, разумѣется, перестаралась въ своихъ «мѣрахъ предупрежденія и пресѣченія» и добилась того, что около манежа, гдѣ государь лично прочелъ манифестъ, народъ снялъ шапки, а «ура» никто не смѣлъ кричать, боясь полиціи. Газеты помѣстили рядъ ликующихъ статей. «Великое, величайшее слово въ русской исторіи произнесено! Послѣдствія этого слова будутъ неизмѣримо благодѣтельны, и память народная сохранить имя того, кто рѣшилъ

произнести это слово и снять узы, которыя были наложены на русскій народъ историческою необходимостью государственнаго начала», — такъ писалъ М. Н. Катковъ.

Осуществленіе манифеста 19-го февраля въ жизни прошло въ общемъ довольно мирно. Народъ терпѣливо ждалъ желанной свободы, понимая, что такое большое дѣло въ одно мгновеніе осуществиться не можетъ. Ожиданія крѣпостниковъ, что съ объявленіемъ воли всюду начнутся бунты и волненія, что крестьяне начнутъ «мстить» помѣщикамъ, не оправдались. Въ одномъ стихотвореніи, написанномъ И. С. Аксаковымъ, привѣтствовавшемъ зарю освобожденіе крестьянъ, есть двѣ строчки, которыя, можетъ-быть, лучше всего характеризуютъ настроеніе народа въ то время:

«Дню минувшему—прощенье,
Дню грядущему—привѣтъ!»

Изъ городовъ вѣсть о волѣ пошла по деревнямъ. Одинъ современникъ такъ описываетъ объявленіе воли въ одномъ селѣ Казанской губерніи: «За нѣсколько дней до Благовѣщенія подкатила къ барскому крыльцу тройка. Съ облучка соскочилъ солдатъ, а изъ саней вышелъ офицеръ. По селу мигомъ разнеслась вѣсть, что привезли волю отъ царя. Пока полковникъ завтракалъ и обѣдалъ, народъ собрался у конторы и ждалъ волю. Солдатъ изъ саней досталъ два большихъ запечатанныхъ пакета, подалъ ихъ полковнику, и онъ съ ними отправился на сходку. Сходка поклонилась ему въ поясъ, и полковникъ держалъ такую рѣчь:

— Вотъ два пакета, одинаково запечатанные, и въ нихъ вложены одинаковыя книги Положенія. Одна книга помѣщику, другая крестьянамъ, которую вручаю вашему старостѣ. Въ этой книгѣ написаны всѣ ваши права и обязанности; вы въ ней все найдете, что царь далъ народу. Слушайте вашихъ помѣщиковъ и работайте, чтобы на васъ жалобъ не было.

Крестьяне низко поклонились. Полковникъ сѣлъ въ сани и ускакалъ въ другія села».

Теперь у крестьянъ началась мука чтенія и уразумѣнія манифеста и Положенія, написанныхъ

Чтеніе манифеста о волѣ. Съ картины

Б. М. Кустодіева.

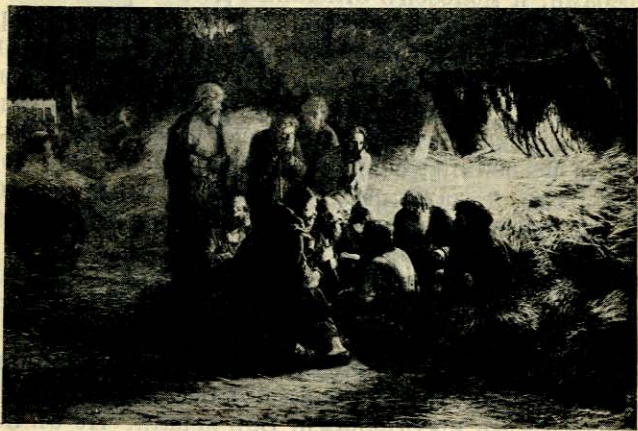
очень тяжелымъ, маловразумительнымъ для крестьянъ языкомъ. Манифестъ былъ написанъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, косо глядѣвшимъ на совершившееся великое событіе и несочувствовавшимъ ему. Холодный, сухой, витіеватый стиль этого произведенія заставилъ И. С. Тургенева, не знавшаго, кто авторъ манифеста, сказать, что манифестъ «самымъ явнымъ образомъ былъ написанъ по-французски и переведенъ на неуклюжій русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ». Вотъ фразы въ родѣ «благодѣтельно устроить» и «добрыя патріархальныя условія», — которые ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ».

Авторъ воспоминаній, отрывокъ изъ которыхъ былъ только-что приведенъ, рассказываетъ дальше, чего стоило чтеніе манифеста крестьянамъ. «Врученную старостѣ полковникомъ книгу Положенія всѣмъ міромъ понесли къ попу, чтобы отслужить молебенъ. Но попу уѣхалъ куда-то съ требами, и молебенъ отложили до воскресенья. Потомъ всѣ толпой отправились къ дому столяра, единственнаго въ селѣ грамотника. Съ большими предосторожностями вскрылъ столяръ пакетъ, вынулъ книгу и началъ читать съ первой страницы, не пропуская ни единого слова. Столяръ былъ чтецъ не бойкій; солдатскія письма онъ еще могъ разбирать и даже растолковывалъ такъ, что бабы плакали навзрыдъ, но указъ Сенату онъ кончилъ только къ вечеру.

— Всякое слово для меня понятно, — говорилъ онъ, — а куда что прикладывается, не могу растолковать.

Вся толпа долго и напряженно слушала длинный указъ, но никто не понялъ, какъ и почему онъ относится къ крестьянамъ. Всѣ ждали, что съ первой же страницы столяръ скажетъ, чья земля, луга и другія угодья, а столяръ до ночи продержалъ, а ничего не опредѣлилъ. Обратились къ къ дьячку, но тотъ быстро и невнятно прочелъ указъ Сенату, что вовсе не понравилось крестьянамъ. Привели тогда старую дѣву-начетчицу, но оказалось что она умѣетъ читать только по-церковному. Она вслухъ передъ міромъ пересчитала всѣ листы и посоветывала пришить къ книгѣ застѣжки. Кончилось тѣмъ, что нарядили отъ міра подводу и послали въ сосѣднее село за грамотнымъ мужикомъ. Подвода вернулась пустая, а посланный рассказалъ, что такая же «книга» есть въ томъ селѣ, но и тамошній грамотей, сколько ни старался, не могъ ее понять, и теперь тамъ сами ищутъ чтеца».

Так мыкались крестьяне не въ одномъ только въ этомъ селѣ, а чуть ли не по всей матушкѣ-Руси. Чтецовъ всюду искали, какъ клада, возили ихъ изъ села въ село, кормили, поили и самымъ лучшимъ считали того, который больше находилъ въ книгѣ «правовъ». Хорошо, если еще кре-

Чтеніе Положенія 19-го февраля 1861 г. Съ картины Г. Г. Мясоедова.

стьянамъ удавалось понять, что еще два года будетъ все по-старому, но случалось, что слѣпые толкователи доводили темныхъ слушателей до бѣды. Такъ, нѣкій чтець Антонъ Петровъ смутилъ своими толкованіями три уѣзда Казанской губерніи, распространяя слухъ, что по церквамъ читали «облыжный манифестъ», что настоящая «золотая» царская грамота даетъ крестьянамъ полную волю и отдаетъ имъ всю господскую землю даромъ, безъ какихъ бы то ни было повинностей и выкуповъ. Волновался народъ и въ другихъ губерніяхъ. Въ селѣ Безднѣ, гдѣ толковалъ манифестъ Антонъ Петровъ, никакія увѣренія властей не могли

убѣдить крестьянъ, что они ошибаются. Крестьяне упорно стояли на своемъ, отказывались повиноваться, отказывались работать на помѣщиковъ, какъ временно-обязанные, и говорили, что не думаютъ бунтоваться, но считаютъ себя обязанными стоять за «истинную волю», спрятанную господами. На «усмиреніе» была послана воинская команда, но и ея появленіе не поколебало крестьянъ. Тогда дана была команда стрѣлять, и 55 человѣкъ пали жертвой своего невѣжества и неосторожности начальства, не сумѣвшаго разъяснить Положеніе крестьянамъ. Были волненія крестьянъ еще въ губерніяхъ Пензенской и Тамбовской. Въ остальныхъ же введеніе Положенія прошло сравнительно спокойно, благодаря дѣятельности мирowychъ посредниковъ.

Когда прошло первое время «свободы», и немного улеглись восторги однихъ и досада другихъ, смыслъ Положенія сталъ яснѣе и дворянамъ, и крестьянамъ. Крестьяне увидѣли, что земля отойдетъ имъ далеко не вся и не даромъ, какъ они ждали. Помѣщики, въ свою очередь, поняли, что Положеніе, разграничивая ихъ поземельныя отношенія съ крестьянами и даруя личную волю бывшимъ крѣпостнымъ, вовсе не собираетъ ихъ «грабить», какъ вслухъ жаловался М. Н. Муравьевъ, пріобрѣтшій впоследствии извѣстность при крутомъ и жестокомъ усмиреніи имъ волнений въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Помѣщики успокоились до того быстро, что, какъ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, вводившій въ качествѣ мирового посредника Положеніе въ Самарской губерніи, «не имѣли настолько любознательности и даже любопытства, чтобы прочитать Положеніе, и узнавали о немъ лишь по разсказамъ управляющихъ и приказчиковъ».

Положеніе 19-го февраля 1861 года, освобождая крестьянъ отъ личной зависимости, заставляло ихъ обязательно выкупать землю у помѣщиковъ, а по-

мѣщиковъ обязывало на этотъ выкупъ соглашаться. Но обставлялось это обязательство однихъ выкупать, а другихъ соглашаться на выкупъ такъ, что въ выгодѣ могли быть скорѣе помѣщики, чѣмъ крестьяне. Помѣщику, не смотря на оговорки Положенія, все же оставался широкій просторъ уступать крестьянамъ земли худшія по качеству, нарѣзывать ихъ въ разныхъ мѣстахъ длинными и узкими полосами, часто безъ прогона для скота; многіе крестьяне соблазнялись четвертными надѣлами, и въ результатѣ крестьянскіе надѣлы оказались недостаточны. Самый выкупъ былъ устроенъ такъ, что крестьянамъ пришлось платить за землю дорожее, чѣмъ она стоила; тяжелы были также и оброки, которые по Положенію крестьяне должны были выплачивать помѣщикамъ, пока выкупъ не состоялся.

Положеніе указывало размѣръ высшаго оброка съ души за высшій надѣлъ въ каждой губерніи, сообщаясь съ естественными и хозяйственными условіями жизни въ каждомъ краѣ. Руководствуясь этимъ указаніемъ, вычисляли, сколько слѣдовало крестьянину платить оброка, когда надѣлъ оказывался ниже высшаго. При этой расцѣнкѣ принималось въ расчетъ не одно только качество почвы, но и тѣ хозяйственныя выгоды, которыя давало землѣ нахожденіе ея въ извѣстной мѣстности. Такъ, напримѣръ, крестьяне, получившіе надѣлы въ бойкихъ торговыхъ мѣстностяхъ, вблизи отъ большихъ торговыхъ дорогъ, или рѣкъ, платили, даже при невысокомъ качествѣ почвы, оброка владѣльцу больше, чѣмъ приходилось платить тѣмъ, которые получали черноземные участки, но въ глуши, далеко отъ всѣхъ средоточій торгово-промышленной жизни. Въ Петербургской губерніи, почва которой—болото, приходилось крестьянамъ платить 12 р.; а въ Самарской съ того же количества земли, но не болота, а чернозема, платили 9 р.

Затѣмъ, сумма оброка была разсчитана далеко не поровну за каждую десятину: первая и вторая десятины цѣнились дорожее другихъ. Съ первой десятины, въ составъ которой входила усадьба, шла половина всего причитающагося оброка, со второй четверть его, остальная же четверть раскладывалась на слѣдующія десятины, сколько бы ихъ ни было. Если, напримѣръ, высшій размѣръ надѣла въ данной мѣстности опредѣлялся Положеніемъ въ 5 десятинъ и оброка съ нихъ назначалось 10 рублей, то это не значило, что съ каждой десятины идетъ оброка два рубля. Положимъ, что крестьяне, по размежовкѣ на основѣ полюбовнаго соглашенія съ помѣщикомъ и руководствуясь Положеніемъ, получили въ надѣлъ не по пяти, а по три десятины на душу. Оброка имъ придется платить не 6 рублей.

По положенію, за первую десятину они должны платить половину всего назначеннаго оброка, т.-е. 5 р.; со второй десятины съ нихъ слѣдуетъ $\frac{1}{4}$ оброка, т.-е. 2 р. 50 к. Если бы крестьяне получили всѣ пять десятинъ, то за каждую остальную, т.-е. третью, четвертую и пятую, имъ пришлось бы вносить остальную четверть оброка,—2 р. 50 к., или по $83\frac{1}{3}$ коп. съ десятины, но они получили не всѣ пять, а только три десятины, и $83\frac{1}{3}$ коп. имъ приходится платить только съ одной третьей десятины. Всего же имъ приходится заплатить 5 руб. за 1-ую десятину, 2 р. 50 коп. за вторую и $83\frac{1}{3}$ коп. за третью, т.-е. всего 8 р. $33\frac{1}{3}$ к. При равномерной же оцѣнкѣ оброка съ каждой десятины въ два рубля они платили бы съ трехъ десятинъ всего 6 рублей.

Что касается размѣровъ выкупныхъ платежей, то они тоже стояли выше дѣйствительной стоимости земли, уплата же ихъ, хотя и разсроченная на 49 лѣтъ до самаго послѣдняго времени являлась большой тягостью для платежныхъ способ-

ностей крестьянина. Въ первые годы выкупъ надѣловъ шелъ очень быстро, и за десять лѣтъ—съ 1862 по 1871 гг.—изъ $10\frac{1}{2}$ мил. ревизскихъ душъ временно обязанныхъ крестьянъ болѣе $6\frac{1}{2}$ мил. выкупили 23 мил. десятинъ земли. За время съ 1862 г. по 1891 г. выдано было изъ казны выкупныхъ ссудъ 886 мил. рублей, а всего за это время 9.221.000 ревизскихъ душъ выкупили 38.820.000 десят. земли.

Но уже въ семидесятыхъ годахъ выкупная операція стала замедляться. Главной причиной этого замедленія было взаимное несоотвѣтствіе выкупныхъ платежей и доходности выкупаемыхъ надѣловъ. Этотъ прямой результатъ указанной расцѣнки выкупной стоимости земли тѣмъ тяжелѣе ложился на крестьянство, что съ него шли и разные другіе платежи—государственная подать и земскіе сборы, затѣмъ крестьянамъ приходилось оплачивать содержаніе собственнаго самоуправленія и отбывать нѣкоторыя натуральныя повинности въ родѣ подводной и дорожной. Платить въ общемъ приходится много. Вычислено для нѣкоторыхъ мѣстъ (Новгородской губерніи), что платежи съ десятины земли составляли у временно обязанныхъ 565% по отношенію къ доходности ея. Это значитъ, что если десятина земли давала дохода 1 руб., то платить всякихъ сборовъ съ нея приходилось 5 р. 65 к.! Для послѣдующаго времени это соотношеніе измѣнилось мало, если только измѣнилось. Въ 1885 году общій годовой окладъ выкупныхъ платежей по 48 губерніямъ равнялся 38.480.000 руб. Закономъ 28 декабря 1881 г. выкупные платежи были понижены на 1 рубль съ каждаго душевого надѣла. Въ 1896 г. было разрѣшено пересрочивать на много лѣтъ выплату оставшагося долга. Наконецъ манифестомъ 3 ноября 1905 г. выкупные платежи крестьянъ за надѣльные земли были отмѣнены, начиная съ 1-го января 1907 г. Такъ жизнь за-

ставила исправить то, что было придумано людьми безъ оглядки на естественное теченіе и состояніе народнаго хозяйства.

Что касается земельного обезпеченія крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, то, благодаря указаннымъ приемамъ развертки земли, крестьянство уже тогда жаловалось, что земли ему «не хватаетъ». Общее количество земли, которое отошло къ крестьянамъ при освобожденіи, было нѣсколько меньше того, какимъ они пользовались въ крѣпостное время. Изъ всей массы крѣпостныхъ земли получили достаточно только $57,74\%$, остальные же $42,26\%$ были надѣлены совсѣмъ недостаточно. Процентъ достаточно надѣленныхъ, конечно, сокращался съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе естественнаго роста населенія, и къ девяностымъ годамъ XIX-го вѣка только $20,6\%$ всего крестьянскаго населенія имѣли достаточныя надѣлы, остальные же $79,4\%$ едва могли прокормиться съ того количества земли, какое приходится на ихъ долю. Изъ ста крестьянъ 79 не были обезпечены въ кускъ хлѣба!

При недостаткѣ полевой земли крестьяне стали распахивать всякую землю, которая только могла итти подъ соху. Расширеніе поля на счетъ другихъ угодій имѣло особо тяжкія послѣдствія,—сократилось количество луговъ, пастбищъ, выгоновъ, что не могло не отразиться самымъ печальнымъ образомъ на скотоводствѣ, а ухудшеніе скотоводства, сокративъ количество удобреній, въ свою очередь, тяжело отразилось на хлѣбопашествѣ; вырубая лѣса для воздѣлыванья земли подъ пашню, крестьяне лишали себя возможности пользоваться своимъ лѣсомъ и топливомъ; съ другой стороны—уничтоженіе лѣсовъ не осталось безъ вліянія на климатъ: засухи и вызываемые ими неурожаи стали все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ на русской равнинѣ.

Нуждаясь въ землѣ, крестьяне арендуютъ ее по высокимъ цѣнамъ у помѣщиковъ, что вноситъ свою долю тяготы въ бытъ русскаго крестьянства. Въ результатѣ уменьшается количество высѣваемаго хлѣба, несмотря на увеличеніе народонаселенія. Съ 1857 по 1887 г. общее количество высѣваемаго хлѣба увеличилось на 10 милліоновъ четвертей, поднявшись съ 70 милліоновъ до 80 милліоновъ. Населеніе за это время увеличилось съ 61-го милліона душъ до 82 милліоновъ. Если теперь разсчитать, по скольку высѣваемаго хлѣба приходилось на душу въ 60-хъ годахъ XIX вѣка и по скольку въ 80-хъ, то выйдетъ, что количество высѣваемаго хлѣба на душу уменьшилось съ 1,14 до 0,98 четверика.

Чтобы облегчить тяжелое земельное положеніе крестьянъ, правительство учредило въ 1883 году государственный крестьянскій банкъ, дающій крестьянамъ возможность путемъ долгосрочныхъ ссудъ покупать земли у частныхъ владѣльцевъ. Но уже и покупать становится все труднѣе, такъ какъ уменьшается количество продающихся частныхъ земель. Крестьянскихъ земель въ общемъ количествѣ обрабатываемой земли въ Россіи уже въ концѣ восьмидесятихъ годовъ XIX-го вѣка считалось въ полтора раза больше, чѣмъ земель частновладѣльческихъ. Какъ на выходъ изъ этого тяжелаго положенія указываютъ на переселеніе, но оно устроено пока еще такъ плохо, что переселиться въ годъ имѣютъ возможность всего нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ, родится же людей въ годъ въ крестьянской Россіи свыше одного милліона. Дѣйствительное облегченіе все падающему и падающему крестьянскому хозяйству Россіи могло бы принести улучшеніе способовъ обработки земли, но улучшенные способы пока еще туго проникаютъ въ массу крестьянства да и недоступны обѣднѣвшимъ земледѣльцамъ по своей дороговизнѣ.

Русская деревня поэтому бѣдна, страшно бѣдна. Казенные и общественные сборы она уже не въ состояніи оплачивать полностью, и недоимки становятся послѣ «воли» обычнымъ явленіемъ, достигая въ нѣкоторыхъ губерніяхъ къ 1890-му году до 7 р. 50 к. съ души! Средній же размѣръ недоимки для всѣхъ губерній равнялся 40 коп. А такъ какъ съ развитіемъ жизни русская деревня перестала уже удовлетворять свои потребности исключительно произведеніями собственнаго хозяйства и многое должна покупать на сторонѣ, начиная съ ситца и керосина, то бѣдность дѣлается еще рѣзче, еще замѣтнѣе. Недавнее увеличеніе акциза на спички привело къ тому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, учитывая эту лишнюю трату, предпочитаютъ не пользоваться спичками и пустили въ ходъ забытые дѣдовскіе кремни и трутъ. Въ русской деревнѣ обычнымъ явленіемъ становятся совсѣмъ обнищавшіе крестьяне, не имѣющіе ни лошадей, ни сельско-хозяйственныхъ орудій: земельные надѣлы во многихъ мѣстахъ измелъчали до такой степени, что крестьянамъ становится выгоднѣе обрабатывать ихъ наемной лошадыю и взятой напрокатъ сохой, чѣмъ держать собственную лошадь и имѣть свою соху и борону. Обѣднѣвшій русскій крестьянинъ, чтобы прокормиться и уплатить всѣ повинности, долженъ искать заработковъ на сторонѣ, заниматься отхожими промыслами и итти на фабрику, продавать хлѣбъ, нужный для собственнаго пропитанія. Общій подъемъ спроса на хлѣбъ и расширеніе торговли хлѣбомъ съ заграницей дали крестьянамъ возможность обрачиваться, но печально то, что продаетъ русскій крестьянинъ не излишки, а урѣзываетъ свое собственное пропитаніе. Въ 1860-хъ годахъ вывозили за границу русскаго хлѣба около 88 милліоновъ пудовъ, въ срединѣ 1890-хъ годовъ вывозятъ уже 384 милліона!

Такимъ образомъ, Положеніе 19-го февраля 1861 года не оправдало возлагавшихся на него надежды, что оно создастъ хозяйственное благополучіе крестьянскаго населенія Россіи. Можно утверждать, что для крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей оно даже создало худшія условія хозяйственной жизни, чѣмъ тѣ, которыя въ данныхъ мѣстностяхъ господствовали при крѣпостномъ правѣ. Но было бы величайшей несправедливостью изъ-за хозяйственныхъ послѣдствій реформы умалять ея великій смыслъ и значеніе для всей жизни Россіи, съ которой спали крѣпостныя цѣпи 19-го февраля 1861 года. Крестьянская реформа положила доброе начало коренному преобразованію русской жизни. Этого забывать не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ.

Въ правовомъ отношеніи отмѣна крѣпостного права является безъ сомнѣнія величайшимъ событіемъ во всей новѣйшей исторіи Россіи. Это былъ колоссальный шагъ впередъ, изъ тьмы безправія къ свѣту полнаго торжества принциповъ свободы и гражданской равноправности. Правда, на дѣлѣ свобода и равноправіе не осуществились тогда же. Положеніе 19-го февраля сохранило нѣкоторыя ограниченія, сильно стѣснявшія свободу крестьянъ и противорѣчившія идеѣ гражданской равноправности всѣхъ подданныхъ государства.

Уничтожая зависимость крестьянъ отъ дворянъ, Положеніе 19-го февраля тѣмъ самымъ далеко не уравнивало въ правахъ крестьянъ и дворянъ, оно уравнивало крестьянъ въ правахъ лишь съ другими податными сословіями, которыя, можно сказать, въ силу существовавшей тогда податной системы, находились въ своего рода крѣпостной зависимости отъ государства. Такъ какъ подати взимались не съ имущества, а съ «душъ», т.-е. лицъ, то государство естественно была заинтересовано въ томъ, чтобы лица, «души», обложенныя податями и обязанныя нести натуральныя повинности, не

ускользали отъ ихъ отбыванія, а потому выходъ изъ податнаго состоянія былъ очень затрудненъ. Такъ какъ, далѣе, подать взималась съ лицъ, а не съ имущества, то и обезпеченіемъ правильнаго поступленія казенныхъ и земскихъ сборовъ могло служить не имущество, а лицо, вѣрнѣе лица, ручавшіяся одно за другое въ круговой поруцѣ, гдѣ всѣ отвѣчали за исправность каждаго. При такомъ порядкѣ сами податныя общества съ большой неохотой выпускали изъ своей среды каждагоплательщика, желавшаго перечислиться въ другое сословіе; «міръ», община, получилъ поэтому большую власть надъ каждымъ изъ своихъ сочленовъ и это сильно стѣсняло личную свободу каждаго крестьянина. вмѣстѣ съ несовершенствомъ устройства полиціи все это было причиною развитія крайне стѣснительной паспортной системы, уничтожавшей въ отдѣльныхъ случаяхъ всякую свободу передвиженія для отдѣльныхъ лицъ податныхъ сословій. Наконецъ государство, заинтересованное въ платежеспособности податныхъ душъ, не могло равнодушно относиться къ ихъ хозяйственной самостоятельности; отсюда возникла цѣлая система административной опеки надъ крестьянами, которымъ по закону было воспрещено отказываться отъ земельныхъ надѣловъ, приходившихся на ихъ долю, что, во-первыхъ, стѣсняло крестьянъ въ выборѣ себѣ рода занятій, привязывая ихъ исключительно къ земледѣлію, а во-вторыхъ—парализовало всякую гражданскую самостоятельность крестьянина, ставя его во всеобщую зависимость отъ станового, исправника, земскаго начальника и т. д.

Вотъ на этой почвѣ земельного неблагополучія русскаго крестьянства и несовершенствъ его правового устройства и создалось то смутное и тревожное настроеніе огромной страны, которое около 1905 г. разразилось всѣми извѣстными событіями,

принесшими съ собой, однако, значительное смягчение всѣхъ указанныхъ недочетовъ русской крестьянской жизни.

Еще закономъ 12 марта 1903 г. была отмѣнена круговая порука. Въ 1905 году очень упрощены были паспортныя формальности. Указомъ сенату отъ 4-го марта 1906 г. образованы землеустроительныя комисси, цѣлью которыхъ является приглашеніе крестьянъ и помѣщиковъ по обмѣну, продажѣ и покупкѣ земель, уничтоженію черезполосицы и т. д. Указомъ 12 и 28 августа 1906 г., предоставлявшими крестьянамъ для переселенія казенныя и удѣльныя земли, упорядочивался до извѣстной степени большой вопросъ крестьянскихъ переселеній въ Россіи. Наконецъ, указомъ 9-го ноября 1906 г. былъ нанесенъ едва ли не смертельный ударъ общинной зависимости крестьянъ: на основаніи этого указа каждый домохозяинъ общины получилъ право сдѣлаться единоличнымъ частнымъ собственникомъ отведеннаго къ одному мѣсту участка изъ земель общины.

Вотъ тѣ мѣры, которыми правительство, подъ давленіемъ послѣдствій несовершеннаго земельного и правового положенія крестьянъ, какъ оно обрисовалось въ законѣ 19-го февраля 1861 года, идетъ на ликвидацію этихъ несовершенствъ. Здѣсь не мѣсто разбирать правильность или неправильность принятыхъ направленій. Все пока еще находится въ состояніи образованія и оформливанія. Мы живемъ въ эпоху, такъ сказать, зарубцованія тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ Россіи, русскому народу, обществу и государству вѣковымъ господствомъ крѣпостного права, и такое положеніе дѣла не можетъ не ощущаться болѣзненно.

Мы видѣли, что значеніе крѣпостного права въ русской жизни было всеобъемлюще. «Оно было тормозомъ, — какъ выражается историкъ его паденія, — рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи».

При его господствѣ останавливалось и ггло все — развитіе общественности, увеличеніе народнаго благосостоянія, распространеніе просвѣщенія и образованія и упорядоченіе семейныхъ отношеній. «Въ крѣпостномъ правѣ, — по словамъ того же историка, — завязался узелъ, къ которому сходились всѣ язвы русской жизни». «Оздоровленіе» Россіи могло начаться лишь послѣ 19-го февраля 1861 г.

Съ паденіемъ крѣпостного права исчезли пегородки, раздѣлявшія русскихъ людей на свободныхъ и рабовъ. Слѣдствіемъ этого паденія «цѣпей крѣпостныхъ» явился рядъ преобразованій, имѣвшихъ цѣлью дать всему русскому народу одинаковыя права и возложить на него несеніе одинаковыхъ обязанностей. Въ этихъ цѣляхъ вводится новый судъ, который долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, гласный, «скорый, правый и милостивый», судъ присяжныхъ; всеобщая воинская повинность привлекаетъ въ ряды арміи подъ одинъ солдатскій ранецъ и барина и бывшаго крѣпостного; въ новыхъ городехихъ и земскихъ учрежденіяхъ крестьяне, мѣщане, купцы встрѣчаются, какъ равные, и ведутъ сообща городское, земское или общественное дѣло; общедоступнѣе становится образованіе. Правда, не всѣ указанныя реформы проведены въ жизнь одинаково послѣдовательно, далеко не одинаково ясно выражаютъ онѣ одну въ основѣ всѣхъ ихъ лежащую мысль о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, о широкомъ самоуправленіи мѣстныхъ общинъ, которое должно быть увѣнчано участіемъ представителей народа въ законодательствѣ и управленіи страной, но нужно помнить, что самое появленіе этихъ новыхъ устоевъ русской государственной жизни стало возможнымъ лишь съ 19-го февраля 1861 г., этого дня нашего обновленія, той зари «свободы просвѣщенной» солнце которой да прольетъ свой благодатный свѣтъ надъ многострадальной Россіей.

Съ 17-го октября 1905 г. русскій народъ, получилъ право участія въ законодательствѣ черезъ своихъ представителей. Надо надѣяться, что представители народа въ Государственной Думѣ разберутся въ этомъ тяжеломъ наслѣдїи отжившаго свое время крѣпостного строя, которое представляетъ изъ себя крестьянскій вопросъ, и сумѣютъ положить начало созданію такихъ условій жизни, при которыхъ кормилецъ и поилецъ русской земли — крестьянинъ — получитъ возможность человѣческаго существованія и сумѣетъ выбиться изъ путъ той неисходной нужды, которая создается на почвѣ малоземелья и темноты, и тогда наше отечество выйдетъ изъ той тяжелой смуты, въ которую ввергли его люди и обстоятельства жизни крѣпостныхъ временъ, когда такъ мало разсуждали и думали о будущемъ и жили въ обстановкѣ, крайне неблагоприятной какому бы то ни было проявленію какъ общественныхъ, такъ и единичныхъ силъ.

Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ.

Главнѣйшими пособіями при составленіи очерка служили слѣдующія статьи и книги:

- М. Дьяконовъ.* Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Россіи XVI и XVII вв.
- В. Ключевскій.* Происхожденіе крѣпостного права. («Русская Мысль», 1885 г., книги 8 и 10-ая.)
- Его же.* Отмѣна холопства въ Россіи. («Русская Мысль», 1886 г., книги 5, 7, 9 и 10-ая.)
- Его же.* Курсъ русской исторіи, ч. I—IV.
- К. Побѣдоносцевъ.* Историческія изслѣдованія и статьи.
- И. Бѣльмевъ.* Крестьяне на Руси.
- В. Сергѣевичъ.* Русскія юридическія древности, т. I—III.
- Его же.* Лекціи и изслѣдованія.
- В. Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе Импер. Екатерины II-й, т. I и II.
- Его же.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и перв. полов. XIX в., т. I и II.
- П. Милоковъ.* Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I.
- Его же.* Крестьяне. (Статья въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона, т. 32, стр. 675—725.)
- И. Забѣлинъ.* Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ («Вѣстникъ Европы», 1870 г., кн. 1—2).
- А. Доброклонскій.* Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII в.
- Ю. Готье.* Замосковный край въ XVII в.
- А. Лаппо-Данилевскій.* Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв.
- Его же.* Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII в.
- И. Розиковъ.* Сельское хозяйство Московскаго государства XVI в.
- Б. Чичеринъ.* Опыты по исторіи русскаго права.
- Н. Дебольскій.* Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в.
- С. Розидестевскій.* Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка.

- И. Энгельманъ.* Исторія крѣпостного права въ Россіи.
- И. Неапоковъ.* Паденіе крѣпостного права.
- А. Заблоцкій-Десятовскій.* Графъ Киселевъ и его время.
- Г. Джанишевъ.* Эпоха великихъ реформъ.
- М. Туганъ-Барановскій.* Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ, т. I, изд. 1900 г.
- Кнзъ Н. Волконскій.* Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ.
- И. Пенатовичъ.* Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.
- А. Поваляшинъ.* Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные.
- Д. Троицкій.* Крѣпостное населеніе Россіи по X-й ревизіи.
- И. Струевъ.* Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. («Міръ Божій», 1888 г., кн. 10—12).
- А. А. Корниловъ.* Крестьянская реформа.
- Его же.* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ II.
- Кн. О. Трубецкая.* Матеріалы къ біографіи кн. В. А. Черкаскаго.
- «Крестьянскій строй». Т. I. Сборникъ статей А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. П. Семевскаго и И. М. Страховскаго.
-